

Р. М. Абинякин

**ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ:
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ,
МИРОВОЗЗРЕНИЕ.
1917-1920 гг.**

Орел - 2005

ББК - Т 3(2)

А-15

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ОГУ.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор С. Т. Минаков.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Любое несанкционированное использование (в том числе плагиат, копирование, редактирование, публикация, издание и/или распространение и т. д.) всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения Автора. Все попытки нарушения Закона строго запрещены и преследуются в судебном порядке.

Абинякин Роман Михайлович. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг.: Монография. - Орел.: Издатель А Воробьев. 2005. - 204 с

В работе проанализирована ситуация, в которой оказалась русская армия в феврале-октябре 1917 г., зарождение офицерской активности в Белом движении; формы и методы первичного объединения офицерства; выявлены пути и способы вступления офицеров в Добровольческую армию и ее последующих пополнений; исследован социальный состав офицеров-добровольцев и его изменения в ходе Гражданской войны; изучена специфика мировоззрения и взаимосвязь с социальной средой; оценена степень сплоченности офицерского корпуса Добровольческой армии и уровень его социокультурного единства.

Впервые предпринято единое изучение формирования и эволюции добровольческого офицерства Юга России в социально-мировоззренческом и социально-психологическом аспекте. Характеристика офицеров Добровольческой армии произведена в самом широком смысле, включая принадлежность к староармейской структуре и положение в ней, чины и особенности чинопроизводства, служебно-должностные продвижения и преимущества, уровень потерь, степень добровольности, сословное происхождение и национально-конфессиональный состав. Собраны и систематизированы обширные персонально-биографические данные 7209 офицеров.

Монография адресована как исследователям, преподавателям, студентам, так и массовому читателю. Материалы монографии включены в рамки авторских спецкурсов «Белое движение в России», «Россия в XX в.» что позволяет использовать ее в качестве учебного пособия.

ISBN 5-900901-57-2

© Р.М. Абинякин, 2005

© Издатель А Воробьев, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	4
Глава 1. Возникновение и специфика добровольчества в 1917 г.	12
1.1. Начало конца: русская армия после Февральской революции.	12
1.2. «За Россию и свободу»: первые добровольческие формирования.	28
Глава 2. Социально-организационные особенности офицерства Добровольческой армии	50
2.1. От митингов к оружию: военно-патриотические организации.	50
2.2. Конспирация и импровизация: формирование офицерского корпуса Добровольческой армии.	66
Глава 3. Калейдоскоп: социальный состав офицеров-добровольцев	89
Глава 4. «Почти святые» и «почти разбойники»: мировоззрение офицерского корпуса Добровольческой армии	118
Глава 5. Остатки былого великолепия: офицеры гвардии и Белое добровольчество	159
Заключение	178
Приложения	182
Источники и литература	193

ВВЕДЕНИЕ

Нет дела, коего устройство было бы труднее,
ведение опаснее, а успех сомнительнее,
нежели замена старых порядков новыми.
Н. Макиавелли

Изучение истории социальной и политической борьбы в России XX века является одной из основных проблем современной науки, и без него невозможно осмысление глубин того кризиса, апогеем которого стала Гражданская война и ее последствия.

Распутье, на котором оказалась Россия в 1990-2000-е гг., структурный кризис в сочетании с преимущественно критическим отношением к прежнему пути развития и отсутствие достойной альтернативы вызывают обращение к историческому опыту в аналогичной ситуации смуты. Немизбежно переосмысления прежних подходов и поиск новых, способных объективно осветить формирование, сущность и противостояние основных сил социального конфликта 1917-1920 гг. В условиях непоследовательного и нередко разрушительного реформирования, ослабления государственности, идейного расслоения общества, усиления социальной демагогии, падения внешнеполитической активности и авторитета, появления угрозы территориального распада страны неизбежно обращение к анализу особенностей сил, претендовавших на положение основной альтернативы большевистскому режиму.

Особую значимость сегодня приобретают два направления обозначенной проблемы. Во-первых, взгляд на Белое движение как на культурно-нравственный феномен, унаследованный из дореволюционной России, но неизбежно деформированный в эпоху Гражданской войны. На целесообразность изучения человеческого аспекта, Гражданской войны «как состояния души» и социального происхождения белого офицерства уже не раз указывал ряд историков, в том числе и зарубежных.¹ Во-вторых, преодоление традиционной оторванности рассмотрения Гражданской войны от революции.

Длительное время о личном составе Белого движения не велось и речи, и лишь периодически имело место попутное освещение его особенностей. Впервые это сделал Н.Е. Какурин.² Весьма интересны своим обращением к предыстории Гражданской войны книги ВД Поликарпова,³ проследившего ряд внешних проявлений складывания социальной базы Белого движения. Эмигрантских авторов (Н.Н. Головин, АА Зайцов, Н.Г. Росс, Н.П. Полторацкий⁴), помимо предвзятости, сумели сделать выводы только по отдельным вопросам, неплохо описав их, но не сумев по большому счету проанализировать.

Середина 1990-х - начало 2000-х гг. характеризуется бурной аквизацией исследований по истории Белого движения. К сожалению, значительное место среди них занимали либо слегка обновленная «политическая история», либо эмоциональные нарративы о «трагедии Белой Гвардии».⁵

А.В. Венков и Ю.Д. Гражданов⁶ главное внимание сосредоточили на политической канве и роли внешних факторов в нем. В.Д. Зимина рассматривает Белое движение более широко и многопланово, затрагивая и социальные, и идеологические стороны.⁷ В.П. Федюк произвел более глубокий анализ ментальных особенностей ВСЮР, чем многие иные исследователи (но при этом мало касаясь происходивших в них социальных процессов).⁸ В.П. Слободан⁹ произвел лишь общий обзор основных моментов Белого движения на Юге России, включив в него описательные биографические фрагменты лидеров, но ограничился фрагментарным анализом и отрывочными неопределенными выводами. А.Д. Сухенко¹⁰ рассмотрел Белое движение в совокупности всей палитры проблем (стратегия, аграрный вопрос и т. д.), причем анализ социального состава всех добровольцев произвел на основе крайне ограниченных данных о нескольких десятках старших первопоходниках, опубликованных еще пятнадцать лет назад.¹¹ Говорить о достаточном уровне качества работ В.П. Слободина и особенно А.Д. Сухенко не приходится. В.Ж. Цветков обозначил вопрос социального состава Добровольческой армии, но его сжатое исследование затронуло данный вопрос все же лишь в связи с изучением системы комплектования.¹²

В обобщающе-справочных работах С.В. Волкова об организационной структуре Белого движения содержится персональная информация о комсоставе и составленные им списки участников 1-го Кубанского похода.¹³ Последняя монография С.В. Волкова содержит обширную, отчасти систематизированную информацию о количественных показателях белого офицерства и динамике их изменений, а также о его роли в армии - правда, роли чисто «военной». Однако невозможно всерьез согласиться с тем, будто белое офицерство вобрало «все, что представляло культурные и духовные силы страны, в их рядах сохранялись традиции русской армии и российской государственности».¹⁴ Такое мнение может быть высказано либо исключительно априорно, идеологически ангажированно, либо без серьезного анализа духовной и социально-психологической сфер добровольчества.

По сути дела, изучать Белое движение пытались, не рассматривая его непосредственных участников. Для понимания же социально-психологических механизмов революционной смуты просто необходимо увидеть внутренний мир, эмоции и мотивации

живых людей. Между тем ощутить себя в шкуре офицера-добровольца не смог ни один из исследователей, и во многом потому, что даже не пытался этого сделать.

Впрочем, отдельного и совершенно особого упоминания достойно фундаментальное исследование социально-психологической природы и последствий революционных деформаций психологии масс, произведенное В.П. Булдаковым¹⁵ и являющееся, по сути, утверждением качественно новой парадигмы понимания всей истории России XX века вплоть до современности. Автор не ищет виновных и не описывает, а осмысливает насилие, которое выступает в роли своеобразного индикатора, позволяющего раскрыть психологические и ментальные глубины кризиса массового сознания и их практического воплощения, в частности, и в среде добровольческого офицерства.

Для выявления глубинных структурных и психологических деформаций общества в условиях революционной смуты весьма важно выяснить, насколько социальный состав добровольческого офицерства зависел от условий, причин и целей формирования армии и взаимосвязи с его мировоззренческими особенностями. Необходимо четко задать целый ряд вопросов, над которыми ранее никто попросту не задумывался. Как ситуация, в которой оказалась русская армия в феврале-октябре 1917 г., стимулировала офицерскую активность в Белом движении? Каковы пути, способы и мотивы вступления офицеров в Добровольческую армию? Насколько разнообразен социальный состав офицеров-добровольцев, чем он был обусловлен и как изменялся в ходе Гражданской войны? В чем специфика офицерского мировоззрения и взаимосвязь с более чем проблематичной повседневностью революционной смуты? Насколько был сплочен офицерский корпус Добровольческой армии, и вообще могло ли в нем присутствовать социокультурное единство?

Наиболее значимым является период с февраля 1917 г. по ноябрь 1920 г., а особенно обращение к февральско-октябрьским событиям - к истокам не столько формирования Белого добровольчества его лидерами, сколько к социально-психологической приростекателности для рядовых участников.

Источниковой базой исследования стали архивные документы. Были использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, фонды Р-5895 - В.Г. Харжевский, Р-6050 - штаб Дроздовского полка, Р-9123 - штаб Алексеевского полка) и Российского государственного военного архива (РГВА, фонды 39689 - штаб 2-го Корниловского полка, 39688 - штаб Марковской дивизии, 39689 - штаб 1-го Марковского полка, 39720 - штаб Добровольческой армии, 39725 — управление полевого контролера Добровольческой армии, 39914 — штаб 2-го Сводно-Гвардейс-

кого полка). Они содержат богатейшие фактические данные, характеризующие личный состав и внутренний социокультурный и повседневный мир офицерства добровольческих частей. Это имен-ные списки, должностные расписания, денежные ведомости, алфа-виты офицеров, приказы по полкам и секретные информацион-ные бюллетени первых лет эмиграции. Именно они послужили главным источником для создания систематизированных персо-нально-биографических данных, ставших основой для социально-статистического анализа. Множество бытовых деталей, не предназ-наченных для обнародования и потому заслуживающих достаточ-ного доверия, оказали серьезное воздействие на осмысление доб-ровольческого менталитета.

Вторую, не менее значимую группу архивных материалов составляют многочисленные документы личного происхождения, осевшие в ГАРФ и до сего времени не использовавшиеся либо зат-рагивавшиеся фрагментарно (фонды Р-5827 - АИ. Деникин, Р-5853 - АА фон Лампе, Р-5881 - коллекция отдельных мемуаров эмиг-рантов (воспоминания Д.Б. Бологовского, С.Н. Гернберга, П.В. Кол-тышева, М.А. Пешни), Р-6562 - А.В. Бинецкий, а также дневник В.К. Витковского из фонда В.Г. Харжевского). Они чрезвычайно ценны не только содержащимися в них личными впечатлениями и оцен-ками, но и сообщением целого ряда неизвестных ранее моментов, которые позволяют существенно скорректировать прежние пред-ставления. Наиболее это касается сюжетов записок Бологовского о зарождении добровольчества на Румынском фронте и о вражде М.Г. Дроздовского и И.П. Романовского, а также документы Дени-кина о роли А.П. Кутепова в его уходе с поста Главкома ВСЮР. Осо-бенно следует упомянуть дневник АА фон Лампе, который пред-ставлял собой сочетание офицера гвардии и Генерального Штаба, достаточно высокой официальной должности и влиятельного не-гласного положения помощника начальника организации «Азбу-ка» В.В. Шульгина. Это обусловило его глубокую информирован-ность о скрытой стороне многих событий. Кроме того, источники данной группы уточняют некоторые факты, отраженные в опу-бликованных мемуарах в искаженном виде.

При исследовании предыстории Белого добровольчества большую роль сыграли материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, фонды 69 - А.М. Зайончков-ский, 2003 — штаб Верховного Главнокомандующего). Они отража-ют ситуацию в русской армии 1917 г., деятельность военно-патрио-тических организаций и кампанию по формированию первых доб-ровольческих подразделений - ударных батальонов и «частей смер-ти», позволяя воссоздать ее целостную панораму. Полные стенограм-мы совещаний в Ставке Верховного Главнокомандующего и разно-

образные приказы проясняют позиции высшего генералитета, а переписка, листовки, воззвания и статистические документы показывают отношение к происходящему офицерских масс. Фонд 409 (послужные списки) и фонды отдельных полков проливают свет на сословную принадлежность и служебно-биографические особенности ряда будущих командиров Добровольческой армии.

По мере необходимости привлекаются документы Государственного архива Орловской области, которые ранее находились в областном партархиве и потому были закрыты для использования. Несмотря на немногочисленность, они помогают осветить частные, но неизвестные фрагменты. Так, благодаря подборке обращений и листовок корпуса генерала К.К. Мамонтова выявлено присутствие агентов Добровольческой армии в частях Донской армии для привлечения пополнений к себе.

Из опубликованных документов к работе привлечены боевые расписания, служебные доклады, переписка и финансовая отчетность добровольческих активистов. Неординарным, но ценным источником стали списки кавалеров ордена Святителя Николая Чудотворца и захоронений белых некрополей, преимущественно кладбища Сент-Женевьев-де-Буа.

Мемуарные источники представлены весьма широко как эмигрантскими изданиями, так и не издававшимися ранее и вышедшими только в последние годы в России. Среди них можно выявить несколько блоков. Прежде всего, это воспоминания лидеров Добровольческой армии - А.Л. Богаевского, В.К. Витковского, П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, М.Г. Дроздовского, А.А. фон Лампе, А.С. Лукомского, П.С. Махрова, Я.А. Слащева, Б.А. Штейфона. Они характеризуют общие вопросы и часто содержат неоценимую информацию по организации и моральному облику армии, однако в них нередко выстроена определенная, выгодная автору версия. Вторую, самую обширную группу составляют свидетельства рядовых офицеров-добровольцев - марковцев Э.Н. Гиацинтова, В.А. Ларионова, С.Я. Эфрона, дроздовцев И.А. Долакова, А.В. Туркула, алексеевцев Е.Ф. Емельянова, Б. Пылина и др., включая чинов других армий. За небольшим исключением (лубочно обработанные мемуары Туркула и т. п.) они содержат весьма обыденные и откровенные наблюдения; особо это свойственно Р.Б. Гулю, Г.Д. Венусу, С.И. Мамонтову, С.М. Паулю.

К третьей группе относятся воспоминания современников и очевидцев, не входивших в Добровольческую армию: политиков (А.И. Гучков, М.В. Родзянко), общественных деятелей (А.А. Валентинов, Л.В. Половцов, В.В. Шульгин) и иных активных участников событий, в том числе и из лагеря большевиков (М.Д. Бонч-Бруевич, А.И. Верховский, И.Л. Кремлев). Зачастую они содержат интересные свидетельства, но страдают не меньшей субъективностью, особенно у

АФ. Керенского и Н.В. Савича. В то же время близкое наблюдение происходящего способствует наличию упоминаний довольно ценных фактов (Т.Н. Трубецкой, В.Ф. Клементьев).

Полковые истории Корниловских, Марковских, Дроздовских и других отдельных частей являются крайне своеобразными источниками. Написанные непосредственными участниками (А.А. Байдак, В.Н. Звегинцов, М.Н. Левитов, В.Е. Павлов и др.) на основе личных дневников и письменных и устных воспоминаний однополчан, они включают целые многостраничные фрагменты с небольшими логическими связками. Несмотря на сильную предвзятость оценок, в них сконцентрирован богатый хронологический, списочно-служебный, идеологический и бытовой материал фактического плана, что позволяет уверенно причислить полковые летописи к четвертой группе мемуарных источников.

В качестве источников использованы и периодические издания эмиграции. Основная их ценность заключена в обширных персональных данных, содержащихся в многочисленных биографических справках и некрологах журналов «Часовой», «Вестник Общества Галлиполийцев», «Вестник первопоходника» и «Первопоходник». Кроме того, в них опубликовано множество кратких воспоминаний большинства офицеров, не сумевших издать их отдельно, но значение которых от этого не снизилось. К ним примыкают и современные отечественные издания, продолжающие эмигрантские («Военная быль», «Кубанец») или новые («Белая Гвардия»), где значительное место принадлежит перепечаткам их материалов.

Использованные источники разнятся по степени объективности. Казалось бы, наиболее достоверная информация содержится в служебных документах, не предназначавшихся для обнародования и отражающих реальное положение вещей - приказах по полкам, переписке, списках, отчетах, докладах, осведомительных листах «внутреннего» назначения. Но и они нуждаются в постоянной сравнительной перепроверке по смежным и параллельным документам. Личные архивные материалы конфиденциального характера заслуживают еще более осторожного подхода. Опубликованные мемуары обладают неоднозначной достоверностью: одни носят ярко выраженный лакированный характер, другие же достаточно откровенны.

Таким образом, необходимо новое, единое осмысление формирования и эволюции добровольческого офицерства в социально-мировоззренческом и социально-психологическом аспекте, переход от описания отдельных особенностей к его анализу и осмыслению. Социальная характеристика офицеров Добровольческой армии произведена в самом широком смысле, включая принадлеж-

ность к староармейской структуре и положение в ней, учтены чины и особенности чинопроизводства, служебно-должностные продвижение и преимуществ, уровень потерь, устойчивость в движении, степень добровольности и по мере возможности (обусловленной качеством источников) – сословное происхождение и национально-конфессиональный состав. Для этого собраны и систематизированы обширные персонально-биографические данные более 7 тыс. офицеров. На этой основе стало возможным впервые установить конкретные цифры, характеризующие социальный облик добровольческого офицерства. Нами выявлены и проанализированы такие мировоззренческие компоненты, как мотивации, самовосприятие, социальная мифология, внутрикорпоративная иерархия, система ценностей, – в тесной связи с их практическим воплощением и обусловленностью исходными социокультурными особенностями. Необходима постановка проблемы борьбы за власть белого генералитета как постоянного и влиятельного фактора существования Добровольческой армии, что позволяет выявить противоречия в развитии не только внутри нее, но и в Белом движении в целом.

Наконец, нельзя не поблагодарить людей, оказавших влияние и содействие в рождении данной книги. Прежде всего, следует выражение огромной признательности доктору исторических наук, профессору Сергею Тимофеевичу Минакову, декану исторического факультета Орловского государственного университета. Формулирование темы в столь нетрадиционном аспекте является его удачной научной находкой. Автор очень многим обязан С.Т. Минакову. Ценные советы и рекомендации, чрезвычайно мягкие замечания и общий высочайший уровень интеллигентности и культуры делали и делают работу с Сергеем Тимофеевичем крайне интересной, продуктивной и приятной.

Трудно преувеличить благодарность доктору исторических наук, старшему научному сотруднику Института российской истории РАН, Генеральному секретарю Международной ассоциации исследователей революции в России Владимиру Прохоровичу Булакову за ряд неоценимых рекомендаций.

Большое спасибо всем, кто оказывал любое содействие на всех этапах работы – покойному доктору исторических наук, профессору Евгению Иосифовичу Чапкевичу, главному редактору военно-исторического журнала «Военная быль» Андрею Сергеевичу Кручинину (г. Москва), а также моим родителям Галине Алексеевне и Михаилу Михайловичу и жене Татьяне.

¹ Игрицкий Ю.И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления//Гражданская война в России: Перекресток мнений. – М:

Наука, 1994. С. 64; Кенез П. Идеология Белого движения//Россия в XX веке: Историки мира спорят. - М.: Наука, 1994. С. 270-271; Эдельман Дж. Историческое значение русской Гражданской войны//Гражданская война в России: Перекресток мнений. С. 374.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2 т. - 2-е изд., уточн. - М.: Политиздат, 1990.

³ Поликарпов ВД Пролог Гражданской войны в России (октябрь 1917 - февраль 1918). - М.: Наука, 1976.

⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 12 кн. - Б/м, 1937; Зайцов АА 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. - Париж, 1934; Росс Н.Г. Врангель в Крыму. - Франкфурт-на-Майне, 1982; Полторацкий Н.П. «За Россию и свободу...»: идейно-политическая платформа Белого движения//Русское прошлое: Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург) - 1991 - Кн. 1 - С. 280-308.

⁵ Устинкин СВ. Трагедия Белой гвардии. - Нижний Новгород, 1995.

⁶ Венков АВ. Антибольшевистское движение на Юге России (1917-1920 гг.): Дис.... докт. ист. наук. - Ростов-на-Дону, 1996; Гражданов ЮД Антибольшевистское движение и германская интервенция в период Гражданской войны (1917-1920 гг.): Автореф. дис.... докт. ист. наук. - Ростов-на-Дону, 1998.

⁷ Зими́на В Д Указ. соч.; Ее же. Белое движение времен Гражданской войны: в плену «чистой идеи»// Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург) - 1996 - № 1 - С. 9-16; Ее же. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны: Автореф. дис.... докт. ист. наук. - М., 1998.

⁸ Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917-1920 гг.: Дис.... докт. ист. наук - Ярославль, 1995.

⁹ Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (Сущность, эволюция, итоги. 1917-1922): Дис.... канд. ист. наук. - М., 1994.

¹⁰ Сухенко АД Добровольческое движение на Юге России (1917-1920 гг.): Автореф. дис.... канд. ист. наук - Ростов-на-Дону, 2000.

¹¹ Сухенко АД Указ. соч. С. 16-17, 23-25.

¹² Цветков ВЖ Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. - М.: Посев, 2000.

¹³ Волков СВ. Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справочника). - М.: Изд-во не указ., 2000; Волков СВ. Первые добровольцы на Юге России. - М.: Посев, 2001.

¹⁴ Волков СВ. Трагедия русского офицерства. - М.: Центрполиграф, 2001. С. 291.

¹⁵ Буддаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. - М.: РОССПЭН, 1997.

ГЛАВА 1

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В 1917 ГОДУ

1.1. НАЧАЛО КОНЦА: РУССКАЯ АРМИЯ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Российская монархия, столкнувшись в начале XX в. с серьезными внешними и внутренними потрясениями, оказалась неспособной к трансформации в духе времени и рухнула под собственной тяжестью. Однако Февральская революция не разрешила комплекса политических и социальных, экономических и культурных проблем, а, напротив, обострила их. Естественно, перемены коснулись прежде всего армии – наиболее действенной силы реализации государственной политики. И военные начали склоняться к ее корректировке еще до февральских событий.

Во второй половине 1916 г., согласно сообщениям некоторых склонных к фактологической кокетливости мемуаристов, возникла группа А.И. Гучкова, М.И. Терещенко и Н.В. Некрасова. Они склонялись к мысли о необходимости дворцового переворота, в ходе которого заставить считавшегося бездарным правителем Николая II отречься от престола в пользу цесаревича Алексея и выслать его за границу. Некоторые иностранные государства выразили согласие содействовать этому и принять изгнанника, так как союзников беспокоило намерение российского императора заключить сепаратный мир с Германией. «Беспрерывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой... наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц, – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия»,¹ то есть военных. Правда, весомых доказательств организованного «заговора» нет, да и не может быть в силу конфиденциальности предпринимавшихся шагов. Поэтому приходится искать лишь косвенные свидетельства.

Политическая оппозиция попыталась заручиться поддержкой военных, критически оценивавших действия правительства, – в частности, начальника Уссурийской конной дивизии генерал-майора А.И. Крымова. На фронте в частных беседах с офицерами-единомышленниками он открыто ругал «подлеца Гришку» и подчеркивал, «что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя «дворцовым переворотом».² В начале января 1917 г. Крымов прибыл в Петроград и на собрании думцев, членов Государственного Совета и Особого совещания (какого именно – не указано) на квартире М.В. Родзянко заявил: «Войне определенно мешают в тылу... Переворот неизбежен, и на фронте это чув-

ствуют. Если *вырешитесь* на эту крайнюю меру, *томы вас поддержим*? (Курсив наш - РА) Депутаты, особенно Терещенко, сразу же его поддержали. Однако Родзянко, суммируя общее мнение, настаивал на том, чтобы инициативу проявили военные: «Если армия может добиться отречения — *пусть она это делает* через своих начальников». ⁴ (Курсив наш - РА) Заметно, как, при всем единодушии по основному вопросу, и генерал, и политики настойчиво уступали друг другу начало практических действий, обещая лишь поддержать их.

Гучков же, похоже, принял Крымова с распростертыми объятиями. По их плану, во время следования императора в столицу на перегоне Царское Село - Петроград Крымов, Гучков и примкнувший к ним Терещенко предполагали проникнуть в литерный поезд и арестовать Николая. ⁵ Собственно, называть действия Крымова - Гучкова «заговором» было бы слишком громко, ибо тайны из своих настроений они не делали. Так, по возвращении генерала на фронт в Кишиневе местное общество устроило «в честь него ряд обедов и вечеров», где Крымов, «негодую на Ставку и правительство, осуждая «безумную и преступную» политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров произвола и злоупотреблений и бездарности власти», встречал всеобщую восторженную поддержку. ⁶ Такое поведение означало скорее сообщение генералом свежих столичных сплетен провинциальным салонам, замешанное на интеллигентском перманентно-оппозиционном бурчании, чем какую бы то ни было «пропаганду»: данная публика не имела никакого значения и веса для действительного заговора.

В то же время обсуждения (не заходившие, видимо, дальше разговоров-консультаций) велись Крымовым и непосредственно в военной среде. Именно он прекрасно проинформировал своего непосредственного подчиненного, новоиспеченного генерал-майора П.Н. Врангеля о столичных планах: тот всячески подчеркивал в мемуарах, что его начальник «искренне заблуждался», когда в длительных спорах доказывал необходимость совершить решительный шаг, но убедить не смог. ⁷ Конечно же, Врангель лукавил: не сочувствуя он идее заговора, Крымов не стал бы неоднократно возвращаться к ней в доверительных беседах, а сам он - вновь и вновь обсуждать ее.

Тогда же стали налаживаться контакты с чинами Ставки Верховного Главнокомандующего, где ключевой фигурой был начальник штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Вследствие их конфиденциальности прямых указаний на его вовлечение в орбиту оппозиции нет, но последующее поведение генерала весьма красноречиво. Еще в ноябре Алексеев, высказывавшийся критичес-

ки о правительственной политике, отбыл на отдых и лечение в Крым, откуда вернулся как раз 25 февраля. Показательна поспешность возвращения: генерал не долечился и часто отлеживался с температурой до 39° С.⁸

В результате офицеры в Могилеве при формировании «карательного отряда» генерала Н.И. Иванова подобрали в него «части, всем своим прошлым подготовленные к тому, чтобы немедленно перейти на сторону революции», а начальником его штаба сделали сторонника переворота Генерального Штаба подполковника Капустина.⁹ Однако неожиданное отречение в пользу великого князя Михаила Александровича спутало карты, а вовлечение в политическую борьбу армии оказалось поистине роковым.

Перед отречением Николай II назначил Верховным Главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, который признал Временное правительство и отдал приказ о скорейшей присяге и повиновении новой власти «через своих прямых начальников».¹⁰ Реакция фронтовых частей на смену формы правления сначала проявлялась довольно пассивно, хотя почти всюду чувствовалась невозможность возврата к старому, да и не стремились к нему. В то же время армия не выказывала и особого энтузиазма; однако признание Временного правительства всеми командующими фронтами свидетельствовало о лояльности (единственными исключениями стали командиры 3-го конного и гвардейского конного корпусов).¹¹

Совершенно иная картина сложилась в тыловых войсках, и в первую очередь в Петроградском военном округе, состоявшем из запасных батальонов, где призывники проходили подготовку перед отправкой на фронт. Эти контингенты явно затронуло моральное разложение. Почти поголовно стремившиеся избежать позиций, запасные отличались повышенной восприимчивостью к любой антивоенной, пораженческой, враждебной режиму агитации. Многие прилагали все усилия, вплоть до взяток, и добивались оставления в тылу; вследствие этого отдельные батальоны достигали чудовищных размеров - от 12 тыс. до 19 тыс. человек¹² - превосходя по численности дивизию боевого штата. В результате количество солдат в Петрограде возросло до 210 тыс. - 225 тыс. «малодисциплинированных и развращенных орд»,¹³ активно поддерживавших свержение монархии, так как в ближайшем будущем планировалось резкое сокращение столичного гарнизона за счет отправки на фронт. С учетом окрестностей общая численность достигала «800 тыс. (половина - всякие нестроевые и технические войска)».¹⁴

Не последнюю роль играл и офицерский состав запасных подразделений, куда «посылали людей, которые не могли выполнять командные функции на фронте. Большей частью это были

совершенно выдохшиеся и больные старики»¹⁵ либо офицеры запаса. Последние, не будучи профессиональными военными, в большинстве своем почти с самого начала войны всеми силами старались избежать боевых действий¹⁶ и были близки по настроениям к подчиненным. Такие командиры не умели и не желали ни воспитывать боевой дух, ни удерживать солдат в повиновении во время революции и в дальнейшем.

Войска быстро теряли управляемость, ибо в первые дни революции офицеры вообще бездействовали. При этом, как вспоминал А.Ф. Керенский, почти каждая часть считала чуть ли не обязательным ритуалом появление возле Таврического дворца. Выразив ликование и верность революции, войска и министры расставались,¹⁷ но Временное правительство быстро почувствовало неустойчивость и непредсказуемость поддержки со стороны столичного гарнизона и свою полную зависимость от него.

В первые же мартовские дни, когда власть еще опасалась похода на столицу войск с фронта, был сделан шаг, предопределивший дальнейшее развитие ситуации. Публикуя «Основания» своей деятельности, кабинет министров включил в них пункт: «Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении».¹⁸ Кроме того, закреплялась и недопустимость введения в столицу новых частей. Тем самым заключалось форменное соглашение с гарнизоном, в результате чего политики надеялись обеспечить себе более прочную опору, а солдаты получали гарантии реализации стремления остаться в тылу. Военный министр Гучков, не участвовавший в обсуждении этого документа, оценил его крайне негативно, заявив, что теперь гарнизон «будет держать нас в плену».¹⁹

Бессилие Временного правительства оказалось изначально: с одной стороны, оно понимало опасность, заложенную в «пакте» с солдатскими массами, с другой, - находясь под их контролем, не могло не исполнять выдвигавшихся требований.

Вдобавок в борьбу за власть и прежде всего за влияние на вооруженную силу вступил Совет рабочих и солдатских депутатов, не успевший принять участия в революции. 1 марта им был издан знаменитый Приказ № 1 «для немедленного и точного исполнения» по Петроградскому военному округу. По нему в войсках вводились комитеты нижних чинов для руководства политическими и военными выступлениями; происходила отмена титулования офицеров и, главное, дисциплины вне строя.²⁰ На практике это вылилось в разрушение воинского порядка и самочинные отстранения офицеров от командования. Действия Совета оказались незаконными относительно и старого, и нового режима: во-первых, приказ отдала до отречения императора; во-вторых, он противо-

речил приведенному выше приказу Верховного Главнокомандующего, и, в-третьих, Совет не представлял ни правительства, ни командования.

Затем по единодушной инициативе Совета приказ, предназначенный только для столицы, был в обход военного министерства разослан по всем фронтам. Преследуемую цель отчетливо сформулировал член Исполкома Совета, редактор «Новой жизни» И.П. Гольденберг: «Мы поняли, что, если не развалить старую армию, она раздавит революцию».²¹ Учитывая отсутствие у солдат элементарной правовой грамотности и политической культуры, которое не давало понять смысл приказа, следует уверенно расценивать действия Совета как идеологическую диверсию.

Первые результаты проявились в Петрограде, где началось хаотическое насаждение выборного командования. Свобода воспринималась в виде вседозволенности, исчезновения всех прежних ограничений, что усилилось после подтверждения «демократизации» армии приказом военного министра от 5 марта. Последующие разъяснения содержания Приказа № 1, разумеется, не имели эффекта. Столица буквально оказалась во власти неуправляемых солдат, и министры - чаще всего социалист и прекрасный оратор Керенский - были вынуждены выступать перед ними и, играя революционной фразеологией, отговаривать от самых опасных выходов.²²

Резкий переход от традиционного монархического режима к республиканско-демократическому и идеалистическому как всякое обновление состоянию лишил новых политиков возможности управлять событиями: провозглашенная свобода, неизвестная и неожиданная, *убила* власть. Временное правительство, оказавшись заложником номинально возглавленных им масс и собственной иллюзии быстрого и безболезненного реформаторства, осторожно и непоследовательно маневрировало, стремительно теряя популярность. В многочисленных неорганизованных низах, увидевших в революции слабость незыблемого ранее государственного механизма и принявших в ней непосредственное участие, возникало понимание и желание возможности менять любую неудобную власть. Неустойчивая политика Временного правительства только усиливала данные тенденции, приводя к хаосу, особенно грозному в условиях ведения тяжелой и затяжной войны. Неспособность новых политиков к подлинно государственным решениям из-за нежелания изменить методы управления с «революционных» на действенные постепенно лишала его и поддержки со стороны более организованных сил, прежде всего офицерства. Лишь одиночки, вознесенные февральской волной, оставались приверженцами правительства до конца.

Следовательно, фактическое двоевластие могло складываться только между двумя организованными и мощными, а потому реальными претендентами: леворадикальными политическими партиями и армейским руководством всех рангов. Немного позже именно это высказал самый талантливый политик тех лет - лидер большевиков В.И. Ленин: либо диктатура генерала-«кавеньяка», либо «диктатура пролетариата» (в лице партии), и третьего - в виде демократии - при стремительном развитии и крутых поворотах страны просто не дано.²³ Забегая вперед, все же отметим, что, став главным противником большевизма в ходе Гражданской войны, военная контрреволюция так и не стала, как верно отметил В.П. Булдаков, реальной «конструктивной альтернативой коммунистическому режиму».²⁴

Очень быстро даже среди довольно лояльно встретивших революцию юнкеров под впечатлением «грабежей, избиений и всеобщего хамства», не осталось и капли запала: «Ничего красивого и героического... Какая прекрасная вещь - порядок Его начинаешь ценить, когда его нет»,²⁵ - лейтмотив их воспоминаний. Подспудно зарождались настроения, ориентированные на сильную власть.

Стремясь взять гарнизон в свои руки, Временное правительство уже 2 марта назначило командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова — почти игнорируя мнение Ставки - командующим Петроградским военным округом. Произошло это явно с подачи Гучкова, с которым Корнилова связывали достаточно доверительные отношения. Однако разница в психологии фронта и тыла учтена не была, и ставка на доблестного генерала, окруженного всячески рекламировавшимся ореолом героизма, побега из плена и революционности, себя не оправдала. Популярный в боевой обстановке, он не получил авторитета у тыловиков-пораженцев. В этих условиях Корнилов несколько демонстративно проявил себя как республиканец и революционер: приветствовал падение монархии как самодискредитировавшейся и 7 марта лично арестовал императорскую семью, ясно сознавая невозможность ее политической реанимации. Но, несмотря на это, Корнилов сразу понял «отсутствие государственной власти и неизбежность жестокой расчистки Петрограда».²⁶ Параллельно правительство заявило о нежелательности Николая Николаевича в роли Верховного; великий князь сдал должность начальнику штаба генералу-от-инфантерии Алексееву.

Первым шагом Корнилова стали события 13-14 марта. Генерал провел совещание с начальниками всех военных училищ в Константиновском артиллерийском училище, а на следующий день юнкера, усиленные орудиями, вышли на Дворцовую площадь. «Нас было 14 тыс. лучших в то время войск в России: дисциплинирован-

ных, молодых, храбрых и не рассуждающих», - вспоминал СИ. Мамонов, отмечая: никто не сомневался, что предстоит переворот, и все были в восторге.²⁷ Это признание весьма показательно - в самом начале послереволюционной жизни появилась сила правого толка, стремившаяся к коррекции нового режима: «Мы были настроены решительно... Всем уже осточертели речи».²⁸ Но выступления не произошло, так как Керенский уговорил Корнилова не допускать кровопролития.

Возможно, в пике энтузиазма масс попытка переворота была обречена ввиду малочисленности (хотя и лучшей подготовки) юнкеров. Возражением служит то, что на том этапе разложение еще не коснулось фронта, и победа Корнилова ликвидировала бы саму возможность его распространения туда. К тому же вскоре, летом-осенью 1917 г., военные считали, что и «800 юнкеров, вооруженных пулеметами и ручными гранатами, представляют в условиях непрерывно нарастающей деморализации войск Петроградского военного округа большую военную силу»,²⁹ - то есть в марте сил было более чем достаточно. Вообще же акция 14 марта напоминает лишь неопределенную демонстрацию силы и одновременно - преждевременное обнаружение замыслов.

Получив от правительства неограниченные полномочия в кадровых вопросах, Корнилов начал «незаметно инфильтровать здоровый элемент командного состава».³⁰ Он понял непригодность для действий местных офицеров, которых считал если не прямо виновными, то ответственными за дезорганизацию, и провел назначения вызванных с фронта боевых, опытных и надежных командиров «в более устойчивые части, казачьи части, части артиллерии, [военные] училища».³¹ Таким образом, генерал пытался не подтягивать запасные батальоны в целом, сознавая эфемерность этого, но создать и укрепить среди них отдельные надежные подразделения, расколов солдат гарнизона в преддверии считавшегося неизбежным вооруженного столкновения. Меняя тактику, Корнилов сохранил цель.

Действуя пока в интересах и Временного правительства, он получал, по свидетельству Гучкова, «неограниченные кредиты, чтобы организовать пропаганду»,³² иначе говоря - вести борьбу идеологическую, приспособляясь к духу времени. Кроме того, зная о притоке в столицу отпущенных солдат с позиций, не спешивших по окончании отпусков отбывать обратно, Корнилов обратился с просьбой об их отзыве «ввиду чрезмерного скопления» к соответствующим штабам.³³ Тем самым осуществлялась попытка косвенным путем сократить число солдат округа.

В конце марта Крымов, произведенный в генерал-лейтенанты и получивший 3-й конный корпус, посетил Петроград и предложил расчистить город всего одной дивизией «не без кровопролития».³⁴

К сожалению, до сего дня личность Александра Ильича Крымова едва ли не игнорировалась, а его роль в событиях тех дней сводилась к участию в августовском походе на Петроград. Между тем, это была очень заметная, можно сказать, знаковая фигура российской смуты 1917 г., ни в коем случае не уступавшая ни Корнилову, ни тем более Алексееву. Хорошо знавший его современник оставил весьма восторженную характеристику - портрет буйного, но безусловно яркого, богато одаренного личными качествами генерала: «Умный и образованный, он нес в себе громадный запас энергии, воли к действию... В нем чувствовался темперамент бойца. Глядя на него, вспоминались кондотьеры эпохи Ренессанса, предприимчивые люди, способные к аванюре, к дерзкой, самозабвенной выходке, когда человек мог или сложить голову, или завоевать государство»³⁵.

Естественно, что действительно смелая инициатива Крымова натолкнулась на трусоватое сопротивление министров, боявшихся потрясений, а вернее — ответственности и падения своей и так нестабильной популярности. Немного позже и Алексеев заявил, что «кровапролитие в Петрограде неизбежно, и только оно может разрядить тяжелую обстановку» столицы³⁶ - пока лишь ее. Итак, демагогическое политиканство правительства и прямолинейное упование генералитета на силовое решение вступили в противоречие. Особо подчеркнем факт осведомленности гражданского руководства о планах военных.

Корнилов был абсолютно согласен с необходимостью «расчистки», но расходился с Крымовым относительно ее способов, - видимо, не желая вмешательства того в сферу собственной компетенции. Г.З. Иоффе считает, что он еще не решался «уйти из гучковской упряжки»; более объективным представляется несколько необычный взгляд на Корнилова как на личность политически более логичную, чем его обычно изображают. Действительно, репрессии при наведении порядка, даже увенчавшиеся успехом, автоматически вели к сплочению и активизации всех леворадикальных сил и позволяли обвинить власть в нарушении соглашения, насилии над революционными солдатами и, следовательно, в контрреволюции. Корнилов же рассчитывал на отмену исключительности столичного округа путем создания нового, Петроградского фронта. Запасные батальоны развертывались в полки, а в права командующего фронтом входило изменение дислокации и перемещение частей, включая и тыловые.³⁷ Конечно, сопротивление не устранялось и при этом, но в новом положении могло квалифицироваться как мятеж против революционной власти, и уже гарнизон оказывался с ярыльком контрреволюционеров.

Для таких изменений требовалось время. Однако Апрельский кризис вынудил Корнилова попытаться применить верные войска. Но после встречи с Н.С. Чхеидзе генерал отменил решение;³⁸ причиной стало не столько заявление председателя Совета об ослаблении внутривнутриполитического положения действиями военных, сколько вновь резко отрицательное отношение министров к решительному применению силы.³⁹ 22 апреля Исполком Петросовета заявил о своем приоритетном праве на передвижения войск гарнизона. Корнилов, ранее готовый к компромиссу - приему его постоянных представителей в штаб округа - расценил это как узурпацию власти командующего и ушел со своего поста; через неделю он получил назначение командующим 8-й армией и отбыл на Юго-Западный фронт.

Столь подробное изучение состояния запасных частей проведено потому, что именно под воздействием тыла начались шатания на позициях. После приказа № 1 в мае появилась «Декларация прав солдата и гражданина», разрешившая «свободно и открыто высказывать ... свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды».⁴⁰ Отныне армия переставала существовать вне политики, более того, по смыслу документа не исключалась антивоенная, антиправительственная и иная враждебная агитация. Это способствовало взаимотождествлению солдат и офицеров не меньше, чем комитетское руководство, ставившее командиров в подчиненное, ущербное и деморализованное положение. Буйно расцветшая политическая литература и периодика хлынула на фронт, причем наиболее целенаправленно и массово поставлялись скрыто или откровенно пораженческие издания.⁴¹ Под их влиянием у солдат, почувствовавших слабость власти и безнаказанность, произошел сильнейший всплеск антивоенных настроений.

Уже в марте-апреле нередкими были случаи обсуждения боевых задач на митингах, братаний с противником, что резко снижало боеспособность, если не уничтожало полностью. На отдельных участках происходил товарообмен с неприятелем. В начале мая Корнилов, обходя позиции 8-й армии, был издевательски-вежливо встречен в одной из траншей неприятельским военным оркестром, заранее оповещенным русскими солдатами о прибытии нового командующего.⁴²

Не последнюю роль сыграли и кадровые перестановки в высшем звене комсостава, когда в отставку отправили до 150 генералов. Безусловно, в армии был силен дух бездарности, консерватизма и протекционизма, но массовое увольнение военачальников, отчасти вполне своевременное, подрывало, по вескому мнению А.И. Деникина, веру солдат в командиров. А это способствовало ослаблению дисциплины и в совокупности с прочими факторами исчезно-

вению армии как боевой единицы при одновременном ее рождении в качестве силы политической, и притом враждебной как войне, так и вообще властному началу государства. Тот же Деникин, выражая мнение многих офицеров, утверждал: солдат охватило «животное чувство самосохранения. Раньше оно сдерживалось примером исполнения долга, стыдом, страхом и принуждением»; когда же данные функции ослабли, «это чувство опрокинуло все усилия командного состава, все нравственные начала и весь военный строй».⁴³

Постоянно нарушения и упрощения даже бывших ранее незыблемыми военной атрибутики и идеалов. Еще в июле некоторые части, в том числе 123-й и 127-й пехотных дивизий, не получили полковые знамена.⁴⁴ Еще показательнее отказы от собственного знамени, даже от Георгиевского штандарта, как от «тряпки, пропитанной народной кровью», и замене его на новый, революционный (17-й драгунский Нижегородский полк).⁴⁵ Символ доблести - наградные знаки из драгоценных металлов — зачастую сдавались в казну и заменялись изготовленными из неблагородных сплавов.⁴⁶ Крайне профанировалась присяга, сведенная к следующей процедуре: «... дневальные кричат: «Желающие расписываться в присяге - выходи!» Часть идет расписываться, часть продолжает спать, а писари, по-видимому, заполняют пробелы».⁴⁷ Конечно, приведенные примеры - частные, но они весьма характерны и симптоматичны.

Разумеется, огульное обвинение офицерами солдат в полной нравственной деградации и едва ли не в поголовной измене неверно. Обычно отмечают усталость от боев, жертв, лишений и самой окопной жизни. Но помимо этого, присутствовавшего всегда и не главного по влиянию явления, усиливалось стремление вчерашних крестьян к миру для ожидаемого в результате революции раздела земли и, как необходимости для него, - к сохранению жизни. Впрочем, оно было более свойственно для новичков на фронте - бывших запасных,⁴⁸ приобретших примитивный политический опыт - что наносит сильный удар по тезису об усталости.

Генералитет, сообразуясь с условиями военного времени, проявил серьезную обеспокоенность создавшимся положением. На созванном 1 мая в Ставке совещании командующих фронтами рефреном всех выступлений стало энергичное предостережение «без дисциплины армия не может существовать», а для ее восстановления «нужна твердая сильная власть».⁴⁹ Впервые военные открыто и внятно критиковали пресловутую «демократизацию» и объявили о вредности замены единоначалия комитетами. Но их голос не был услышан правительством. Верховный Главнокомандующий Алексеев настаивал на жесткой позиции против «Декларации прав солда-

та» и вообще против военной политики Временного правительства, понимая, что время работает против командования: «Если давать бой, то сейчас и сразу». ⁵⁰ Однако остальные участники, ощущая свои реальные силы, лишь самолюбовались ими и к разрыву с министрами готовы не были. Последующие попытки самостоятельных действий в рамках урезанных полномочий плодов не дали. В частности, 12 мая для борьбы с братаниями Верховный Главнокомандующий отдал приказ «всех вражеских офицеров и солдат, являющихся к нам под видом парламентариев для шпионажа, - брать в плен». ⁵¹ Подобные приказы, не имея уже реальной возможности исполнения, повисали в воздухе.

Другой проблемой, глубоко затронутой на совещании, стало состояние офицерской среды. В ходе Первой мировой войны русский офицерский корпус существенно изменился количественно и качественно. Его численность возросла в шесть-восемь раз, доля же кадрового состава вследствие крупных потерь и нерационального использования сократилась до 20-25%, а в пехоте и до 4%. ⁵² Восполнять нехватку офицеров приходилось в основном путем ускоренной подготовки новых кадров. Анализируя статистические данные ряда военных училищ и школ прапорщиков за 1915-1917 гг. (см. приложение 2, таблица 3), получаем следующую картину. Среди обучавшихся дворяне составили лишь 7,6%, а вкупе с чиновно-офицерскими детьми - чуть более 19%; купцы как капиталистический элемент оказывались в рекордном меньшинстве - 2,5%. Вместе с тем крестьян насчитывалось 38,0%, а мещан вместе с относившимися к ним квалифицированными рабочими - 24,7%, ⁵³ то есть процент выходцев из «податного населения» среди офицеров военного времени превысил половину, а ориентировочно — и две трети.

Другим путем проникновения в офицерские ряды данного элемента было производство из нижних чинов за боевые отличия - вообще без всякой подготовки. Имеющийся материал 126-го пехотного Рылеского полка показывает, что только одним приказом в 1915 г. в офицеры вышли сразу 18 человек, в том числе восемь из подпрапорщиков и десять из унтер-офицеров. ⁵⁴

В мирное время эти люди и не помышляли о столь «высоком» в их понимании взлете; быстрая примитивная подготовка (тем более ее отсутствие) не давала морально-психологической преемственности. Покинув одну социальную группу, они чувствовали себя неуверенно в новой и, самоутверждаясь, ориентировались чаще на внешние признаки. «Офицерство, даже военного времени, твердо соблюдало кадровые традиции», ⁵⁵ - с недоумением вспоминали солдаты. Гораздо более резко высказался на совещании в Ставке генерал В.И. Гурко: «Новое офицерство, вышедшее из среды банщиков и приказчиков, восприняло от старого самые нехорошие

стропы... В пехоте, где много офицеров, вышедших из солдатской
• **среды** и *далее всего стоящих от солдат*, хуже всего обстоит де-
шр* *(курсив наш - Р.А.)

Генерал А.М. Драгомиров отмечал опасность возникшей и усиливавшейся в ходе революции розни в офицерском мире, чреватой разобщением его прежней монолитности. Политиканство некоторых начальников он объяснял никак не сословными корнями, а карьеризмом — «каждый офицер имеет желание быть командиром корпуса». ⁵⁷ Действительно, вскоре пагубная политизация распространилась широко и вполне легально, проникнув и в юнкерскую среду. Например, при выборах комитета в столичном Владимирском военном училище каждого опрашивали о его убеждениях, и от них зависело отношение к юнкеру и офицеров, и однокашников. ⁵⁸ Разрушение единства офицерства, отличавшегося политическим невежеством из-за традиционной аполитичности, постепенно ослабляло его.

Тыловое разложение тем временем шло семимильными шагами. Крайний, но далеко не единичный пример, - грабежи солдатами Мценского гарнизона окрестных имений, происходившие под предводительством трех офицеров. ⁵⁹ Среди же фронтовиков довольно часто параллельно собственным кризисным явлениям усиливалось отрицательное отношение к «окопавшимся» запасным частям. Отсутствие пополнений вело к увеличению боевой нагрузки на позициях в силу естественной убыли. Поэтому 7 мая Алексеев телеграфировал новоиспеченному военному министру Керенскому о вреде состояния «двоеармия»: одна на фронте, другая в тылу - «не для пополнения первой, а для обеспечения от контрреволюции», и ее надо направить «на пополнение жидких рядов фронта». ⁶⁰ Ответ военного министра следует привести дословно: «Надо отдать приказ о недопустимости превращать запасные полки в полки, обеспечивающие Россию от контрреволюции. Это боязнь пули». ⁶¹ Цитата позволяет отметить явный перелом в отношении к тыловикам в сторону сближения с генеральским; в то же время Керенский не горел желанием принимать ответственность на себя, предлагая Ставке издать соответствующий приказ от своего имени.

Однако требовалось не писать приказы, а действовать. 22 мая Верховный Главнокомандующий остро обратился к правительству, почти требуя свободу рук для удержания армии в повиновении, отмечая, что «войско стало грозным не врагу, а своему Отечеству». ⁶² В ответ Алексеев был отстранен от должности, так как министры опасались его активности и роста популярности в офицерских кругах, чем только подстегнули оппозиционность генерала. Верховным Главнокомандующим назначили генерала-от-кавалерии АА Брусилова, который обладал и военным талантом, и полити-

ческой гибкостью. «Он умел говорить с солдатами и внушать к себе доверие», - отмечал Гучков и описывал его участие в демонстрации в Бердичеве, где восторженная толпа носила сидящего в кресле под балдахином и окруженного красными флагами генерала по улицам.⁶³ Керенский надеялся на популярность Брусилова в низах и единодушие с руководством страны.

Зеркалом, в котором совершенно очевидно и объективно отразилось падение боеспособности армии, стало июньское наступление. Накануне настроение войск было в целом нейтрально-пассивным; имелись и полностью готовые к сражениям полки, даже ходатайствовавшие об ускорении начала операции, «не ручаясь, что многочисленные примеры неповиновения ... не отразятся на тех солдатах, кои готовы наступать».⁶⁴ Это сообщение комиссара Юго-Западного фронта от 13 июня весьма красноречиво. Сам факт опроса фронтов о «настроении» на позициях уже свидетельствовал о слабом влиянии на армию: ни одно предыдущее наступление не нуждалось в подобных выяснениях. Достигнув 18-19 июня некоторых успехов, операция остановилась, потому что солдаты сочли свой долг выполненным либо открыто высказывали пораженческие взгляды, особенно в 5-й и 11-й армиях. «Огромное воодушевление», о котором поспешил затрубить Керенский, оказалось далеко не массовым и очень быстротечным. Тем не менее, за неимением лучшего, эти частные случаи небольшого масштаба чувствовались подобно подвигу: перешедшим в наступление полкам присваивались почетные наименования «полк 18 июня» и вручались специальные красные знамена.⁶⁵

В срыве наступления Брусилов верно увидел предвестника катастрофы и дважды, 24 и 26 июня, телеграфировал военному министру: «Оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену, причем эта последняя мера должна быть проведена не только в районы действующей армии, но должна касаться и тыла».⁶⁶ В сущности, Верховный Главнокомандующий высказывался решительнее Алексея и предвещал Корнилова, что значительно корректирует его хрестоматийно-демократический облик. Действительно, если армия, обычно воодушевлявшаяся успехами, на этот раз выходила из повиновения, то при малейшей неудаче без принятия жестких дисциплинарных мер она угрожала перейти от пассивного к открытому сопротивлению.

Полным подтверждением стал июльский контрудар немцев. Прорыв фронта 11-й армией вызвал панику, рост самострелов (до трети всех ранений) и в итоге форменное бегство. Уговоры не помогали, а для применения силы у генералов были связаны руки.

Сильные укрепления на реке Серет войска бросили без боя; в итоге 7-я и 8-я армии, удержавшие собственные рубежи, оказались под угрозой окружения, и поэтому командование вынуждено было форсированными маршами выводить их из-под удара. Таким образом, совершенно неожиданно даже для германских стратегов местная контратака силами всего трех дивизий превратилась в целую операцию.⁶⁷

Трагизм ситуации состоял в подавляющем, пятикратном превосходстве русских сил над немецкими. Более точные цифры известны по одному из корпусов: по данным его командира, приведенным Деникиным, «на 19-верстном фронте... было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких; 138 батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких».⁶⁸ И при этом военачальники отмечали фактическое «отсутствие пехоты», то есть невозможность ее использования. Утверждение традиционной историографии о материально-технической слабости России во время июньского наступления часто сталкивается с воспоминаниями очевидцев о достаточном оснащении вооружением. Отметим в скобках, что падение военного производства вследствие повышения политической активности рабочих стало особо сказываться лишь в августе (по орудиям и снарядам на 60%, по авиатехнике на 80% и т. д.®); одной из причин потери Риги стало как раз отсутствие снарядов.⁷⁰

К военному поражению добавлялись и явно преступные явления. Части, оставившие позиции при отступлении, начинали погромы, мародерство и насилия в попутных населенных пунктах. Правда, командиры, решавшиеся их пресекать, мгновенно добивались успеха;⁷¹ ввиду того, что такое происходило редко, неповиновение быстро перерастало в бунты, когда целые части, выйдя в резерв, окапывались и выставляли пулеметы. Против них приходилось применять артиллерию, казаков и регулярную кавалерию, не столь подверженные разложению: «В тылу разыгрывались, таким образом, междоусобные маневры и даже маленькие бои с боевыми патронами».⁷² Иной раз укрепившихся в лесу мятежников удавалось сломить лишь шрапнельными очередями (однако, направленными не на поражение).⁷³ Чаше же для приведения в повиновение соседние части пугались применением их друг против друга, приписывая это решению комитета, но в исполнение угрозы не приводились.⁷⁴ Тем самым лишь подчеркивалась беспомощность власти, и эффект достигался прямо противоположный.

Попытки суда над зачинщиками, среди которых попадались и офицеры, наталкивались на терроризирующее давление солдат и завершались оправданием. Даже в случае назначения наказания «осужденные до окончания войны возвращались в строй».⁷⁵ Изме-

ненная после Февраля военно-судебная система переставала действовать. Так сбывалось пророчество Алексея; общественное мнение качнулось вправо: если раньше звучали только слова о моральном и дисциплинарном разложении, то теперь страна увидела их воочию и испытала на себе.

Стереотипное утверждение зависимости событий 3-5 июля в Петрограде (так называемого Июльского кризиса) от германского контрудара и возмущения поражением русской армии более чем странно. Произойдя непосредственно перед контрнаступлением, они не могли быть его следствием и небезосновательно расценивались частью современников как способствующие ему. Дестабилизация положения в столице в случае удачной антиправительственной выступления могла нарушить координацию военных действий и стратегическое руководство в целом. Поэтому правительство спешно ввело в город фронтную 45-ю пехотную дивизию, отлично справившуюся с беспорядками⁷⁶ и подтвердившую весенние расчеты Крымова.

Восьмого июля командующий 8-й армией Корнилов заявил о необходимости применения «исключительных мер вплоть до введения смертной казни на театре военных действий»; в противном случае всю ответственность он возлагал «на тех, которые словами думают править на полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия».⁷⁷ Составленное в резких и патетических тонах обращение содержало прозрачное и, по сути, незаконное давление на кабинет. Брусилов, ссылаясь на перспективу гибели «свободы, завоеванной народом», полностью поддерживал Корнилова.⁷⁸ Причинами явились как чисто стратегические соображения, так и намек на вызревшее активное недовольство правительством со стороны патриотического генералитета, способное толкнуть к самостоятельным шагам.

О том, насколько Временное правительство было далеко от реальности, можно судить по хлопотам Керенского, желавшего добиться от I съезда Советов выражения его отношения к наступлению, 8 июля,⁷⁹ через день после контрудара противника. Отрезвляюще действовала секретная - «только военному» - телеграмма комиссара Юго-Западного фронта Б.В. Савинкова от того же числа: «... дисциплину следует ввести, не останавливаясь ни перед какими мерами».⁸⁰ После колебаний, недопустимо долгих при учете обстановки, 11 июля Керенский приказал Корнилову «остановить отступление во что бы то ни стало всеми мерами, которые Вы признаете нужными».⁸¹ Снова военный министр, фактически разрешая введение смертной казни, избегал прямой формулировки, перекладывая ответственность на генерала, что позже дало основания даже заинтересованной стороне - Деникину - утверждать «самочинность» решения Корнилова.

Новое совещание в Ставке 16 июля, когда эмоционально и обвиняюще выступал Деникин, поддержанный остальными генералами, показало взаимное непонимание правительства и военачальников. Деятельность последних ниже рассматривается специально; корниловское выступление не затрагивается намеренно.

В августе-сентябре начался перевод на фронт ряда запасных частей. После первых же поступлений командование, ранее стремившееся к их получению, стало раскаиваться. Тыловые войска уже характеризовались; приходя на позиции, они быстро и разлагающе влияли на окружающие части. Командир 14-го армейского корпуса (Северный фронт) генерал-лейтенант барон А.П. Будберг отмечал: все «во власти пришедших из запасных полков пополнений. Как будто нарочно держали в тылу орды самой отборной хулиганщины, распустили их морально и служебно до последних пределов, научили не исполнять никаких приказаний, грабить, насиловать и убивать».⁸² Некоторые части, сохранившие определенный порядок, оказались буквально погубленными новоприбывшими.

Теряющие «подобие не только воинское, но и человеческое» солдаты порой даже при движении не на фронт, а в резерв разоряли и громили от одного до одиннадцати уездов. Как вспоминал очевидец, «солдаты ловили кур, разбирали на дрова заборы и форменным образом уничтожали встречавшиеся на пути фруктовые сады. При этом совершенно не принималось во внимание, кому этот сад принадлежал: ненавистному буржую, помещику, или бедному крестьянину»⁸³ - классовой направленности в безобразиях не прослеживалось. Обрисовывая положение, председатель Союза казачьих войск войсковой старшина А.И. Дутов упоминал продажу воинскими чинами обмундирования и оружия в количествах, достаточных для оснащения номерной армии; общее число дезертиров превысило 2 млн. человек⁸⁴ Вопиющим и достаточно распространенным явлением стала продажа оружия противнику: «за 6-орудийную батарею немцы платили 2-3 тыс. руб., за пулемет - 100 руб, но потом цены быстро сбили [разрядка наша - РА] до 25 р. за орудие и 20 р. за пулемет; двуколка с лошастью стоила 15 р. Этот оригинальный способ пополнения немецкого вооружения очень нравился и нашим, и немцам, хотя и по разным причинам»,⁸⁵ - с горечью вспоминал один из офицеров, верно оценивший это как агонию армии и государства. О выполнении боевых задач не было и речи; впрочем иной раз целая дивизия атаковала «в составе только 70 офицеров, без единого солдата, наступающих под огнем на окопы хохотавших австрийцев».⁸⁶ И здесь виден отчетливый прообраз отчаянных атак офицерских рот в недалеком будущем.

Довольно неуклюжей оказалась попытка последнего комиссара при Верховном Главнокомандующем В.Б. Станкевича стиму-

лизовать активность войск крупными денежными наградами: «тысячу рублей за одного пленного, пятьсот рублей за винтовку противника, тысячу рублей за пулемет». ⁸⁷ (Для сравнения: среднее офицерское жалование обер-офицера 200 руб., товарища министра - 1250 руб. в месяц.) Ее появление само по себе очень красноречиво и комментариев не требует; к тому же реализована она не была.

Надо отметить прямую зависимость масштабов падения дисциплины от территориального расположения того или иного фронта относительно эпицентра революции — Петрограда. Наиболее удаленный Румынский фронт дольше других находился в относительном порядке и боеспособности. Этому помогала дальновидность генералов, прежде всего - Д.Г. Щербачева и Крымова (до его отъезда в августе). У маршевых рот в ближайшем тылу отбирались знамена и оружие, и солдаты отправлялись на передовую походным маршем (а не транспортом) под конвоем «диких сотен» 3-го конного корпуса. По прибытии в полки они раскассировались по восемь человек в уже имеющиеся роты. ⁸⁸ Оказываясь разобщенными и деморализованными суровым приемом, солдаты пополнений чувствовали слабость и волей-неволей подтягивались. По их воспоминаниям, «в полках с большевиками не церемонились: против них находили какое-нибудь обвинение «уголовного характера» и изымали из обращения», ⁸⁹ - то есть оснований для таких обвинений было достаточно. На июльском совещании в Ставке Савинков выступил с предложением усовершенствовать и распространить этот метод всюду: во избежание разлагающего влияния тышовиков на фронтовые части, он хотел не рассредоточивать их, а сводить в отдельные «роты изменников». ⁹⁰

Только 25 октября был издан приказ, со множеством оговорок возвращавший дисциплинарную власть командованию. Оцененный офицерами как «невероятная глупость», ⁹¹ он появился после полной утраты ими надежных сил и не мог остановить агонию армии. Отмена большевиками чинов и прекращение де-факто военных действий стало логическим завершением начатых в марте преобразований.

1.2. «ЗА РОССИЮ И СВОБОДУ»: ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Неизбежное нарастание враждебности офицерства поражению вело к оппозиционности правительству, и это противоречие не могло сохраняться в неизменности. Вариантами его разрешения являлись либо переход к открытому конфликту, либо его смягчение через предоставление военным возможности реализации своей

позиции; для них требовались поиск и объединение единомышленников. Ответом на вопрос о способах, масштабах и социальном материале данного объединения, о его внутреннем содержании и влиянии на последующие события оказывается обращение к добровольческому движению и офицерским организациям.

И эмигрантские, и отечественные авторы поразительно единодушны в оценке значения добровольчества 1917 г. Уже сами его участники называли «новые части специального назначения» «первым оружием Белой борьбы»;⁹² советский военный историк Н.Е. Какурин прямо писал об их однородности с будущей Добровольческой армией.⁹³

Ушедший в отставку Гучков считал перспективным «искать оздоровления с фронта»;⁹⁴ потерпевший неудачу в Петрограде Корнилов склонялся к тому же, и в отличие от столицы у него появились активные сторонники. И, если удержать дисциплину в мае-июне, не прибегая к еще не одобренным правительством репрессиям, было невозможно, то создать боеспособные войска заново оказалось легче. 2 мая офицер штаба 8-й армии Генерального Штаба капитан М.О. Неженцев подал командующему рапорт «Главнейшая причина пассивности нашей армии и меры противодействия ей». В нем отмечалось, что войска аморфны из-за бездействия власти, и потому военные должны сами проявить инициативу: «В штабах армий, корпусов, полков надо начать формирование ударных отрядов добровольцев, готовых на смерть», которые «бросать в самые трудные участки боя».⁹⁵ Подразумевалось, что их пример воодушевит остальных; в заключении Неженцев предлагал создать подобный отряд под своим началом.

Несмотря на неохотную реакцию штаба, агитация за возрождение армии началась. Была разрешена вербовка солдат и офицеров (до прапорщика - то есть одних прапорщиков) в запасных полках, а также приглашение шести офицеров-фронтовиков.⁹⁶ Учитывая состояние запасных команд, данная мера, с одной стороны, ограничивала количество потенциальных добровольцев, с другой же — позволяла вычленив из них лучшее меньшинство. С самого начала призывы к вступлению в ударные части имели успех. К середине мая образовался отряд-батальон (по 80-90 человек в роте), над которым в торжественной обстановке принял шефство Корнилов. «Своими словами Корнилов забрал все наши души, всю волю, все чувства», - вспоминал один из первых ударников прапорщик Я.Г. Шинин.⁹⁷ Это признание показывает не только близость и ценность патриотической идеи оздоровления армии для защиты России, но и ее абсолютизацию до фанатизма. Кроме того, сам факт получения шефства одного из тогда еще «рядовых» генералов был беспрецедентным.

Временное правительство в лице премьера князя Г.Е. Львова приветствовало наметившееся воодушевление армии, приписывая его, правда, исключительно «вере в идеалы революции»,⁹⁸ то есть поддержке собственной власти, которая напротив, подвергалась военными критике. Сразу возник энтузиазм части общества и армии. Уже в мае появились многочисленные индивидуальные и коллективные воззвания о «борьбе до последней капли крови», обращенные к тем, «у кого в груди русское сердце и идея борьбы до последнего за честь, свободу и землю Великой Родины».⁹⁹ Энергичность кампании не удивительна, ибо впервые с Февраля прозвучали истинные патриотические призывы, а не молчание, разбавленное революционной фразеологией, для многих чуждой и абстрактной. Показательно социальное разнообразие авторов: и князя¹⁰⁰ (высшая аристократия), и прапорщики - офицеры военного времени,¹⁰¹ и солдаты¹⁰² (в большинстве - так называемые «сознательные»). В конце мая Верховный Главнокомандующий Брусилов заявил о поддержке формирования ударных отрядов, отмечая широкие масштабы проводимых мероприятий.¹⁰³ Коллегиальные органы - Военная Лига и Исполнительное бюро Всероссийского Воинского Союза - также подчеркивали необходимость восстановления «цвета и мощи русской армии», так как «Германия ни на миг не прекращает борьбу».¹⁰⁴

К началу июня в Корниловский ударный отряд (для его окончательной организации и подготовки) прибыли шесть штабс-капитанов с фронта: Гавриленко, Морозов, Петров, Савков, Скоблин и князь Чичуа, выбранные из множества желающих как самые отличившиеся и боевые. Типичным примером офицера-ударника служит Николай Владимирович Скоблин (1893-1938?).

Родился он в семье провинциальных дворян и до 1912 г. учился в Нежинской мужской гимназии, из которой, так и не окончившего, ушел в Чугуевское военное училище. (Не исключено, что был второгодником из-за отсутствия прилежания, - в 19-летнем возрасте еще не окончил шестого класса.) В начале войны, пройдя полный курс, но без лагерных сборов был произведен не в подпоручики, а всего лишь в прапорщики и попал в запасной батальон 126-го пехотного Рыльского полка, и с 43-й и 44-й маршевыми ротами 14 марта 1915 г. прибыл на позиции. В течение пяти месяцев за исключительную храбрость получил орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие. Столь ранние и высокие награды были так необычны, что молодой прапорщик постоянно носил при себе документы на них, чтобы опровергать подозрения в самозванстве. До рапорта о переводе в ударную часть последовательно исполнял должности младшего офицер 3-й роты, начальника команды разведчиков и командира 14-й и 12-й рот.¹⁰⁵ Архивные материалы рисуют Скоблина офицером доблестным, но тяготящимся

мелочностью дисциплины и стремящимся к самостоятельности едва не до партизанщины. Быстрое продвижение в чинах и наградах приводило к попыткам «затирания» и к напряженности в отношениях со старшими сослуживцами.¹⁰⁶ Неудовлетворенность косностью старой военно-бюрократической машины и в то же время отрицание «демократизации» армии привели несомненно выдающегося 23-летнего штабс-капитана в качественно новую среду.

К середине июня 1-й Ударный отряд под командованием Неженцева закончил подготовку, и начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский разрешил перевод на фронт Двухбатальонное подразделение численностью свыше 3 тыс. человек прибыло в распоряжение 42-го армейского корпуса.¹⁰⁷

Следует особо оговориться о нецелесообразности пытаться четко разграничивать здесь понятия «ударные революционные» батальоны (сформированные из волонтеров тыла, нередко штатской молодежи), «частей смерти» из добровольцев-фронтовиков и так называемых «штурмовых» (временных, для выполнения какой-то конкретной боевой задачи). Их различия состояли в уровне подготовки и опытности, но не в назначении и психологическом облике личного состава.

В ходе расширения добровольческого движения и солдаты (причем как одиночные, так и группами до 500 человек),¹⁰⁸ и офицеры¹⁰⁹ устремились в ударные части. Между тем практические механизмы их комплектования отсутствовали; при потребности фронтов в действенных силах такая заминка являлась самым крупным недочетом кампании. Поэтому было спешно разработано «Наставление для формирования и обучения ударных частей» (см. приложение 1, документ 2), переведшее их цели и смысл с языка патетики на точный язык военной науки. Из текста видно, что данные войска по сути стали предвестниками штурмовых групп Второй мировой войны.

Личный состав добровольческих частей не мог не соответствовать их специфике. Помимо «Наставления...» важной для понимания особенностей ударников будет «Присяга революционера-волонтера» (см. приложение 1, документ 1). Культивировались «крепчайшая спайка части», активная взаимовыручка, высокий моральный настрой (особо оговаривалась недопустимость братаний с врагом) и широкая личная инициатива; последнее было шагом вперед относительно прежних требований к личному составу. Психологический облик ударника приближался к облику смертника: присутствовало обещание обороняться, не отступая, до получения тяжелых ран, не сдаваться в плен, и осознание и готовность к смерти «за Родину и свободу как счастья и оправдания... присяги».¹¹⁰

Непросто выделить самое значимое, стержень данного обязательства, так не похожего на обычные своим особым акцентированием многих обязанностей, неотъемлемых от солдата вообще. И эта необычность служит дополнительным доказательством глубины разложения военного порядка. Безусловно, доминировало обещание «исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою приказания поставленных надо мною начальников». Устранение непрофессионального комитетского или выборного руководства признавалось залогом эффективности: необходимо «невмешательство комитетов в формирование и управление военной и хозяйственной жизнью ударных батальонов», ибо «кто из серьезных твердых офицеров возьмет должность, предлагаемую ему матросом или солдатом?»¹¹¹ Такая постановка вопроса делала службу в добровольческих частях весьма привлекательной для офицеров, и не случайно они составили значительную долю среди подавших рапорты о переводе туда. Жалованье же назначалось в стандартном размере соответственно чинам, и никаких преимуществ не предусматривалось. •^e

Активисты движения высказывали новые идеи, например, упразднение понятия «офицер» в прежнем смысле, так как залогом успеха считали единодушие личного состава, складывающееся из взаимного доверия, общности интересов и любви к своему делу. По формуле Неженцева, «офицер - человек долга и порядка», который должен «быть рядом с солдатами, отвечать на все их сомнения».¹¹³ Изжив рознь между командирами и подчиненными, чему в добровольческой среде способствовало единство ценностей и взглядов, армия получала более устойчивые войска. Проектировалась даже выборность командных кадров из числа офицеров.¹¹⁴ Подобные планы и перемены стали началом появления специфики внутреннего быта офицерских рот, батальонов и полков Добровольческой армии и серьезно изменившей принципы старшинства и иерархию чинов.

Неоднократно повторялось, что «без офицеров ударные батальоны распадутся», и потому отбор кандидатов проводился весьма тщательно, отсеивая «преступный элемент». Относительно всех добровольцев действовал принцип, что «лица, бывшие под судом, ни в коем случае принятыми быть не могут».¹¹⁵ М.И. Капустин пишет даже об «индивидуальном отборе ударников» кадровыми офицерами,¹¹⁶ но чисто технически это либо было трудновыполнимо из-за многочисленности, либо проводилось достаточно поверхностно. Конечно, в добровольческой кампании, как и в любом масштабном мероприятии, встречался определенный процент чуждого элемента. Неоднократно всплывали явные авантюристы, стремившиеся прибрать к рукам формирование ударных частей.¹¹⁷

Однако аморальные и криминальные личности появлялись, но удержаться не могли. Причина не столько в бдительности командования, сколько, во-первых, в особенностях назначения добровольческих частей, способных привлечь только убежденных людей, и, во-вторых, в самом контингенте ударников, которые просто не терпели в своих рядах нестойких и чуждых.

Не преувеличивая, отметим все продолжавшийся рост добровольчества. В результате разрешения записи в ударные батальоны среди запасных в середине июня насчитывалось около 2 тыс. волонтеров (без учета 1-го Ударного отряда).¹¹⁸ Вскоре помимо сотен индивидуальных рапортов некоторые запасные подразделения объявили о своей записи в полном составе: 39-й, 117-й, 229-й, 290-й, 293-й и другие запасные полки и отряды пограничной стражи.¹¹⁹ Согласно документам, в трех запасных кавалерийских полках на каждый осталось всего по два маршевых эскадроны из пяти штатных.¹²⁰ Показательно стремление добровольцев именно на Юго-Западный фронт, «к Корнилову», ставшему 8 июля его командующим. Решительные и энергичные действия генерала существенно повысили его авторитет среди офицерства. Из-за обилия прошений Верховный Главнокомандующий Брусилов разрешил записать в «части смерти» целых фронтовых подразделений, потому что ряд генералов отрицательно оценивал выделение из своих соединений самых боевых офицеров и солдат. Так, Деникин не скрывал скепсиса, хотя и признавал эффективность и величину «подвига ударников».¹²¹

Обратимся вновь к Корниловскому ударному отряду. Прибыв на позиции, он изгнал агитаторов из соседних частей; с явно непосильной задачей захвата тяжелых австрийских батарей и прорыва фронта ударники справились блестяще: за полтора часа продвинулись на семь верст и отбили контратаку противника, потеряв при этом 24 офицера и 506 солдат (в том числе около 300 убитыми). Число наград за первый бой говорит как о доблести отряда, так и о поощрении его командованием: три ордена Св. Георгия 4-й степени, 11 - Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, один - Св. Анны 2-й степени и 24 - 4-й степени.¹²² Однако от получения наград ударники демонстративно отказались, мотивируя невозможностью выделять кого-то, так как отличились буквально все; только 16 августа, после получения всем личным составом солдатских Георгиевских крестов, награждение состоялось.¹²³

Традицией корниловцев навсегда стало подчеркнутое презрение к смерти и бравирование этим. Скоблин, командир 2-го батальона, выразил общее настроение так «Убьют - сразу попадешь в Царствие Небесное, ранят — домой съездишь, уцелеешь - герой!». ¹²⁴ Подобная логика усваивалась солдатам и офицерами, сви-

детельствуя и о религиозности на фоне общего роста атеизма, и о ее трансформации в духе фатализма. Для солдата немаловажна вера в то, что его гибель не напрасна; при повальной потере смысла жертвы ударники, напротив, обретали его.

В июле добровольцы не только участвовали в боях, но и обеспечивали дисциплину на фронте вообще. Корнилов считал даже необходимым придать каждой армии по «бригаде смерти», ибо «это принесет пользу для порядка боевых действий».¹²⁵ Ударные части становились тем более закономерными воплощениями чрезвычайных мер командования, чем большее отрицательное отношение, доходившее до эксцессов, они встречали с первых дней пребывания на позициях. Не выходя из боев, добровольцы «крутыми мерами останавливали и возвращали в окопы даже славнейшие русские полки».¹²⁶ Воспоминания солдат-большевиков обвиняют их и в произвольном нападении на «революционно» настроенные части, но тут же проговариваются: напротив, они сами всячески задевали ударников и провоцировали на настоящие бои, длившиеся порой более восьми часов.¹²⁷ Кажущаяся аналогия с заградительными отрядами Великой Отечественной войны, не выходившими на передовую, неуместна. Главным по-прежнему оставалась борьба с противником.

С 21 июля началось формирование трехбатальонного полка на основе 1-го Ударного отряда, а 6 августа полк перешел на специально разработанный четырехбатальонный усиленный штат.¹²⁸ (См. приложение 2, таблица 2). Наряду с Корниловским формировался 1-й ударный Революционный полк из отдельных батальонов под командованием Генерального Штаба капитана В.К. Манакина. Отчет о его смотре подтверждает серьезную подготовку личного состава: «Задачи выполнены образцово... Занятия проходят ежедневно по 8-10 часов»; отмечалась и универсальность выучки - на батальон приходилось по 80 сверхштатных пулеметчиков.¹²⁹ Значительное число пулеметов было не только техническим условием ударной силы, но и потенциальной возможностью второго, «внутреннего» применения добровольцев.

Высокая эффективность новых частей породила проект выделения из армии наиболее сильного элемента и развертывания на его базе полков, дивизий и корпусов - так называемой «Добровольческой Революционной Армии». Остальные части планировалось свести в рабочие роты с особо строгой дисциплиной, разбив тем самым на мелкие, подконтрольные подразделения. Одним из авторов проекта был генерал-майор П.Н. Врангель; в октябре то же предлагал комиссар при Верховном Главнокомандующем Станкевич, приписывая почему-то идею исключительно себе.¹³⁰ Хотя предложенная мера количественно сокращала войска вдвое (а то и до 15-20 корпусов, наполовину из офицеров), качественное превосход-

ство не подвергалось сомнению. Военная Лига выступила 7 августа с предложением «приступить немедленно к формированию в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе добровольческих дивизий и корпусов»;¹³¹ после провала корниловского выступления реализация замысла почти полностью замерла. Конечно, план не учитывал необходимость колоссальных сил для охраны нестроевых команд, но в случае удачи кардинального изменения принципа комплектования командование получало боеспособную и повинующуюся армию. Однако, утвержденная только 16 октября, новая система опоздала и ничего не смогла изменить.

Общая панорама добровольческого движения такова. 12 июля было разрешено формирование ударных батальонов из фронтовых частей, как целых, так и разрозненных; 15 июля такое право получили казаки.¹³² Именно тогда энтузиазм достиг пика. На 15 июля записались 3 корпуса, 3 дивизии, 2 бригады, 6 полков, 16 рот, 16 дивизионов, 6 батальонов, 22 батареи, 11 команд и канонерская лодка «Храбрый» (из них 3 корпуса, 3 дивизии, 4 полка и 4 дивизиона - на Юго-Западном фронте, о чем военному министру, явно демонстрируя силы, сообщал Корнилов).¹³³ Конечно, рост корниловской популярности начинал беспокоить правительство, но генерал, спасший и упорядочивший фронт, проявил себя решительным и полезным организатором, и поэтому после Брусилова был назначен Верховным Главнокомандующим с одновременным производством в генералы-от-инфантерии. Уже 17 июля перечень записавшихся включал 4 корпуса, 5 дивизий, 11 бригад, 21 полк, 25 дивизионов, 15 батальонов, 21 роту, 43 батареи, 4 отряда и 19 команд, причем в нем нет двойного счета.¹³⁴ (См. приложение 2, таблица 1). Ничтожное число кавалерийских «частей смерти» имело исключительно прозаическую причину - нехватку конского состава.¹³⁵

Важно проследить механизм записи, без которого любые цифры будут малосостоятельны. Решение о переходе в разряд добровольческих принималось общим полковым (или иным соответствующим) собранием. Нарушений принципа добровольности не зафиксировано. Резолюция в агитационном порядке рассылалась в другие части дивизии, а то и в газеты.¹³⁶ Надо учитывать и не записавшихся, выразивших, тем не менее, «твердое желание идти в наступление». Отказ от официальной регистрации они объясняли отсутствием ее необходимости, так как «и без этого готовы умереть за Родину»; более вероятно, что причиной была тайная агитация пораженцев против «частей смерти» и запугивание желающих вступить в них.¹³⁷ Впрочем, и среди устремившихся в добровольческие части попадались откровенно пораженческие контингенты, подобные 8-му маршевому эскадрону 17-го драгунского Нижегородского полка, совершенно не понимавшие их назначения и увлечен-

ные чем-то незначительным, вроде желания носить «красивый» черно-красный шеврон.¹³⁸ Как правило, они столь же легко и покидали ряды добровольцев.

Однако для массовых воодушевлений характерно как быстрое воспламенение, так и стремительное сгорание. Всего на фронты было отправлено 16 специально сформированных ударных батальонов, две роты и одна команда (помимо Корниловского и 1-го Революционного полков).¹³⁹ Приводившиеся Н.Я. Ивановым данные о 34 батальонах численностью около 80 тыс. человек расширяют картину, хотя и фиксируют их без дифференциации запасных и резервных от получивших подготовку и попавших на позиции. «Список революционных ударных батальонов» номинально содержит 40 наименований, но реально - 39, из коих три - типичные, чисто фронтовые «части смерти», а два включены в 1-й Революционный полк; согласно этому документу, 16 из них было отправлено на позиции и лишь 13 приняли участие в боях.¹⁴⁰ И если никто из военных не сомневался в пользе «частей смерти» из фронтовиков, то отношение к волонтерам тыла было прохладнее. В частности, Главный комитет Союза офицеров (о котором речь впереди) высказывал опасения, что они внесут в армию новый виток разложения из-за невозможности отфильтровать пораженческий элемент, каковой мог проникать в них намеренно, для дезорганизации добровольчества.¹⁴¹ Однако дальнейшие события в целом опасения не подтвердили.

Нередко начатое формирование прекращалось в силу преимущественно хозяйственных затруднений и нестыковок. Неоднократные упоминания в отечественной литературе лучшего снабжения и обмундирования добровольцев опровергаются многочисленными архивными материалами, где отражена постоянная нехватка материального оснащения. Предлагалось даже снабжать их за счет разложившихся и небоеспособных подразделений, а то и за счет пожертвований.¹⁴² Следует отметить единственное существенное отличие между «переименовавшимися» и вновь созданными частями. Если в первых могло присутствовать несогласное меньшинство, то сплоченность вторых, вобравших исключительно добровольцев, обеспечивалась почти идеально. «Новые» подразделения, нередко укомплектованные офицерами сверх штата,¹⁴³ все более и более походили на будущие офицерские части Добровольческой армии.

Многие командиры ударных батальонов оказались вскоре видными участниками Белого движения, прежде всего на Юге России. Назовем лишь некоторых из них. Упоминавшийся Манакин (ряд командных и административных должностей) и Скоблин (бессменный предводитель корниловцев), с которым еще с

лета 1917 г. был знаком командир батальона смерти 19-й пехотной дивизии штабс-капитан А.В. Туркул¹⁴⁴ (последовательно возглавлявший роту, батальон, полк и дивизию дроздовцев). Командир 2-го Оренбургского ударного батальона подполковник А.Н. Блейш,¹⁴⁵ в 1919 г. - командир 1-го Марковского полка и начдив Марковской. Из менее известных - командир 3-го женского батальона войсковой старшина А.Т. Синчило, который в 1918 г. в чине полковника был комендантом Алексеевского полка.¹⁴⁶ Многие офицеры-ударники состояли в политических партиях, причем большая их часть приходилась на правых эсеров;¹⁴⁷ попадались также беспартийные монархисты (Манакин, Туркул) и даже сторонники анархизма (полковник А.И. Эрдман). Анализ персоналий выявленных командиров добровольческих частей показывает, что 50,0% приходилось на кадровых офицеров, занявших активную позицию по «спасению» и реорганизации армии; в общей же массе офицеров-ударников кадровые составили 33,7%. На фронтах Первой Мировой и Гражданской войн погибло 20,9% офицеров-добровольцев. (См. приложение 2, таблица 4).

Высокую активность при образовании ударных частей проявили юнкера. Возникло много самочинных юнкерских батальонов, но командование вначале ограничило их контингенты в 15% от каждого училища, а затем запретило полностью. Дважды, 26 июля и 6 августа, издавались приказы о расформировании,¹⁴⁸ так как гибель юнкеров в перспективе угрожала сокращением офицерского корпуса. Несмотря на приказы, на позициях оказались 2 батальона, 4 роты и 1 команда из юнкеров.¹⁴⁹

Примером может служить 1-й Юнкерский ударный батальон, составленный из юнкеров Алексеевского, Казанского, Тифлиского военных училищ, 2-й Казанской, Владикавказской, Душетской и Тифлисской школ прапорщиков, - более тысячи штыков при 10 пулеметах. Во время смотра его командир капитан К.С. Попов не отдал честь Савинкову, а когда тот вспылел, дерзко сослался на отмену этого Приказом № 1. Комиссарверх сгоряча приказал арестовать офицера, но едва не был поднят юнкерами на штыки. Батальон отправили в резерв 23-го армейского корпуса, а через неделю расформировали «за контрреволюционность»,¹⁵⁰ почему он и не вошел в состав 1-го Революционного полка, как планировалось. Показательна защита командира от представителя власти, говорящая о несомненной приоритетности для ударников идеи военной диктатуры, а не демократического правительства.

На Северном фронте группа офицеров (полковники Ф.А. Бредис (Бреде), К.И. Гоппер, Эрдман) пыталась организовать ударные части в латышских стрелковых полках. Несмотря на малорезультативность (возникла всего одна рота), именно там 7 июля и

12-13 августа произошли самые ожесточенные и кровопролитные столкновения с батальоном смерти 38-й пехотной дивизии, на который нападало до шести полков.¹⁵¹

Нельзя не упомянуть и женское добровольческое движение, инициатором которого в мае стала унтер-офицер МЛ. Бочкарева, быстро произведенная в прапорщики. Верховный Главнокомандующий - тогда еще Брусилов - поддержал данное начинание, причем его, скорее всего, привлекла не столько сомнительная возможность женщин-идеалисток своим примером «пристыдить» пораженцев, сколько соблазн получить воинскую часть без комитета (на чем как на главном условии настаивала Бочкарева и что было разрешено).¹⁵² Тем самым создавался прецедент, но правительство, не восприняв женский порыв всерьез, вначале не обратило внимание на сей факт. Но уже вскоре понимание пришло, и Бочкаревой приходилось выдерживать сильнейшее давление по поводу отсутствия комитета и «революционных» солдат соседних частей, и некоторых подчиненных, и даже Керенского - ранее разрешившего бескомитетское устройство.

Вначале хлынул поток прошений женщин, особенно солдаток и казачек Кавказа и Кубани, «о формировании из них отдельных пехотных батальонов для немедленной отправки на фронт».¹⁵³ Началось комплектование 1-й женской команды смерти, 1-го Петроградского, 2-го Московского и 3-го Кубанского (или Екатеринодарского) батальонов и 11 караульных команд (в Петрограде, Москве и Саратове по две и в Киеве - пять). Назначением последних было предполагавшееся «освобождение части здоровых солдат для выполнения боевых задач».¹⁵⁴ Бочкарева позже утверждала, будто имелось 15 женских батальонов. Но многие формирования, начатые явочным путем в Баку, Вятке, Мариуполе, Полтаве, Симбирске и Харькове, завершены не были и вливались в вышеперечисленные, весьма медленно и неохотно.¹⁵⁵ Единственным исключением стала, похоже, Минская отдельная караульная дружина; упоминаются и некие «женские команды связи», планировавшиеся для небоевого применения на позициях.¹⁵⁶

Корнилов, став Верховным Главнокомандующим, 14 августа выразил свое отношение к женскому движению так «ПЕРВОЕ. Дальнейшие формирования из женщин-добровольцев частей чисто боевого назначения прекратить. ВТОРОЕ. Части уже существующие оставить пока на фронте, а затем воспользоваться ими для охраны дорог. ТРЕТЬЕ. В будущее время из женщин-добровольцев формировать команды вспомогательного назначения, например, службы связи, части для охраны железных дорог. ЧЕТВЕРТОЕ. Женщин-добровольцев, насколько возможно, привлечь для укомплектования санитарных организаций».¹⁵⁷

«Охрана» коммуникаций, ввиду все учащавшихся случаев самовольного ухода частей с передовой, приобретала стратегическое значение и могла быть поручена верным и не рассуждающим добровольцам. Однако небоевое применение их не удовлетворяло, и уже к 15 сентября начали поступать заявления «о нежелании продолжать службу» и просьбы «об увольнении на родину»,¹⁵⁸ подхлестнутые, несомненно, и антикорниловской травлей.

«Первая женская команда смерти Марии Бочкаревой» приняла участие в антибольшевистской манифестации на Марсовом поле, где вступила в столкновение со спровоцировавшими их пораженцами. В этом добровольцы значительно опередили остальные ударные части. Вместе с тем была заметна и их чрезвычайно резкая настроенность против монархии.¹⁵⁹ Команда Бочкаревой оказалась единственной, принявшей непосредственное участие в боевых действиях, но не сумела воодушевить войска и столкнулась с враждебно-издевательским отношением. Петроградский женский батальон (командир - капитан лейб-гвардии Кексгольмского полка А.В. Лосков был обучен и готов к отправке на позиции к 25 октября, но, покинув столицу, размещался в тылу и в бои не вступал. По общему мнению его офицеров, резюмированному командиром 3-й роты штабс-капитаном П.В. Шагалом, вообще «женский батальон для позиционной войны не годится, а может либо нести охранную службу, либо быть использован как ударная часть».¹⁶⁰ В первом случае подразумевалось упоминавшееся применение в ближайшем тылу, во втором же признавалась возможность и чисто боевого применения - но лишь для точечных действий. В то же время вряд ли женщины были готовы справиться с столь трудными задачами. Офицеры-мужчины женского батальона высказывали единодушное мнение: «... все думали и знали, что, другими словами, должны были идти на самоубийство» и одновременно сознавали «бесцельность... этой страшной жертвы».¹⁶¹

Московский батальон был расформирован уже в сентябре, и лишь 420 добровольцев, изъявившие желание остаться, прибыли на Западный фронт, войдя в 27-ю пехотную дивизию. Командование тотчас отреагировало панической телеграммой в Ставку: «Прошу зависящих распоряжений о ненаправлении на Западный фронт женских отрядов, польза от которых весьма проблематична, тогда как формирование и содержание их также вызывает излишние расходы казны, не говоря о крайних осложнениях их организации».¹⁶² Распоряжением начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 8 ноября отправка женских отрядов на позиции была запрещена.

Действительно, сильное озлобление солдатских масс против добровольцев вообще в сочетании с резко циничным отноше-

ем к женщинам в частности, заставлявшее охранять их от своих же, только добавляло забот командирам. Сама Бочкарева в конце концов заявила: «... я в женщинах разочаровалась»,¹⁶³ что подтверждает и деникинскую оценку женского движения как армейского суррогата. Оно показательно не столько своим содержанием, сколько самим фактом существенного изменения староармейских традиций.

В меньших и колеблющихся размерах запись в «части смерти» продолжалась в августе-сентябре; формировались резервные батальоны пополнения, 2-й ударный Революционный полк и Славянский (Юго-Славянский) добровольческий отряд - из пленных солдат-славян австрийской армии под началом русских офицеров.¹⁶⁴ (См. приложение 2, таблица 1) В августе приказом Верховного Главнокомандующего началось создание Георгиевских пехотных запасных полков в Киеве, Минске, Одессе и Пскове - по одному на каждый фронт, кроме Кавказского; они сводились в бригаду, командир которой подчинялся непосредственно Верховному Главнокомандующему. Все мероприятия проводились через Союз Георгиевских кавалеров. С одной стороны, эти части имели сходство с ударными батальонами, ибо вербовались в них только те кавалеры, которые находились в любых тыловых командах, тогда как выделение их из действующей армии категорически запрещалось. С другой же - специфика их назначения коренным образом отличалась от всех прочих добровольческих подразделений: не активное боевое применение, а «крепкий последний надежный резерв, употребимый в бой лишь в исключительных случаях крайней опасности» всего боевого участка.¹⁶⁵ Но, так как командование могло признать «исключительным случаем» и внутренние события, то следует учесть и эти, самые безликие из всех подобных части.

В большинстве добровольцы честно выполняли присягу; не считавшие возможным продолжать службу уходили сами, и их не удерживали.¹⁶⁶ «Список частей, подлежащих исключению из «частей смерти» как опозоривших их» и другие документы указывают на отсутствие таковых на четырех фронтах из пяти;¹⁶⁷ наличие же их на Юго-Западном фронте объясняется самым большим количеством там добровольческих частей вообще.

Будучи нетрадиционными войсками, добровольцы стремились отличаться даже внешним видом. Неженцев разработал «Описание формы Корниловского ударного полка»,¹⁶⁸ утвержденное лично Верховным Главнокомандующим. Разработанные специальные кокарды и шевроны стали общими для всех ударников. Целесообразно обратить внимание на символику, что позволит получить более полное представление о мировоззрении и духовном мире участников движения. Цвета шеврона - черный (символ смер-

ти) и красный (символ крови, борьбы и революции), как и эмблема-кокарда «череп на мече», по определению самого Корнилова, выражали дилемму «победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестие...»¹⁶⁹ Наряду с этим, подчеркивание собственной необычности и новаторства через внешнюю рисовку свидетельствует и о некоторой психологической неуверенности, стремлении ее преодолеть, а также о романтически-поверхностном восприятии действительности. Наблюдая волонтеров со стороны, современник акцентировал именно это: «Вособенности забавны «батальоны смерти». У некоторых не только шевроны на рукавах, но еще нашивки и на погонах, и на груди. Один с целой красной лентой через плечо с надписью «Драгун смерти» (!), а у одного офицера на рукаве нашта анненская лента (плечевая) в ладонь шириной, обшитая по бокам двумя широкими георгиевскими лентами, и все это небрежно завязано «бантиком».¹⁷⁰

Любопытны и образы, отраженные в самоприсвоенных ударными батальонами наименованиях. Так, увековечение «имени гражданина Минина» означало ориентацию на исторический опыт России в Смутное время (с которым проводилась аналогия), а название «Свобода, Равенство и Братство»¹⁷¹ устанавливало параллель с Великой Французской революцией, становившейся порой неким духовным эталоном.

Энергичная патриотическая позиция Корнилова противоречит тезису советской историографии об измене: упреки в стремлении или во всяком случае содействии открытию фронта перед немцами справедливее адресовать правительству, а действия Верховного Главнокомандующего, напротив, опровергают их. Известен случай с Ригой, занятой противником 20 августа. Но еще на совещании в Ставке 16 июля, в присутствии Керенского, Алексеев говорил об угрозе Румынскому фронту, Полоцку и Риге, причем подчеркивал, что и тогда Петроград будет вне опасности. По словам Брусилова, город был уже эвакуирован,¹⁷² то есть его потеря ожидалась задолго до этого. Затем, 4 августа Верховный Главнокомандующий предупреждал об опасности наступления противника на северном направлении и запрашивал туда ударные батальоны.¹⁷³ Третье предостережение прозвучало на Государственном Совещании 14 августа, когда Корнилов говорил о необходимости установления порядка в тылу, чтобы не потерять «ключ от Петрограда»; в противном случае в контексте речи подразумевались самостоятельные меры командования. Оказывая давление на власть, Верховный Главнокомандующий пытался стабилизировать фронт.

Корниловское выступление является относительно самостоятельной проблемой, и ее необходимо затронуть лишь с точки зрения участия добровольческих частей. Несмотря на перевод на Се-

верный фронт, осуществленный по приказу от 16 августа, ударники не приняли никакого участия в походе на столицу. Сама передислокация может истолковываться двояко: либо упрочение стратегически важного направления и дисциплины, либо сбор верных сил для броска на Петроград. Но, так как в походе участвовал только 3-й конный корпус, а Корниловский полк не покидал район боевых действий и удерживал, по обыкновению, позиции целой дивизии,¹⁷⁴ то очевидно преимущество первой версии. Действительно, уже отмечавшееся наихудшее состояние Северного фронта и приоритетная важность данного участка требовала наличия боеспособных войск

После неудачи выступления и ареста Корнилова 1 сентября полк был переименован в 1-й Российский ударный, 10 сентября - в 1-й Славянский и вновь переведен на Юго-Западный фронт в распоряжение Чешско-Словацкой дивизии. Однако корниловцы сохранили свою эмблематику, содержавшую прежнее наименование, продолжали вызывать проявлять приверженность к шефу и отстояли в трудной борьбе с Керенским даже внешние отличия.¹⁷⁵ (Правда, семь офицеров и несколько сот солдат заявили о поддержке Временного правительства, после чего их перевели в другие части, и таким образом полковой состав снова сократился до трехбатальонного).¹⁷⁶ Министр-председатель, ставший Верховным Главнокомандующим, конечно, мог расформировать почти враждебную силу, но как раз сила становилась жизненно необходимой > правительству, почуствовавшему ускользание почвы из-под ног. В сентябре же на позиции отправились даже два отряда из увечных воинов, ранее послуживших надежной опорой власти в тяжелых ситуациях, в частности, в дни Июльского кризиса.¹⁷⁷ В отличие от женских подразделений, организаторы инвалидных отрядов и позднее полков изначально ставили цели не боевого, а дисциплинарно-жандармского использования. К ним относилась «охрана» оборонных предприятий (истинная сущность которых ясна при учете роста забастовок), «восстановление боеспособности армии на фронте и в тылу» и прочее «активное содействие временной власти».¹⁷⁸ Характерно, что такие цели, сформулированные еще в конце мая, стали воплощаться лишь осенью.

Славянский полк широко применялся для усмирений, не выхода при том из боев. Сокращение же притока добровольцев вынуждало командование всеми силами сохранять имеющиеся «части смерти». Нередко при расформировании дивизии приданный ей ударный батальон (при наличии ходатайства личного состава) сохранялся, зачисляясь в распоряжение Ставки наравне с заново созданными. Так случилось с «батальонами смерти» 17-й, 120-й и 174-й пехотных дивизий;¹⁷⁹ здесь отчетливо видно типичное смещение понятий «ударных» и «частей смерти». В конце ок-

тября - ноябре усилился и отток по собственному желанию ранее перешедших в добровольческий разряд частей. Причиной стало или моральное шатание из-за недавней записи (как произошло с Ванской озерной флотилией¹⁸⁰), или значительная смена исходного состава подразделения вследствие больших потерь (35-я пехотная дивизия¹⁸¹).

В качестве курьеза отметим совершенно нетипичный и единственный случай формирования 23 октября (!) добровольческого ударного батальона рабочих (!) Обуховского завода,¹⁸² в то же время и опровергающий единодушие пролетариата в Октябрьской революции.

На фронте ударные батальоны вместе с одиночными другими частями вели неравные бои с противником, неизбежным следствием чего было их буквальное уничтожение: в ротах оставалось по 20-25 здоровых бойцов. Враждебность окружающих полков слегка скрывалась паническим страхом перед добровольцами.¹⁸³ Вместе с тем, в некоторые части проникали и пораженческие элементы: к примеру, в 1-м ударном батальоне «Свобода, Равенство и Братство» к 18 октября насчитывалось 42 большевика - одна из самых мощных ячеек РСДРП(б) в 6-м армейском корпусе.¹⁸⁴

После Октябрьской революции многие добровольческие части заняли выжидательную позицию и, понимая свою малочисленность, от столкновений уклонялись. Затем многие из них - для отвода глаз - заявляли о лояльности, после чего их спокойно разоружали и распускали. Так сохранялось самое ценное - их социальный материал. Зафиксирован единственный пример выступления ударников против своих офицеров и переход на сторону большевиков под Гатчиной;¹⁸⁵ впрочем, документальных подтверждений мемуарной версии не имеется. Некоторые добровольческие батальоны по собственной инициативе, как писал Деникин, прибыли в Могилев для охраны Ставки, понимая неизбежность ее ликвидации большевиками. Сомнения в самочинности данной передислокации опровергаются приказом исполнявшего должность Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина об отходе из города в связи с необходимостью защиты Родины и Учредительного Собрания в будущем.¹⁸⁶ Сообщение Станкевича, ссылавшегося на Духонина, о невыполнимых требованиях ударников (о роспуске и аресте комитетов и т. д.), весьма неправдоподобно; еще страннее его вывод об их желании не сражаться, а попросту самоустраниться.¹⁸⁷ Столь же сомнительно заявление МД Бонч-Бруевича о том, что вывод опасных ударников был исключительно его заслугой.¹⁸⁸ Эти свидетельства противоречат даже друг другу: в первом утверждается отказ добровольцев от борьбы, тогда как во втором подразумевается высокая готовность к ней.

Офицерские ядра семи ударных батальонов (в том числе 2-го Оренбургского, 4-го, 8-го, из 1-й стрелковой Финляндской дивизии и 1-го Революционного полка) под началом полковника ЛА Янковского, подполковников Манакина и В.В. Бахтина отправились на юг. Прорвавшись с боем через заслон под Жлобиным, они были перехвачены и после ряда стычек окружены на Белгородчине отрядами красногвардейцев и матросов И.П. Павлуновского и А.Ф. Ильина-Женевского. Сражаясь до последнего патрона, почти все ударники этой группы погибли, а частично рассеялись и прорвались на Дон.¹⁸⁹ Корниловцы, переведенные в Киев, в конце октября участвовали в боях с большевиками и украинскими националистами, однако были вынуждены с трудом прорываться из города. 18 ноября Ставка приказала переместиться на Кавказский фронт (что означало сигнал к отправке на Дон). 20 ноября в Могилев вошли красногвардейцы, а 25 ноября корниловский эшелон под видом казачьего ушел в Донецкую область. Неженцев официально объявил о полном некомплекте личного состава и предложил желающим, ввиду невозможности открытой передислокации, ехать туда же порознь.¹⁹⁰

Открытое участие добровольцев в борьбе против установления власти большевиков было скорее исключением. В ходе юнкерско-офицерского восстания в столице в конце октября действовали 3-я рота Петроградского женского батальона, разрозненные ударники и отряд увечных воинов.¹⁹¹ Совершенно не замеченной до сего времени оказалась поддержка 7-м ударным батальоном (Западного фронта) и, возможно, каким-то другим неизвестным «батальоном смерти» московской Белой Гвардии. Статистический анализ «Списка похороненных на Братском военном кладбище 13 ноября 1917 г.» погибших участников, при определенной произвольности подобной выборки, показывает 22,1% ударников.¹⁹² «Дивизион смерти» Кавказской кавалерийской дивизии некоторое время оборонял Калугу от солдатско-красногвардейского карательного отряда.¹⁹³ Бездействие остальных, как уже отмечалось, обуславливалось стремлением сохранить кадры на будущее. В связи с этим, прикрываясь унификацией войск, первый советский Верховный Главнокомандующий прапорщик Н.В. Крыленко 9 декабря издал приказ о расформировании «частей «смерти», всех видов «ударных» и «штурмовых» частей».¹⁹⁴ Судьба женских подразделений была несколько иной. Еще 30 ноября 1917 г. по представлению Главного Управления Генерального Штаба, то есть по инициативе командования, было принято решение об их расформировании. Интересно, что остатки Московского батальона начали расформировываться только 15 декабря, а история Кубанского (Екатеринодарского) батальона закончилась вообще 26 февраля 1918 г., после отказа штаба Кавказского военного округа в снабжении.¹⁹⁵

¹ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. - ноябрь 1920 г.). В 2 кн. Кн. 1. - М: Менеджер, Космос, Каталог, 1991. С. 10.

«•имже. С. 11.

³ Цит. по: Родзянко М.В. Крушение империи. - Харьков, 1990. С. 200.

⁴ Там же.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. - М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. С. 18-20; Верховский АИ. На трудном перевале. - М.: Воениздат, 1959. С. 228.

⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 19.

⁷ Там же. С. 10-11.

⁸ Лукомский АС. Из воспоминаний//Архив русской революции. В 22 т. Т. 2. - Берлин, 1922. С. 18.

⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 21; Верховский АИ. Указ. соч. С. 228-229.

¹⁰ Цит. по: Денисов СВ. Белая Россия. Альбом № 1. - Нью-Йорк, 1937. С. И.

¹¹ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринт. - М: Наука, 1991. С. 131.

¹² Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция//Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. - Берлин, 1922. С. 39-

¹³ Александр Иванович Гучков... С. 72; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. - М.: Наука, 1995. С. 29; Керенский АФ. Россия на историческом повороте: Мемуары. - М.: Республика, 1993- С. 142.

¹⁴ Половцов ПА Дни Затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала ПА Половцова в 1917 году)/Предисл., указ., примеч. АС. Сенина. - М.: ГПИБ, 1999. С. 73-74.

¹⁵ Верховский АИ. Указ. соч. С. 273.

¹⁶ Против Деникина: Сб. воспоминаний/Сост. и науч. ред. АП. Алексашенко. - М.: Воениздат, 1969. С. 88-89-

¹⁷ Керенский АФ. Указ. соч. С. 141, 161.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 147.

¹⁹ Александр Иванович Гучков... С. 75.

²⁰ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 134-135- Все даты приведены по старому стилю, включая период после февраля 1918 г., так как на подконтрольных Добровольческой армии территориях продолжал действовать юлианский календарь.

²¹ Цит. по: Там же. С. 136.

²² Керенский АФ. Указ. соч. С. 160-161.

²³ См.: Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10 т. Т. 8. - М: Политиздат, 1987. С. 150.

²⁴ Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. - М.: РОССПЭН, 1997. С. 239.

²⁵ Мамонтов СИ. Походы и кони: Воспоминания о Гражданской войне//Подъем - 1992 - № 5/6 - С. 8-9.

²⁶ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 147.

²⁷ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. П.

²⁸ Там же. С. 12.

²⁹ Кремлев ИЛ. Былое: Из воспоминаний. - М.: Молодая гвардия, 1959. С. 9.

³⁰ Александр Иванович Гучков... С. 75.

³¹ Там же. С. 73, 75.

³² Там же. С. 72.

- ³³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 34.
- ³¹ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 44.
- «Верховский АИ. Указ. соч. С. 147-148.
- ³⁶ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 511 об.
- ³⁷ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 44, 119.
- ³⁸ Там же. С. 64.
- ³⁹ Александр Иванович Гучков... С. 76.
- ^{ю ц и т' по} Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 299.
- ⁴¹ Там же. С. 436.
- ⁴² Там же. С. 330-331.
- ⁴³ Там же. С. 329.
- ⁴⁴ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 188.
- ⁴⁵ Столыпин АА Записки драгунского офицера (1917-1920 гг.)/Русское прошлое - 1993 - Кн. 3 - С. 20.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 286. Л. 12.
- ⁴⁷ Материалы для истории Корниловского ударного полка/Сост. М.Н. Левитов. - Париж, 1974. С. 15.
- ⁴⁸ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 335.
- ⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 310.
- ⁵⁰ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 514.
- ⁵¹ Там же. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 286. Л. 20.
- ⁵² Веркеенко Г.П., Минаков СТ. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А.Деникина. - М.: МГОПИ, 1993- С. 25.
- ⁵³ Волков СВ. Русский офицерский корпус. - М.: Воениздат, 1993. С. 353.
- ⁵⁴ РГВИА Ф. 2740. Оп. 1. Д. 283-Л. 10.
- ⁵⁵ Октябрь на фронте: Воспоминания/Коллектив авторов. - М.: Воениздат, 1967. С. 247.
- ⁵⁶ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 507.
- ⁵⁷ Там же. Л. 509 об.
- ⁵⁸ Кремлев ИЛ. Указ. соч. С. 6-7.
- ⁵⁹ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 56.
- ⁶⁰ Там же. Л. 46.
- ⁶¹ Там же. Л. 46 об.
- ⁶² Там же. Л. 51.
- ⁶³ Александр Иванович Гучков... С. 102.
- ⁶⁴ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 72.
- ⁶⁵ Там же. Л. 90; Ф. 2003- Оп. 2. Д. 348. Л. 41, 43.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Лл. 89-90 об.
- ⁶⁷ Там же. Д. 74. Л. 536 об.
- ⁶⁸ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 434-435.
- ⁶⁹ Материалы для истории Корниловского... С. 60.
- ⁷⁰ Иванов НЛ. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. - М.: Мысль, 1977. С. 120.
- ⁷¹ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 34-35.
- ⁷² Герау Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Т. 2. - Париж, 1970. С. 198.
- ⁷³ Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году/Предисл., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1991 - Кн. 1 - С. 95-96, 112.

- ⁷⁴ Октябрь на фронте. С. 165-166.
- ⁷⁵ Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году. С 99.
- ⁷⁶ Материалы для истории Корниловского... С. 16, 18.
- ⁷⁷ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д 75. Л. 120.
- ⁷⁸ Там же. Л. 122.
- ⁷⁹ Там же. Л. 106.
- ⁸⁰ Там же. Л. 121.
- ⁸¹ Там же. Л. 128.
- ⁸² Будберг А.Л. Дневник//Архив русской революции. В 22 т.Т. 12- Берлин, 1922. С. 232.
- ⁸³ Там же. С. 203; Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году. С. 87.
- ⁸⁴ РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д 75. Л. 179.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д 259. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Л. 22.
- ⁸⁷ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914-1919 гг.//В.Б. Станкевич. Воспоминания 1914-1919 гг. Ю.В. Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции 1917 года/Сост., вступ. ст., примеч. А.С. Сенина. - М: РГТУ, 1994. С. 137.
- ⁸⁸ Макаров П.В. Партизаны Таврии. - М: Воениздат, 1960. С. 40-41.
- ⁸⁹ Октябрь на фронте. С. 246.
- ⁹⁰ РГВИА Ф. 69, Оп. 1. Д 74. Л. 538.
- ⁹¹ Будберг А.П. Указ. соч. С. 228.
- ⁹² Вестник первопоходника - 1967 - № 73/74 - С. 5.
- ⁹³ Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 149.
- ⁹⁴ Александр Иванович Гучков... С. 107.
- ⁹⁵ Цит. по: Критский М.А. Корниловский ударный полк. - Париж, 1936. С. 10.
- ⁹⁶ Там же. С. 10-11; РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 58.
- ⁹⁷ Критский М.А. Указ. соч. С. 14.
- ⁹⁸ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Лл. 17-18.
- ⁹⁹ Там же. Д. 347. Лл. 38, 183-185.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 185.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 38; Д. 348. Л. 291.
- ¹⁰² Критский М.А. Указ. соч. С. 13-14.
- ¹⁰³ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д 347. Лл. 17, 29.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 65; Д 348. Л. 19.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 2740. Оп. 1. Д. 154. Лл. 1, 35; Д. 282. Л. 36; Д. 284. Л. 44; Д 285. Л. 27; Вестник первопоходника - 1968 - № 79/80/81 - С. 75-
- ¹⁰⁶ РГВИА Ф. 2740. Оп. 1. Д. 286. Л. 14.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 2003- Оп. 2. Д 347. Л. 50.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 348. Лл. 50, 55-57, 100, 101 об., 121, 127, 142.
- ¹⁰⁹ Там же. Лл. 66, 70, 77, 86, 90, 132, 291; Д. 350. Л. 75.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 347. Л. 3.
- ¹¹¹ Там же. Л. 266.
- ¹¹² Там же. Д. 350. Л. 45.
- ¹¹³ Цит. по: Критский М.А. Указ. Соч. С. 16.
- ¹¹⁴ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 273; Капустин М.И. Указ. соч. С. 80.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 266.
- ¹¹⁶ Капустин М.И. Указ. соч. С. 83-
- ¹¹⁷ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 38-39.
- ¹¹⁸ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 66.
- ¹¹⁹ Там же. Лл. 40-48; Д. 348. Лл. 116, 211, 230.

- ¹²³ Там же. Д. 348. Л. 139.
- ¹²⁴ Там же. Д. 347. Лл. 11-12; Д. 350. Л. 178.
- ¹²⁵ Материалы для истории Корниловского... С. 52.
- ¹²⁶ Критский МА Указ. соч. С. 21, 23-24.
- ¹²⁷ Цит. по: Там же. С. 22.
- ¹²⁸ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 29-
- ¹²⁹ Критский МА Указ. соч. С. 29.
- ¹³⁰ Октябрь на фронте. С. 71, 78; Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники/Сост. Л.И. Петрушева. Под ред. СГ Блинова и МД Филина. - М: Терра, 1997. С. 379.
- ¹³¹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Лл. 8, 13.
- ¹³² Там же. Лл. 76-77; Материалы для истории Корниловского... С. 44.
- ¹³³ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 46; Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 136.
- ¹³⁴ Белая Гвардия: Альманах (Москва) - 1998 - № 2 - С. 66.
- ¹³⁵ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Лл. 136, 149.
- ¹³⁶ Там же. Д. 348. Лл. 150, 174-176.
- ¹³⁷ Там же. Лл. 303-305.
- ¹³⁸ Капустин М.И. Указ. соч. С. 89.
- ¹³⁹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 245; Д. 350. Л. 149.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 348. Лл. 284, 286, 346-347.
- ¹⁴¹ Столыпин АА. Указ. соч. С. 17.
- ¹⁴² РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 301; Д. 350. Л. 231.
- ¹⁴³ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Лл. 325-326; Иванов Н.Л. Указ. соч. С. 47; Кибовский А Указ. соч. С. 34.
- ¹⁴⁴ Маслаков А Указ. соч. С. 60.
- ¹⁴⁵ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Лл. 5 об., 6, 122, 193 об., 267; Д. 348. Лл. 5-6, 26; Д. 350. Лл. 5-6, 11-12, 14.
- ¹⁴⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 32.
- ¹⁴⁷ Вестник первопоходника - 1963 - № 24. С. 21.
- ¹⁴⁸ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Л. 325.
- ¹⁴⁹ на Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39725. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.
- ¹⁵⁰ Октябрь на фронте. С. 253.
- ¹⁵¹ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 185; Ф. 2003- Оп. 2. Д. 347. Л. 302; Д. 350. Л. 193.
- ¹⁵² Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Л. 230.
- ¹⁵³ Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера 1914-1920 гг. - Белград, 1925. С. 197-204.
- ¹⁵⁴ Дети русской эмиграции. С. 379; К истории ВЧК: письмо АИ. Эрмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому/ Ввод, ст., подгот. текста и коммент. АИ. Колпакиди//Русское прошлое - 1996 - Кн. 6 - С. 140.
- ¹⁵⁵ Бочкарева М. Яшка: Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная/Лит, запись И. фон Левина. Вступл., публ. С. Дрокова. С англ. Сокр. пер. И. Дорониной//Дружба народов - 1993 - № 6 - С. 19-20.
- ¹⁵⁶ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 10; Сенин АС. Женские батальоны и военные команды в 1917 году//Вопросы истории - 1987 - № 10 - С. 178.
- ¹⁵⁷ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 44.
- ¹⁵⁸ Сенин АС. Указ. соч. С. 177-178.
- ¹⁵⁹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 8.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 21.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 36.

- ¹⁵⁹ Бочкарева М. Указ. соч. С. 15, 36.
- ¹⁶⁰ Шагал [П.В.] Женский батальон//Военная Быль (Париж) - 1969 - № 95. С. 9.
- ¹⁶¹ Там же. С. 8,9.
- ¹⁶² РГВИА Лл. 54-56.
- ¹⁶³ «Мой батальон не осрамит России...»: Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой/Публ. не указ./Родина - 1993 - № 8/9 - С. 79.
- ¹⁶⁴ «РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Лл. 352, 354, 357, 378, 389-389 об.; Д. 350. Лл. 81,83-85 об.
- ¹⁶⁵ Белая Гвардия - 1998 - № 2 - С. 67.
- ¹⁶⁶ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 352. Лл. 101, 106, 118.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 348. Лл. 369, 371-372, 375.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 350. Лл. 32, 34-36.
- ¹⁶⁹ Там же. Д. 347. Л. 357; Критский МА Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷⁰ Столыпин АА Указ. соч. С. 22.
- ¹⁷¹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Лл. 325-326.
- ¹⁷² РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 537.
- ¹⁷³ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 213.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 350. Л. 319; Критский МА Указ. соч. С. 41-43.
- ¹⁷⁵ Критский МА Указ. соч. С. 45.
- ¹⁷⁶ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Лл. 182,185, 210; Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 65.
- ¹⁷⁷ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 351. Лл. 6, 20-20 об.
- ¹⁷⁸ Там же. Лл. 2,7, 26; Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 148.
- ¹⁷⁹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Лл. 325-326.
- ¹⁸⁰ Там же. Д. 352. Лл. 65-67 об., 101, 106, 118.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 114.
- ¹⁸² Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 157.
- ¹⁸³ Будберг АП. Указ. соч. С. 214, 245-246; Макаров П.В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁸⁴ Кибовский А Указ. соч. С. 33-35.
- ¹⁸⁵ Октябрь на фронте. С. 30-31,169-170, 185.
- ¹⁸⁶ Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова//Белое дело. Генерал Корнилов. - М.: Голос, 1993. С.15.
- ¹⁸⁷ Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁸⁸ Бонч-Бруевич МД. Вся власть Советам: Воспоминания/Лит. Запись И. Кремлева. - М.: Воениздат, 1958. С. 210-211.
- ¹⁸⁹ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 99,203; Остряков С.З. Военные чекисты. - М.: Воениздат, 1979. С. 9-10.
- ¹⁹⁰ Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова С 30; Критский МА Указ. соч. С. 52.
- ¹⁹¹ Кремлев ИЛ. Указ. соч. С. 23, 52-53, 55.
- ¹⁹² Кондратьева А Они верили в Россию... (Бои юнкеров в Москве в октябре-ноябре 1917 г.) Приложение 1//Военнаябыль- 1993-№ 1(130)- С. 21-22.
- ¹⁹³ Столыпин АА Указ. соч. С. 48,65.
- ¹⁹⁴ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 352. Л. 105.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 349. Л. 48; Сенин АС. Указ. соч. С. 182.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦЕРСТВА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 1917-1920 ГГ.

2.1. ОТ МИТИНГОВ К ОРУЖИЮ: ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Одновременно активизировалась деятельность как легальных и известных, так и негласных или тайных офицерских объединений. Возникая в большом количестве, они разнились и в частностях, и в ряде более существенных аспектов (ориентации, методы, контингент и т. п.), что затрудняет их классификацию. В качестве ее критерия целесообразно использовать приверженность одному из двух лидеров - генералов-организаторов - Корнилову или Алексееву.

Для поиска опоры в «здоровых» фронтовых силах и их координационного сплочения требовались средства, которые могли дать только финансовые круги. В апреле, незадолго до отставки Гучкова, по инициативе директора Русско-Азиатского банка А.И. Путилова возникло Общество экономического возрождения России, первоначальной целью которого был сбор средств на поддержку избирательной кампании «умеренно-буржуазных элементов» в Учредительное Собрание. Но бывший военный министр, продолжавший оставаться председателем Центрального военно-промышленного комитета (членом которого был и Путилов), вошел в руководство Общества. Под влиянием Гучкова, весьма красноречиво промолчавшего об этом в мемуарах,¹ сразу произошла смена приоритетов: теперь все суммы предназначались для ведения антипропаганденческой, патриотической пропаганды на фронте, а в перспективе - на установление сильной единоличной власти.

Финансисты стремились добиться устойчивости внутреннего положения государства для успешной предпринимательской активности. Военные желали того же из стратегических соображений, то есть являлись равноправными союзниками, а не орудием деловых кругов. Ставка была сделана на Корнилова, но в создавшемся положении генерал стал не пешкой, а игроком большой политики.

В мае на квартире подчиненного Путилова - ФА Липского - зародился Республиканский центр, почти тождественный Обществу экономического возрождения и начавший «субсидирование многочисленных военно-патриотических организаций, возникших в Петрограде».² На первом заседании успел присутствовать и Корнилов.

После событий 3-5 июля в столице и катастрофы Юго-Западного фронта и генералы, и деятели Республиканского центра окончательно убедились в слабости Временного правительства. Образовавшиеся ранее офицерские группы начали разработку конкретных планов подчинения Петрограда и установления диктатуры. Керенский, намеренно раздувавший шумиху вокруг «заговора», писал о планах захвата всех броневых автомобилей гарнизона, ареста министров, Совета и едва ли не ликвидации отдельных деятелей Исполкома.³ Действительно, еще в апреле появилась тайная офицерская ячейка, созданная по замыслу и при участии Врангеля (вероятно, с подачи его начальника - Крымова), опиравшегося преимущественно на старые знакомства и контактировавшего с гвардейцами полковником графом А.П. Паленом и поручиком И.П. Шуваловым.⁴ Последний вошел в Республиканский центр, а вскоре оказался зачисленным в ординарцы к Корнилову, став связным со столицей. Во главе организации остался граф Пален.

Наличие среди заговорщиков гвардейских офицеров (кроме названных - полковники Ф.В. Винберг, князь В.В. Голицын и др.) вело к повышению враждебности к «господам временным» и к курсу на диктатуру как прообраз монархии. После же неудачи августовского выступления Корнилов счел сотрудничество с ними ошибкой и затаил неприязнь к гвардейцам.

Предположенная связь петроградской группы Палена с Крымовым, сохранившим идею похода на столицу, весьма логична ввиду собственной слабости в сравнении с гарнизоном; именно такие контакты вселяли определенные надежды.⁵ Но в июле похода не произошло. Скорее всего, с такой развязкой не соглашался Корнилов, так как он фактически оказывался лицом к лицу с соперником. Другими причинами явились невозможность самочинного перемещения 3-го армейского корпуса (Верховный Главнокомандующий - еще Брусилов — считался «ненадежным» и в планы не посвящался), отсутствие предлогов и иных преданных войск.

Выше приводилась панорама добровольческого движения. Координация формирования ударных батальонов осуществлялась созданным 13 июня Всероссийским комитетом для вербовки добровольцев, действовавшим столь широко, что 5 августа был переименован в Центральный комитет по организации Добровольческой Революционной армии.⁶ Главными достоинствами, по сравнению со столичными группами, были легальность, относительная массовость, демонстративная опора на поддержку офицерства и централизованность. В итоге многие мелкие инициативные структуры с громкими названиями, разбросанные по стране, постепенно присоединялись к Комитету. Приведем перечень лишь некоторых из них, сохранившихся благодаря упоминаниям в документах

и мемуарах: Батальон Свободы, Добровольческая дивизия (видимо, ячейки «укрупнения» ударных частей), Лига личного примера, Общество 19И года, Союз воинского долга, Союз спасения Родины, Союз чести Родины - в Петрограде, союз «Вперед за свободу!» - в Ялте, а также Армия чести, «Единение, честь Родины и порядок», Организация князя Мещерского⁷ и др. Во многих городах, и не только в губернских, появились отделения Организационного бюро Комитета (всего 96). Правда, «Список областных комитетов и отделов, открытых Всероссийским Центральным комитетом по организации Добровольческой Революционной Армии с 3 июня по 20 июля 1917г.» позволяет установить лишь 72 из них; из 73 городов один указан дважды. В частности, в Орле комиссаром Оргбюро стал некий вольноопределяющийся Прусс - увечный воин.⁸ Как видим, кампанию проводили не только офицеры.

Единственной крупной организацией, влившейся в добровольческую структуру 9 августа, стал Комитет по формированию отрядов из увечных воинов. Его филиалы находились в Одессе, Павловске и Царском Селе, где, помимо столицы, шла вербовка в соответствующие полки, по одному на город.⁹ Проектировалось расширение сети периферийных отделений.

Конечно, цели «внутреннего» применения добровольцев не афишировались, но подразумевались; мало кто из них заблуждался на сей счет. Напротив, многие полки и батальоны присваивали себе полуофициальное наименование «корниловские». Отдав шэфство только 1-му Ударному отряду, генерал не возражал и против самоназваний, стремясь лишь не привлекать особого внимания правительства.¹⁰ Чрезвычайно характерно, что в корниловскую сферу стремились прежде всего молодые, энергичные и честолюбивые офицеры, которым явно импонировал генерал героического ореола, генерал-вождь Корнилов. Аналогичная картина наблюдалась в революционной Франции, где младшие офицеры тяготели к удачливому Бонапарту.

Весной же в Москве образовался Союз бежавших из плена, бывший вначале чисто солдатской организацией. Во главе стоял Комитет из 12 человек. Его помещение находилось на Скобелевской площади, в номере 253 гостиницы «Дрезден», - кстати, по соседству с Московским комитетом РСДРП(б). Отпущенная из плена по состоянию здоровья сестра милосердия МА Нестерович, воспоминания которой проливают свет на особенности Союза, 1 июня возглавила его благотворительный отдел. Если прежде Союз представлял собой координационный центр для помощи пленным и устройства бежавших, то Нестерович заметила патристическую настроенность, «надежность» солдат и возможность их «использовать в критическую для государства минуту».¹¹ Поэтому вскоре ни-

кому даже в Москве ранее не известное объединение бывших плен-ных начало заявлять о себе. За июнь-начало августа Союз разросся в значительную организацию, насчитывавшую 27 тыс. солдат, 37 офицеров и двух генералов, одним из которых был Корнилов. Быстро сформировалась вооруженная команда в 300 штыков, получившая белое знамя с изображением тернового венца и Георгиевских лент (что сходно с последующей символикой ряда знаков Добровольческой армии). Стараниями той же Нестерович Союз добился пожертвований от представителей деловых кругов Н.Н. Второва и АА Понизовского на общую сумму 50 тыс. руб.¹²

Занятый в большей степени фронтовыми и столичными организациями, Корнилов через Союз бежавших из плена вошел в контакт и с Москвой. Накануне Государственного Совещания именно в Комитет этого общества специально приезжал адъютант Верховного Главнокомандующего князь Голицын, после чего члены Союза в течение двух дней оповещали «все организации и юнкерские училища» об ожидавшемся прибытии Корнилова. Учитывая, что данное сообщение, идя по официальным каналам, не требовало столь бурной активизации, несомненно наличие каких-то конфиденциальных инструкций. Следующий гонец объявил о возможном аресте Совещания, причем не уточнил, с чьей стороны. При этом в боевую готовность приводилась не только воинская команда Союза, но и широкие офицерские круги.¹³

Первое впечатление от повествования Нестерович — оправданное стремление пышно встретить своего «генерала на белом коне». Однако недоговоренности и многозначительные подчеркивания «надежности» и «готовности» наводят на мысль о как минимум производившейся Корниловым проверке сил, не исключая и наметок военного переворота непосредственно в Москве (вдали от буйного петроградского гарнизона) как максимум. В пользу последнего говорит и заманчивая реальная возможность взять под контроль и нейтрализовать всех политиков, прибывших на Совещание. Отказ от решительного шага произошел во многом из-за того, что Верховному Главнокомандующему и его самому горячему стороннику генерал-лейтенанту А.К. Каледину отсоветовал начинать выступление не кто иной, как П.Н. Милюков.¹⁴ Пугая опасностью восстановить против себя все политические партии, он по сути высказал ультиматум-предупреждение об отказе в своей поддержке. Действительно, кадетский лидер «ни на минуту не допускал, что Россию спасет Корнилов»,¹⁵ но лишь потому, что, как увидим чуть ниже, делал ставку на собственного кандидата.

После Государственного Совещания, падения Риги и ухудшения общего положения на фронтах (при игнорировании мер, предложенных Корниловым) Верховный Главнокомандующий утвер-

дился во мнении о жизненной необходимости диктатуры. Поэтому утвержденный еще 11 августа план переброски 3-го конного корпуса к Петрограду начал выполняться. Сведения, поступавшие в Ставку из считавшихся надежными источников, прогнозировали новое вооруженное выступление большевиков 28-29 августа или 2-3 сентября. Это-то доверие и сыграло роковую роль.

Корнилов не сомневался, что Крымов может «перевешать весь состав Совета»,¹⁶ но и внутри столицы требовались точки опоры. Во второй половине августа неофициальный штаб Корнилова (Генерального Штаба генерал-майор И.П. Романовский, полковник Д.А. Лебедев, капитан В.Е. Роженко, князь Голицын и прапорщик В.С. Завойко) с согласия товарища военного министра Савинкова направил штабам всех фронтов инструкцию о направлении в Ставку офицеров для обучения эксплуатации новых моделей вооружений. Уже к 25 августа прибыло свыше 3 тыс. человек,¹⁷ что доказывает предварительную осведомленность командующих о готовящемся вызове. С одной стороны, сообщение истинной цели командировок происходило в личном докладе командующим фронтами специального офицера-курьера (все - лейб-гвардии Уланского Его Величества полка¹⁸). С другой же - Роженко, встречавший прибывавших на вокзале Могилева, явно нарушал конспирацию, запросто называя численность вызванных.¹⁹ Офицерские группы тотчас переправлялись в столицу, где раньше уже появился Союз добровольцев народной обороны²⁰ во главе с полковниками В.И. Сидориным, Л.П. Дюсиметьером (из Республиканского центра) и др.; ниже его работа рассмотрена подробно.

В Москве Союз бежавших из плена установил связь со многими офицерами, находившимися на излечении в лазаретах. Муссировалась мысль о формировании дивизии на его базе (которое запретил Керенский, недовольный торжественной встречей Корнилова в дни Государственного Собрания). Тем самым пытались создать противовес войскам Московского военного округа, подчиненного верному стороннику министра-председателя полковнику А.И. Верховскому. Пользуясь преобладанием в Союзе солдат и потому не возбуждая подозрений, один из активистов организации стал членом Московского Совета и, посещая все заседания, получал информацию обо всех решениях и планах противника.²¹

Корнилов чувствовал моральную и рассчитывал на реальную поддержку со стороны крупных легальных военных организаций. 6 августа экстренное заседание Совета Союза казачьих войск отмечало невозможность смены Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего и в противном случае снимало «с себя ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу».²² К данному заявлению 7 августа единогласно присоединилась конфе-

ренция Союза Георгиевских кавалеров, обещая бросить «боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством». ²³ В свете формирования Георгиевских частей угроза не была беспочвенной, - впрочем, они оказались верны правительству и враждебны ударникам, почему позднее, на Дону, Корнилов поставил на них крест и воссоздавать не разрешил.

Теперь обратимся к не столь яркой, но не менее крупной, поистине ключевой фигуре последующих событий - генералу Алексееву. Еще в свою бытность Верховным Главнокомандующим он организовал в мае в Ставке Союз офицеров Армии и Флота с целью «выразить общий голос и общий взгляд офицерства». ²⁴ Организация намеревалась не только представлять интересы, но и спланировать для действий. Собранный вскоре в Могилеве съезд офицеров декларировал свою аполитичность, концентрируясь на военно-дисциплинарных задачах и корпоративной защите офицерского корпуса от нападков и притеснений, неизбежных при тогдашних способах «демократизации» армии. Съезд ни единым постановлением не выразил враждебности режиму, но подверг критике военную политику правительства. ²⁵ Керенский, верный свободе слова, не мог запретить Союз офицеров, вследствие чего была достигнута легальность. Однако личность Алексеева неоднократно вызывала недовольство, и военный министр добился его смещения. Этот шаг стал ошибкой правительства: к государственным соображениям присоединились личные мотивы перехода генерала в оппозицию.

Союз офицеров по праву должен считаться самой массовой и авторитетной организацией, так как создавался путем простой централизации *уже самовозникших* на местах так называемых «офицерских комитетов» (и отдельных объединений чинов Генерального Штаба) ²⁶ - противовеса Советам солдатских депутатов. Союз состоял из отделений «в штабах армий, корпусов, дивизий и в каждой отдельной части», а также в округах. ²⁷ Центральным органом был Главный комитет Союза в Могилеве, где председательствовал полковник Л.Н. Новосильцев. Большинство из 12 его членов не принадлежало к старшему офицерству, ²⁸ что похоже на тактический ход — демонстративное дистанцирование от «старого режима».

Наличие достаточно серьезной силы, включившей почти все фронтовое офицерство, соединяясь с острым недовольством правительством, толкнуло Алексеева, по утверждению Керенского, к началу обширного заговора. ²⁹ Разумеется, министр-председатель выстраивал свою версию, нередко искажая факты и их толкование. Но данное заявление, скорее, выбивается из его схемы и подтверждается обстановкой тех дней. Не случайно новый Верховный Глав-

нокомандующий Брусилов - креатура Керенского - не посвящался в детали работы Главного комитета. Параллельно с официальной линией отделов и подотделов Союза офицеров налаживалась негласная связь через созданные в каждой дивизии «пятерки», состоявшие из представителей полков - по одному от полка.³⁰ Вероятно такая же система на уровне корпусов и выше, усиливавшая как централизацию, так и конспирацию.

В противоположность Корнилову, не «вождь», а «организатор», признанный крупный штабной стратег,³¹ Алексеев скрытно, но последовательно метил в диктаторы и сделал серьезные шаги для этого.

После назначения Верховным Главнокомандующим Корнилова Союз офицеров начал сотрудничество с ним. Уже в первой половине августа появились аналогичные казачьим и георгиевским по смыслу и превосходящие их по остроте заявления: корниловские «требования, направленные к оздоровлению армии, мы будем отстаивать хотя бы нашей кровью».³² Получив отлаженную структуру, Корнилов использовал помощь чинов Главного комитета, в частности, при вызове офицеров на «бомбометные курсы».³³ Полковники Лебедев и Сидорин прибыли в Петроград и вошли в контакт с тайным «обществом самообороны» графа Палена, уже сформировавшим несколько негласных офицерских дружин. Общество экономического возрождения России и Республиканский центр совместно выделили Корнилову от 300 тыс. до 800 тыс. руб.³⁴

Исследования, в том числе и современные, имеют крупный недостаток: сосредотачивая внимание на Корнилове, выпускают из поля зрения Алексея или не видят их взаимосвязи. Между тем пути двух кандидатов в диктаторы не могли не пересечься.

Бесспорно, Алексея беспокоил рост корниловской популярности и активности и в целом, и особенно в среде его детища — Союза офицеров. Использование Верховным Главнокомандующим Союза повышало шансы Корнилова на победу и одновременно означало крах алексеевских расчетов на диктаторство. Вспомним, что Алексеев давно неприязненно относился к «высочке» Корнилову, менее чем за год взлетевшему от командира корпуса до Верховного Главнокомандующего и обошедшему старого служаку в получении ордена Св. Георгия 3-й ст. В марте Алексеев сильно противился назначению Корнилова командующим Петроградским военным округом, а в апреле угрожал отставкой в ответ на планировавшееся назначение его командующим Северным фронтом, соглашаясь выделить лишь номерную армию.³⁵

Несколько необычной, но логичной, последовательной и косвенно подтвержденной источниками версией будет следующая.

Информация о готовящемся на рубеже августа-сентября большевистском выступлении в Петрограде поступала к Корнилову от Сидорина, который при этом продолжал встречи и консультации с Алексеевым. Но в действительности восстание *в тот момент* еще не назрело, иначе заговорщики не планировали бы провокацию «уличного бунта» людьми Сидорина же.³⁶ (Утверждение Керенского о поддержке Верховного Главнокомандующего Алексеевым противоречат его же словам о том, что они были *главными* соперниками.) Принимая тезис о ложности сообщения группы Сидорина, нетрудно допустить умышленную дезинформацию с подачи Алексева. Присоединение внутренней угрозы к кризису фронта провоцировало Корнилова на выступление. И тот же Алексеев, узнав о получении из Ставки приказа о начале «выполнения инструкций», приказал (!) Сидорину не исполнять его и даже угрожал в противном случае самоубийством.³⁷ Позднее корниловские сторонники недвусмысленно заявили: «Офицерские организации Петрограда вследствие бездарности и пассивности вождей не сделали даже попытки выступить, что имело бы громадные последствия, ввиду полной растерянности и панического настроения гарнизона».³⁸ Действительно, их бездействие, сохранившее порядок в столице, оставило правительству одного врага - Корнилова - и опровергло заявления последнего о большевистской опасности.

Более того, Алексеев обратился к уже выступившему на столицу Крымову с сообщением о полной стабильности обстановки в городе, прося «остановить войска и самому немедленно прибыть в Петроград».³⁹ И произошло невероятное: Крымов, никоим образом не подчиненный «военному советнику Временного правительства», преступил приказ прямого начальника — Верховного Главнокомандующего - и подчинился полученной «просьбе». Горячий сторонник «жесточкой расчистки» неожиданно потерял всю решительность.

Необъяснимое поведение Крымова становится понятным, если вспомнить и о его соперничестве с Корниловым, когда тот не согласился с его весенним планом. Срабатывал принцип «соперник моего соперника - мой союзник». Данный нюанс также доказывает сильный параллельный авторитет Алексева как заговорщика. Его просьба в сочетании с антикорниловской пропагандой Советов в войсках, фактически брошенных командиром корпуса (что облегчило ее) принесли победу правительству. При явном дилетантизме Корнилова как заговорщика⁴⁰ его поражение стало закономерным. По сути выдав, «подставив» соперника, Алексеев отбросил его назад. Неясная смерть Крымова тоже была ему на руку: как выразился начальник Туземной конной дивизии, «теперь все концы в воду».⁴¹ Лавр Георгиевич наверняка знал или позже узнал обо всем этом, ибо, как

свидетельствовал хорошо информированный современник, «не мог никогда простить Алексею его роли в деле его, Корнилова».⁴²

Именно Алексею 28 августа Милуков, близкий к панике из-за вначале казавшегося столичным кругам несомненным успеха Корнилова,⁴³ предложил кресло премьера; то же посоветовал Керенскому Некрасов, мгновенно вылетевший за это из правительства.⁴⁴ Реализация означала бы полную алексеевскую победу - диктатуру законным путем или, по крайней мере, с видимостью преемственности. Но Керенский, чувствовавший себя триумфатором, не собирался уступить власть.

Г.З. Иоффе, не ссылаясь на источник, утверждает предложение министром-председателем Алексею верховного главнокомандования. Однако встреча генерала с Керенским 30 августа происходила при единственном свидетеле - представителе Земгора, заместителе начальника штаба Верховного Главнокомандующего по гражданским делам В.В. Вырубове, не оставившим воспоминаний. Сам Керенский писал о *намерении* предложить пост Верховного Главнокомандующего, но странным образом умолчал о самом *факте* такого предложения. В итоге, после «бурной вспышки эмоций», Алексеев принял только должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего.⁴⁵

Понять генерала довольно легко. Получив за день до визита Керенского гарантии своего премьерства, он неожиданно для себя увидел гораздо меньшие результаты и перспективы, поняв ошибку в расчетах. Согласие же возглавить штаб «главноуправляющего» диктовалось стремлением сохранить не только кадры тайной организации и видимость собственной непричастности, но теперь и бывшего соперника как потенциального союзника. Ничтожность Временного правительства была понята окончательно, и уже 5 сентября Алексеев подал в отставку. Вскоре Керенский распустил Союз офицеров. Активисты заговора из Главного комитета были арестованы вместе с Корниловым, а многие участники столичной группы Сидорина и графа Палена некоторое время скрывались.⁴⁶

Превратившись номинально в частное лицо, Алексеев внешне перестал быть в центре событий, но продолжал внушать опасения правительству. Почти сразу же Керенский предложил направить его в качестве военного представителя на общесозное совещание,⁴⁷ то есть по сути под благовидным предлогом удалить «опасного» генерала из страны на достаточно продолжительное время. Однако Алексеев с негодованием отказался, маневр министра-председателя не удался, и генерал продолжил деятельную тайную работу. Лишившись официального прикрытия в виде Союза офицеров, но сохранив кадры, организация видоизменила форму. Возникали небольшие негласные группы,

например, Союз реальной помощи, Черная точка, Орден романовцев⁴⁸ и др.; не исключено дублирование названий для одних и тех же сообществ. Предполагалось объединить офицеров-единомышленников в централизованную структуру.

Отсутствуя в столице до 16 октября, Алексеев не прекращал подготовку сил. Считая южнорусские казачьи области запасной базой движения, он еще в начале месяца приватным образом добился отправки Главным Артиллерийским Управлением 10 тыс. винтовок из Петрограда и 12,8 тыс. из Москвы в Новочеркасск⁴⁹. Несмотря на то, что, как выяснилось позже, оружие было задержано и изъято, цифры позволяют ориентировочно определить планировавшуюся численность сторонников.

В Петрограде центром объединения стала, довольно крупная тайная группа «Русское Собрание», возглавленная решительным монархистом В.М. Пуришкевичем. Она возникла при легальном Обществе Государственной Карты при активной поддержке его председателя, редактора «Исторического вестника» Глинского.⁵⁰ Именно с ней контактировал Алексеев, скрыто руководя и второй тайной структурой - чисто военной - Офицерской Объединенной организацией. В октябре их стараниями петроградские гостиницы, общежития и лазареты переполнились офицерами. Одни прибыли еще в преддверии выступления Корнилова, другие под разными предлогами с фронта после него. К 20 октября количество «неприкаянных» офицеров достигло 15 тыс. человек. По крайней мере, треть из них была задействована и вместе с небольшим числом офицеров военных училищ и школ прапорщиков превысила 5 тыс.⁵¹

Концентрация офицерских кадров требовала маскировки. Для этого начальник военной организации, лейб-гвардии Преображенского полка полковник ПА Веденяпин, вошел в состав медико-санитарного общества по борьбе с туберкулезом «Капля молока», превратив его «и в питательный пункт, и в нелегальное «управление этапного коменданта».⁵² За безобидной ширмой начал работать перевалочный штаб. Через торгово-промышленные круги готовился пуск бездействовавших заводов для размещения там офицеров под видом рабочих⁵³ (В случае воплощения проекта в жизнь формирование «рабочих» ударных батальонов явно переставало быть исключением.)

Несколько особняком стояла деятельность Алексеева вокруг общества «Белый Крест», обычно ошибочно считали названием создававшейся им организации. Первое упоминание в таком контексте относится к 12 октября. Но еще и через пять-шесть дней генерал писал лишь о необходимости «установить соприкосновение» с ним «для отчетности и по причинам формального характера»⁵⁴ — то есть

раньше оно существовало, но задействовано в алексеевской структуре не было. Это и неудивительно, ибо, по некоторым данным, председателем (или негласным координатором) «Белого Креста» был М.В. Родзянко⁵⁵ - деятель явных симпатий к Корнилову. Более верным поэтому представляется мнение А.П. Ненарокова, увидевшего несомненную связь «Белого Креста» с Георгиевскими частями,⁵⁶ а значит, и с Союзом Георгиевских кавалеров. Таким образом, «Белый Крест», тоже благотворительный по изначальной природе, стал лишь еще одним прикрытием алексеевской активности.

Большие хлопоты по временному устройству офицеров были вызваны и тем, что собственно петроградские кадры - училищные воспитатели и командиры запасных частей — предпочитали пребывать в пассивности. Они не столько малодушничили, сколько попросту не имели «ни малейшего желания драться за Временное правительство».⁵⁷ В основе лежало наивное убеждение, что и при Керенском, и при большевиках будет анархия, и любой генерал сможет без труда восстановить порядок; «Подождем лучше, пока большевики не повесят все Временное правительство, а мы с вами потом будем вешать большевиков».⁵⁸ Так, из 40 офицеров Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ участие приняли только двое - капитаны Ф.Д. Менжинский и Н.А. Шоколи.⁵⁹

Первая организация в военных училищах Петрограда возникла еще в преддверии августовских событий: юнкера должны были выступить в столице в момент входа в нее корпуса Крымова. Скорее всего, она являлась прокорниловской (а не алексеевской), так как после неудачи Корнилова «у многих отпало желание продолжать какую бы то ни было организационную работу».⁶⁰ И только тогда в Морском и Павловском училищах зародились общества «пятерок» и «семерок», во главе которых стоял лейб-гвардии Измайловского полка штабс-капитан В.Д. Парфенов (член штаба Офицерской Объединенной организации), что означало переход под влияние Алексева. В конце сентября - начале октября была налажена связь между всеми училищами столицы, координировавшаяся генералом Карачаном. Многие откликались почти в полном составе, образуя среди юнкеров «доверительные» группы. Проводились собрания, где объявлялись «краткие указания от национально мыслящих правых и военных организаций».⁶¹ Самыми энергичными были юнкера Владимирского военного и Константиновского артиллерийского училищ, причем один из константиновцев, Н.Н. Мино, переодевшись рабочим, регулярно пробирался на все заседания «Русского Собрания». Впоследствии в Добровольческую армию попали также юнкера Александровского военного и Николаевского кавалерийского училищ и кадеты некоторых корпусов,⁶² что указывает и на их вовлеченность в орбиту Алексева.

В Офицерской организации первую скрипку играли гвардейцы: начальник ее штаба штабс-ротмистр Н. де Боде, измайловцы Парфенов и капитан ДВ. Шатилов, памятный участием в Республиканском центре полковник Винберг, лейб-кирасир штабс-ротмистр АГ Шапрон-дю-Ларрэ, а также преображенец полковник АЛ. Кутепов, и др.⁶³ Причина крылась в монархизме лидеров и общей ориентации, совершенно отличавшейся от «революционно-февральских» союзов корниловского направления. Правда, Алексеев был настроен достаточно скептически, заявив однажды: «Я против монархии потому, что слишком хорошо ее знаю».⁶⁴ По свидетельству полковника Я.М. Лисового, немного позже одна из южнорусских монархических организаций вообще считали его «левым кадетом».⁶⁵

Необходимо проследить особенности создававшейся Алексеевым структуры. Штабу подчинялось «звено», состоящее из пяти «основных пятерок», «каждая из которых, в свою очередь, делилась на пять «простых» пятерок». Таким образом, звено объединяло 155 офицеров, причем планировалась вербовка ими по 10 солдат своей части, что вместе с ними составило бы кадр роты (в крайнем случае, полуроты). «Пятерки звена» формировали управление полка, команды связи и разведчиков, а «основные пятерки» — пять рот и по пулеметной команде соответственно. Каждая пятая рота должна была готовиться как штурмовая. В итоге «полк» складывался из 20 рот, пяти штурмовых рот и пяти пулеметных команд.⁶⁶ Но просто наметить схему организации — значило не сделать ничего, и Алексеев это прекрасно понимал.

Конспективные записи его блокнота скупое, но красноречиво говорят о проводившемся тщательном индивидуальном отборе добровольцев. Руководителями «пятерок» назначались только «наиболее твердые, прочные, надежные, идейные» офицеры, которым, в отличие от нижних чинов, жалование не предусматривалось — наемники генералу не требовались. «Поступление солдат добровольное, по подписании обязательства — подчинение начальникам, дисциплинарному уставу, воинский вид и порядок, чинопочитание, отказ от политики».⁶⁷ Ненадежные подлежали немедленному удалению. Неоднократно подчеркивалась обязательность добровольческого принципа, что свидетельствует о предпочтении качества количеству.

Планировалась (о проведении сведений нет) боевая подготовка личного состава, с предпочтением «упорному бою в позиционной войне». Это указывает как на понимание Алексеевым затяжного характера предстоящей борьбы, так и на естественную невозможность предвидеть серьезные изменения тактики войны гражданской по сравнению с традиционной, и на отсутствие планов ведения открытых боев в столицах.

Так ко второй половине октября в Петрограде оформилась знаменитая Алексеевская организация; ранее ее возникновение неверно датировалось ноябрем, то есть прибытием генерала на Дон.

Находясь в столице, «Алексеев, пользуясь своим безграничным влиянием на Духонина, продолжал воздействовать на Ставку»; генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант М.К. Дитерихс - также его протеже - контролировал неукоснительность исполнения алексеевских «просьб» и «пожеланий»⁶⁸ и сосредотачивал в Могилеве надежных офицеров.

Через Пуришкевича Алексеев вел координационную переписку с донским атаманом Калединым. Сначала предполагался казачий поход на Москву и Петроград, однако Алексеев и руководство Офицерской организации быстро склонилось к переброске собранных сил на юг, считая казаков надежными союзниками. Выказывалась мысль о многократном превосходстве столичного гарнизона, делавшем открытую вооруженную борьбу в городе заранее обреченной (бои 27-30 октября, с учетом чисто технических сбоев, - веское тому подтверждение). Но главной причиной отказа офицеров от первоначальных расчетов стало «нежелание спасать опостылевшее им Временное правительство».⁶⁹ Данное решение, базируясь на откровенно эмоциональных мотивах, явилось первой предпосылкой поражения Белого движения, которую раньше оставляли без внимания. Перенесение его базы на скудно обеспеченные материальными ресурсами окраины сразу ставило добровольцев в невыгодное положение, однако только так можно было преодолеть подавляющее превосходство противостоявших сил. Блокируясь же с бессильным и презираемым, но признанным на международной арене правительством, генерала могли рассчитывать на более равноправные контакты с союзными державами и на гарантированную взаимовыгодную помощь.

Заметно стремление Алексеева к объединению с оставшимися военно-политическими союзами. В мемуарах всячески подчеркивается роль «заступничества» генерала, спасавшего офицеров «от яростного гнева Керенского»,⁷⁰ что увеличивало симпатию к нему и превращало их в верных сторонников. Но последнее никак не касалось остатков прокорниловских организаций, которые «относились отрицательно к теперешней Ставке вообще и к Духонину в частности»⁷¹ - как к клеветам Алексеева-«предателя» (соперника).

Отправка добровольцев на Дон планировалась под разными прикрытиями. Во-первых, под видом казаков, возвращавшихся домой после окончания столичных курсов пропаганды. Заготавливалось обмундирование, и через комитет Союза казачьих войск получались соответствующие документы.⁷² Другой маскировкой служи-

ли фальшивые команды для охраны военнопленных.⁷³ В-третьих, широко эксплуатировался благотворительный фасад «Белого Креста»; хотя один из организаторов Добровольческой армии, полковник Я.М. Лисовой, писал, что намерение покинуть Петроград возникло лишь 30 октября, все же маловероятно отсутствие предварительной подготовки. В Новочеркасске открыли «отдел Общества Белого Креста по выдаче пособий и приискании труда для офицеров и юнкеров — беженцев (слова «пособие и труд» должны были служить паролем ...) - с ведома Управления войск атамана.⁷⁴ Есть сведения о выдаче добровольцев за инвалидов и раненых, то есть возможно участие Союза увечных воинов (в апреле 1918 г. его филиал в Бердянске поднимал антибольшевистское восстание, поддержанное дроздовским отрядом).⁷⁵ Наконец, чины Главного Командантского Управления способствовали переброске кадров на Дон, выдавая для отвода глаз командировки в Тифлис и другие пункты Кавказа.⁷⁶ Даже статские чиновники справочного бюро одного из столичных вокзалов были алексеевскими агентами и указывали офицерам «спокойные» направления для выезда на Юг.⁷⁷

Еще с 12 сентября Алексеев добивался и в октябре добился освобождения своих сотрудников - чинов Главного комитета Союза офицеров — и тонко шантажировал финансистов, требуя материальной поддержки и угрожая возможностью разоблачения их быховскими узниками.⁷⁸ А это доказывает установление его связи с арестованными. Многое говорит о том, что Алексеев оказался на распутье. Учитывая остроту отношений с Корниловым, он в принципе не возражал бы, если того убили в Быхове самосудом. В частности, когда в конце октября в Петрограде возник самочинный юнкерско-офицерский отряд (около 100 человек), намеревавшийся освободить Корнилова, то - конечно, не без давления Алексеева, державшего в руках все нити, - этого так и не случилось.⁷⁹ Но допустить распада обширных корниловских контактов Алексеев не мог, так как, даже будучи под арестом, Корнилов вел непрерывную переписку с Калединым и принимал связанных тайных офицерских организаций.⁸⁰

В Москве после неудачи Корнилова, еще 5 сентября, Союз бежавших из плена провел расширенное заседание, собравшее не только членов комитета и гонцов их петроградского отделения, но и многих офицеров из числа лечившихся в лазаретах. Как утверждала Нестерович, было принято решение «совершить военный переворот, захватить власть и объявить диктатором генерала Корнилова»,⁸¹ для чего объединиться с Союзом Георгиевских кавалеров. Руководителем намечали сделать представителя Союза в Москве генерала Брусилова. Однако при встрече тот ответил, что подобные предложения уже получал, но счел авантюрой и потому повторил отказ.⁸²

Конечно, талантливый и осторожный тактик Брусилов верно оценил положение: не прошло и недели после формирования в Москве карательных антикорниловских отрядов, и переворот был обречен. Очевидно и нежелание генерала «таскать каштаны из огня» для Корнилова, сменившего его на посту Верховного Главнокомандующего и выглядевшего поэтому конкурентом. Межличностные отношения вновь повлияли разобщающе.

Потеряв руководителя в лице Корнилова, московские организации не особенно спешили взаимодействовать с Алексеевым, о чем тот с досадой упоминал в письме от 18 октября: «В Москве мне тоже придется вести дело самому же... Я не нашел готовности помогать делом, хотя на словах все обещают и уверяют».⁸³ Такая реакция корниловских сторонников понятна: при совпадении целей личность новоявленного руководителя воодушевления не вызвала. И только контакты с «Белым Крестом» буквально накануне прихода к власти большевиков привели к появлению в Москве алексеевского эмиссара, члена Центрального Правления Союза Георгиевских кавалеров, Генерального Штаба полковника КК Дорофеева.⁸⁴

Двадцатого октября Союз бежавших из плена запросил 3 тыс. винтовок и большое количество патронов для вооружения своей команды (насчитывавшей в августе всего 300 штыков), мотивируя потребностями конвоирования пленных австрийцев на работы.⁸⁵ Цифра позволяет установить примерную численность военно-политических организаций в Москве. Отметим отсутствие у рядовых членов амбициозности и соперничества, свойственных генералам, что указывает на большую сосредоточенность на целях и способность поступаться личными симпатиями во имя дела. Из-за отказа штаба округа сбор оружия велся до 26 октября самостоятельно, вплоть до пулеметов и орудий; о поддержке сил, сплоченных Союзом, оповестили военные училища и школы прапорщиков.

На следующий день, после получения известий из Петрограда, руководство антибольшевистской борьбой взял на себя Совет офицерских депутатов; начальником всех сил стал Дорофеев, в тот же день возглавивший штаб округа. Характерно, что он был выбран на собрании офицеров гарнизона, чем военные де-факто признали лидерство Алексева (хотя многие о его роли и не подозревали и продолжали рассчитывать на Брусилова).⁸⁶ Заметную роль играли также полковники КК. Матвеев и лейб-гвардии Преображенского полка князь И.К. Хованский 1-й.⁸⁷

В Москве впервые были сформированы офицерские роты, причем все командиры рот и взводов назначались из числа георгиевских кавалеров, что еще раз подтверждает руководящую роль их Союза. Количество офицеров-фронтовиков (из раненых и отпущенных), как и в столице, значительно превышало число офице-

ров местных запасных частей.⁸⁸ Состав участников отличался разношерстностью, если вспомнить ударников, а среди известных персонально - поручика лейб-гвардии Конного полка Д.П. Тучкова и армейского прапорщика С.Я. Эфрона (мужа М.И. Цветаевой).⁸⁹ Весьма беззаботное настроение большинства удачно передал один из участников: «Я верил в копеечный успех и не думал о роковых последствиях».⁹⁰ Позже, в первые дни пребывания на Дону, у юных офицеров будут сходные эмоции: «Никто из шутившей молодежи не предполагал, что нас ждет. Им казалось, что все тяготы уже позади, а впереди только «победы и одоления».⁹¹ Правда, уже после окончания московских боев оно несколько изменилось: «...я был в солдатской форме, с винтовкой и двумя патронташами - вооружение, с которым я решил не расставаться, хотя бы мне это стоило жизни. Это было безумное удастье, и я мог за него жестоко поплатиться. Пропуск был в руках, и я, вооруженный еще и револьвером, спрятанным под шинелью в кобуре, и двумя ручными гранатами, представляя из себя ходячий арсенал, быстрыми шагами пошел к себе домой, не чувствуя все-таки себя совершенно спокойным».⁹²

Как будет видно из дальнейшего, в московской Белой Гвардии - организации-импровизации - уже присутствовали все основные черты Добровольческой армии первого периода ее существования.

С 25 октября, когда в столице появились листовки о розыске Алексева, он перешел на нелегальное положение и скрывался под чужим именем на квартире графа А.Э. Сиверса.⁹³ После поражения разрозненных юнкерско-офицерских восстаний в Петрограде и Москве генерал убедился в актуальности «донского» варианта действий. 30 октября в сопровождении адъютанта и нескольких офицеров он покинул столицу. Днем раньше, 28 октября, из Москвы на Дон «к генералу Алексеву» с письмом-докладом и 3 тыс. руб. из кассы Союза бежавших из плена отправился специальный курьер.⁹⁴ Это окончательно доказывает согласованность деятельности петроградской и московской групп Алексевской организации: отъезд генерала и место его назначения было известно заранее.

Итак, Временное правительство оказалось неспособным к управлению армией и страной. Подчеркивая губительность бессильной политики нерешительного лавирования и компромиссов новых руководителей государства, отметим противоречивость и непоследовательность репрессивно-силового метода наведения порядка генералами. Однако в противостоянии с вооруженной массой, признававшей только право силы, любые иные методы не давали результатов и лишь провоцировали рост внутривластной напряженности.

Многочисленные военно-политические офицерские организации, постепенно сгруппировавшиеся под эгидой Корнилова и Алексеева, так и не превратились в даже относительно упорядоченную структуру. Однако, проходя через мелкие и аморфные союзы, офицерство приобрело опыт самостоятельных действий и соприкоснулось с политической кухней. Морально-дисциплинарное разложение и падение боеспособности русской армии в февральско-октябрьский период не было преодолено, несмотря на формирование добровольческих частей и попытки генералов взять власть в стране. Изменение же внутригосударственной обстановки в результате Октябрьской революции вызывало неизбежный переход к новой форме активности, адекватной ситуации и достижению целей. Такой формой становилась открытая вооруженная и непримиримая борьба в рядах создававшейся на базе военно-патриотических организаций Добровольческой армии.

2.2. КОНСПИРАЦИЯ И ИМПРОВИЗАЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Дооктябрьский этап добровольчества был лишь первоначальной координацией сил, поэтому принципы, пути и методы формирования собственно Добровольческой армии и ее офицерского корпуса проявились только после Октября. Именно организационные особенности стали определять специфику социального состава и мировоззренческое своеобразие добровольческого офицерства не менее, чем цели, идеалы и ценности Белого движения вообще.

Социальные особенности офицеров-добровольцев представляют особый интерес по двум главным причинам. С одной стороны, они зависели как от целей и способов формирования Добровольческой армии, так и от изменений, происшедших в русском офицерстве в ходе Первой мировой войны. С другой стороны, они сами влияли на социокультурный облик белого добровольчества: сплавивая определенные военные слои (и их исходные общественные), армия приобретала конкретное идейно-нравственное и социально-психологическое своеобразие.

Прибывший 2 ноября 1917 г. в Новочеркасск генерал Алексеев в тот же день условной телеграммой полковнику Веденяпину открыл переброску добровольцев на Дон. Уже через день в лазарете № 2 на Барочной улице собрался кадр первой сводно-офицерской роты (40 человек), чины которой выехали из Петрограда под командой штабс-капитана Парфенова еще до получения алексеевского сообщения.⁹⁵ Несмотря на мизерность, рота явилась ядром создаваемой армии.

Алексеев не заблуждался относительно количества пополнений, хотя и рассчитывал на большее, чем затем получил. Понимая необходимость централизованного сбора сил и их вооружения, 8 ноября он обратился - разумеется, частным образом - в Ставку к Дитерихсу. В послании планировалось, расширяя основную базу на Дону, открыть «тайные филиальные отделения организации ... в Петрограде, Москве, Киеве, Харькове и других центрах»⁹⁶ для объединения разрозненных офицеров, студентов, интеллигенции. Подчеркивая затруднительность получения оружия в казачьих районах (и сам еще находясь на полулегальном положении), Алексеев стремился произвести вооружение через Управление генерал-инспектора артиллерии, Главное Артиллерийское Управление и Главное Военно-Техническое Управление, прося у Дитерихса содействия.⁹⁷ Возможно наличие предварительной договоренности.

После прибытия 6 ноября ячейки Георгиевского полка полковника И.К. Кириенко (штаб, 15 офицеров и 10 солдат⁹⁸) Алексеев решил - несколько запоздало - использовать корниловский опыт образования ударных частей, как в свое время Корнилов использовал Союз офицеров. «Узаконьте формирование такого, якобы запасного полка, и формирование крупной части обеспечено»,⁹⁹ - писал он в Ставку. Хотя и не новая, данная мысль, конечно, прежде показала себя относительно эффективной, но, учитывая приводившуюся статистику резкого спада ударного движения, она стала невыполнимой.

Динамика увеличения Алексеевской организации такова: к 8-10 ноября - 250-300 офицеров, а к 18 ноября - около 800 человек, не считая студенческой дружины. Вначале «все бежавшие на Дон военные чины считались беженцами».¹⁰⁰ Вся работу координировал «маленький штаб», состоящий из нескольких полковников Генерального Штаба и гвардии и трех-четырех обер-офицеров», первоначально возглавленный Дорофеевым.¹⁰¹

Контакты с Алексеевым возобновили и активисты возникшего осенью в Москве так называемого Московского центра, сплотившего торгово-промышленные и буржуазно-либеральные круги и именовавшегося также Союзом спасения Родины. Первую скрипку в этом блоке играла кадетская партия, ставившая цель связать зарождающуюся армию с остальной Россией, оказывать помощь своими знаниями и опытом взамен на получение карт-бланш «для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии».¹⁰² Алексеев утверждал даже, будто Московский центр поручил ему дальнейшее «спасение Родины всеми мерами и средствами»,¹⁰³ что скорее можно расценить как претензию на исключительность своей роли в готовящихся событиях.

Прибывший в Новочеркасск в декабре Корнилов крайне резко отзывался о «компании недостойных дельцов», как он однажды обратился к посланцам Московского центра, и наконец твердо заявил: «если только они осмелятся продолжать свои попытки захватить государственную власть, то он арестует их всех и научит правильно сознавать свои обязанности перед страной».¹⁰⁴ Корнилов не связывал будущее России со старыми политическими силами, — что доказывает его достаточный реализм и здравомыслие. Действительно, контакты с политическими, партийными кругами имели двоякое значение. Казалось, они позволяли рассчитывать на организационное и финансовое содействие; но придание армии определенной политической окраски противоречило принципу надпартийности и таило опасность сокращения и без того негустых рядов добровольцев.

Последовавшее затем ограничение финансовой помощи до 800 тыс. рублей единовременно, а потом и полный отказ Военно-промышленного Комитета (в лице Оловянишникова) от субсидирования организации¹⁰⁵ возмутили Алексева. Обращение за поддержкой к союзным дипломатам, произошедшее по инициативе Московского центра и через его агентов в Петрограде, оказалось безрезультатным (только второстепенный британский представитель туманно намекал о возможном согласии).¹⁰⁶ Финансовые документы Алексева указывают, впрочем, на получение 205 тыс. руб. от французской миссии. Учитывая общую сумму поступлений в казну Добровольческой армии (15465065 руб., а без «пожертвований» — 8376448 руб.¹⁰⁷), деньги союзников составили 1,3% (2,5% соответственно) и не имели, таким образом, никакого существенного значения. Наконец, в мае 1918 г. через Московский центр Алексеев получил для армии «около 10 миллионов, то есть полутора-двухмесячное ее содержание. Это была *первая и единственная* (выделено в источнике — РА) денежная помощь, оказанная союзниками».¹⁰⁸

Одновременно английский кабинет решил сотрудничать с Украиной, казачеством, Финляндией, Кавказом и прочими образованиями, «ибо эти полуавтономные области представляют значительную часть России». Британские намерения насторожили Алексева, безошибочно увидевшего в них «полное игнорирование России как единого государства»¹⁰⁹ и стремление лишь воспрепятствовать Германии и Австро-Венгрии в захвате богатых ресурсами южнорусских районов, то есть эгоистическую, колониальную борьбу за сырье и рынки.

Напрашиваются два вывода. Первое. Фактически не получая на этом этапе помощи от Антанты и встретив вместе с обещаниями молчаливый отказ финансовых воротил, Алексеевская организация не находилась в зависимости от них и не стремилась к защи-

те их интересов. (Касаясь перспектив взаимодействия с союзными и иными державами, Алексеев заявил, что «армию купить нельзя» и о любых территориальных и прочих ущербных для России компенсациях не может быть и речи.¹¹⁰) Второе. Попытка генерала сотрудничать с политиками окончилась неудачей.

Однако нельзя полностью согласиться с Деникиным считавшим контакты с Московским центром совершенно бесплодными. Уже в ноябре 1917 г. Алексеев наладил связь со штабом Румынского фронта и лично с генералом-от-инфантерии ДГ. Щербачевым, прося направить офицеров-добровольцев на Дон; последний по неизвестным причинам никого вначале об этом не информировал.

В середине месяца в Яссах возникла тайная группа довольно пестрого состава: ВД Янчевецкий - «интернациональный революционер» (меньшевик-интернационалист?), Генерального Штаба полковник БА Палицын - русский военный агент в Румынии, подпоручик П.П. Ступин - переводчик при американской миссии, капитан Н.В. Сахаров - из Главного Штаба, некий «земгусар Поздняков» и капитан Д.В. Бологовской. Единственной целью провозглашалась борьба с большевиками. Действия велись по-дилетантски, с наивной конспирацией в духе мистических романов.

Процедура приема добровольцев столь колоритна и столь похожа на плод большого воображения, что заслуживает описания без комментариев. Оставивший весьма едкие воспоминания офицер попал на конспиративную квартиру, адрес которой узнавал от «случайного» прохожего. Назвав пароль «Россия», он оказался в темной комнате, где на столе горела единственная свеча. Вся обстановка казалась жутковатой. За столом же сидело некое существо в маскарадном костюме-«домино», женском платке и автомобильных крагах и небрежно поигрывало револьвером. Измененным, визгливо-хриплым голосом существо обменялось с прибывшим всего несколькими словами и предложило ознакомиться со странным документом. «На бумаге черным по белому было написано, что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром членов во всех уголках земного шара до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченным запасом вооружений. Управляется организация Верховным Советом излюдей, рядовым членам неизвестных. Цель организации - борьба с большевиками всеми средствами. Содержание членов организация берет на себя».¹¹¹ Автор воспоминаний был весьма шокирован, но согласился вступить в нее сразу же. Затем пришлось подписать другую бумагу, гласившую, что за нарушение правил организации вступивший подлежит смертной казни - а также и без всяких проступков, просто по усмотрению Верховного Совета.

Как видим, блеф причудливо переплетался с попытками подражания масонству, а реальное содержание - квазимистической оболочкой. Карнавальность смуты наблюдается здесь с максимальной очевидностью. Ясно, что столь доморощенные и несуразные методы попросту отталкивали прежде всего наиболее активных и серьезных офицеров, и потому результаты вначале были ничтожны - удалось лишь с трудом получить 20 тыс. румынских лей от французских представителей, а число сторонников не превышало десяток.

Все изменилось с 12 декабря, когда в организацию вступил Генерального Штаба полковник М.Г. Дроздовский, быстро возглавил ее и добился легализации под названием Первой Бригады Русских Добровольцев.¹¹² И именно к этому времени относится упоминание об отделе «таинственного Московского центра», который помещался в одном доме с добровольческим бюро записи; более того, есть сведения о его причастности к вербовке и агитации через газеты «Русское слово» и «Республиканец».¹¹³ Объединение офицеров в Измаиле шло по сходному со столичным сценарию, потому что и там лазареты превращались в «убежище всем тем, за кем охотилась советская власть»; так еще в ноябре «вырос первый белый очаг» на юго-западе России, возглавленный полковником М.Л. Жебрак-Русакевичем.¹¹⁴

С другой стороны, ближайший помощник Дроздовского, весьма подробно касаясь данного периода, ни словом не упоминает о контактах своего шефа с алексеевскими эмиссарами. Косвенным подтверждением служат многие факты. Во-первых, при всем монархизме Дроздовский лидера и кумира видел в Корнилове и ни в ком другом.¹¹⁵ Во-вторых, впоследствии, при соединении с ним отряд Жебрака - вероятно, «алексеевца» - вел долгие переговоры, претендуя на самостоятельность.¹¹⁶ И, главное, Деникин писал о Дроздовском как об «одном из основоположников армии»,¹¹⁷ то есть как о самостоятельной фигуре.

Дроздовский развернул сеть вербовщиков в прифронтовых городах: в Одессе, Кишиневе, Тирасполе. Помимо воззваний набор велся и более активным, довольно оригинальным способом. Его сотрудники специально посещали вокзалы и кафе, заводили там разговоры с офицерами, массово приезжавшими с фронта, и рассказывали об организации. Многие отвечали, что «устали воевать»; вступавшие же частично временно направлялись обратно в полки для агитации, так как командиры, мотивируя нехваткой офицеров, не отпускали их к добровольцам.¹¹⁸ Поступавшие размещались в общежитиях Евгениевской общины и получали пособие. Не вполне определенное состояние организации лишало добровольцев довольствия, затрудняя дальнейшее формирование.

Во второй половине декабря по штабам армий разослали приглашение желающих якобы на американскую службу, но явившихся из консульства переправляли на улицу Музелер, в добровольческое бюро. С этого времени некоторая финансовая поддержка стала поступать от союзников, что позволило обеспечить добровольцев хотя бы самым необходимым.¹¹⁹ Дроздовский наладил канал и для притока офицеров из собственно России: на станции Унгени их встречал специальный агент. К январю удалось собрать в Скинтее более 200 человек

Теперь, когда Дроздовским была проделана первая, самая трудная организационная работа, штаб фронта наконец решил подключиться к ней и захватить руководство. Щербачев 24 января 1918 г. отдал приказ о формировании Отдельного корпуса русских добровольцев в составе штаба и трех бригад. Командиром корпуса назначался командующий 9-й армией генерал-лейтенант А.К. Кельчевский, а начальником штаба - генерал-майор А.Н. Алексеев; истинный же организатор добровольчества на Румынском фронте Дроздовский отеснялся с первой роли, ставлишь командиром 1-й Скинтеевской бригады. Началось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которую последовательно возглавляли генералы Астахов и Белозор. Планировалось создание 3-й бригады в Болграде.¹²⁰

Но бурная деятельность штаба корпуса, разросшегося до невероятных размеров, мало способствовала притоку добровольцев. Бюрократизировав бумажную сторону, Кельчевский не делал ничего для популяризации идей и целей. Между тем Дроздовский напрямую, через своих вербовщиков, продолжал собирать пополнения, доведя численность бригады к февралю до 500 человек. На совещании в штабе корпуса выяснилось, что из 5 тыс. записавшихся 3 тыс. оказалось на штабных должностях; на долю Кишиневской бригады приходилось свыше 1,5 тыс. - преимущественно «мертвых душ». Это внушило Кельчевскому мысль о невозможности похода. Дроздовский вспылал и резко заявил, что он «с каким угодно числом решительных людей пойдет на Дон к генералу Корнилову и доведет их»;¹²¹ чины штаба сочли его «авантюристом и маньяком». Появился приказ о недействительности подписки и об упразднении корпуса, и 2-я Кишиневская бригада уже расформировывалась, ведя к распылению части добровольцев.

В Добровольческую армию по алексеевским каналам через Москву при помощи Союза бежавших из плена было переправлено до 16 января 1918 г. 2 627 офицеров.¹²² (Некоторая часть из них сначала попала к Дутову, но, не найдя в Оренбурге «твердой власти и плана похода на Москву», большинство уехало к Алексееву.¹²³) Переброска происходила довольно методично, на ряде станций по маршруту - Грязи, Воронеж, Лиски - постоянно дежурили агенты

из числа солдат, передававшие «своим» офицерам документы и немного денег и зачастую маскировавшиеся под большевиков.¹²⁴

В начале декабря через контр-адмирала МА Беренса, побывавшего в Москве, наладилась связь с морскими офицерами Балтики; можно говорить о появлении флотского филиала Алексеевской организации. Одним из ее активистов был капитан I ранга П.М. Пиен, дежуривший в явочном кафе на Морской улице Петрограда и переправлявший добровольцев на Дон,¹²⁵ - правда, таковыми оказались буквально единицы. Причиной стало, скорее всего, прозаическое нежелание флотского офицерства идти в сухопутные войска.

При том, что Алексеев проделал основную работу по созданию армии, многие явившиеся офицеры кумиром считали Корнилова, который во время быховского заключения, не прерывавшего сношений арестованных с внешним миром, продолжал контакты с верными командирами. В результате в ноябре-декабре «почти каждый день ... приезжали с фронта офицеры и отдельные бойцы ударных батальонов».¹²⁶ Параллельно алексеевскому возникло корниловское бюро записи, которым первые несколько дней руководила прапорщик Бочкарева.

Корнилов приступил к налаживанию собственных связей с Москвой, Румынским фронтом и Сибирью. В первую отправились его эмиссары полковники Страдецкий и А.П. Перхуров¹²⁷ (затем руководитель Ярославского восстания 1918 г. и генерал-майор колчаковских войск), вошедший в контакт с Савинковым и организовавший Союз Защиты Родины и Свободы, где встретился с участниками латышского ударного движения Бредисом и Гоппером. Любопытно, что сам он в воспоминаниях умалчивал о корниловском поручении, и мы знаем об этом лишь по мемуарам его близкого сотрудника. Посланец же Алексеева, пытавшийся проникнуть в СЗРиС, потерпел неудачу.¹²⁸ Гонец Корнилова, полковник В.В. Троцкий, посланный к Щербачеву, погиб в пути, но, вероятно, связь с Яссами все же установилась — на эту мысль наводят безусловно восторженные отзывы о командующем Дроздовского, ведшего добровольцев именно «к Корнилову» и после известия о его гибели писавшего о потере точки стремления.¹²⁹

Корнилов проводил сбор приверженцев не столь централизованно, как Алексеев, более основываясь на личных знакомствах и по полковому принципу. Его сеть охватывала далеко не все части, но задействованные давали большее число добровольцев. Одним из его доверенных лиц был командир 467-го пехотного Кинбурнского полка полковник В.Л. Симановский, еще в августе предпринявший «реальные шаги для изучения ... предполагаемых возможностей сбора корниловских сил».¹³⁰ Организация охватывала не только дивизию, в которую входил его полк, но и

45-ю пехотную и, соответственно, имела отделения в местах дислокации - Петрограде, Двинске, Кронштадте, Южной Финляндии и Пензе. Наиболее надежные офицеры, специально переведенные в сентябре в запасные батальоны, отработали маршруты отправки добровольцев на Ростов-на-Дону - Кубань - Владикавказ - Баку. Именно Симановский собрал четырехротный офицерский батальон почти в 500 штыков, понесший большие потери в январе 1918 г. Но Корнилов 3 февраля приказал пополнить его двумя ротами из 2-го Офицерского батальона,¹³¹ «присвоив» алексеевских добровольцев, и затем влил в прибывший в конце декабря и принявший прежнее наименование Корниловский ударный полк (550 штыков). С учетом общей численности армии, в начале января немного превысившей 2 тыс. человек, как минимум половина сил была корниловская.

Другим примером метода Корнилова является прибытие сослуживца капитана Скоблина по 126-му пехотному Рыльскому полку подполковника Н.Б. Плохинского, вступившего, в силу конфликтных отношений с молодым однополчанином, в будущий Сводно-Офицерский полк под командованием генерал-лейтенанта СЛ. Маркова¹³² - тоже корниловского сторонника. Таким образом, вокруг Корнилова группировалось в основном фронтовое офицерство. На Кубани действовала офицерская группа, независимая от Алексеева,¹³³ - возможно, тоже корниловской ориентации.

Алексеев же потерпел еще одну неудачу. Он пытался сотрудничать с Брусиловым, который в ноябре даже просил полномочий для соответствующей работы в Москве и отдавал себя в полное распоряжение Добровольческой организации. Но вскоре на Дону стало известно о полной смене брусиловских симпатий: генерал начал едва ли не запрещать офицерам отъезд в Новочеркасск и во всяком случае отговаривать от такого шага.¹³⁴

Необходимо подчеркнуть чрезвычайно натянутые отношения старых соперников - Корнилова и Алексеева - проявившиеся после их встречи на Дону буквально во всем. Первый претендовал на командование армией, понимая преобладание своих сторонников, второй не без оснований считал себя создателем Белого движения; один оказался лидером молодого офицерства, другой устраивал кадровых, армейскую элиту и гвардию. Однако «Алексеев, как распорядитель финансами, держал все нити в руках»¹³⁵ и добился, чтобы армия выполняла его план похода на Екатеринодар, а не корниловский - в зимовники Сальских степей. Самые ретивые и неразборчивые сторонники подогревали антагонизм, доходя до провокаций. Так, капитан Капелька (псевдоним гвардейца князя Ухтомского) информировал Алексеева о якобы подготовленном Корниловым свержении его и Каледина и установлении собственной дикта-

туры. С большим трудом, при участии всего штабного генералитета скандал ликвидировали. Вскоре теперь уже корниловские приверженцы сообщали о заговоре с целью убить Корнилова.¹³⁶ Понимая гибельность раскола, генералы пытались пересиливать себя, но общались только письменно. Любопытно, что горячий Корнилов проявлял большую готовность к компромиссу и в письмах был уважительнее и корректнее.¹³⁷

Не прошло и двух месяцев после гибели Корнилова, как вспыхнул конфликт между присоединявшимся к Добровольческой армии Дроздовским и начальником ее штаба генерал-майором И.П. Романовским, не скрывавшим недоброжелательства. Позднее дроздовцы ссылались на присущие ему зависть, соперничество и желание «уничтожить нас как самостоятельный отряд, стереть наши индивидуальные черты и обезличить».¹³⁸ Поэтому единственным условием соединения стала гарантия несменяемости Дроздовского с должности командира 3-й бригады и затем начдива.¹³⁹ Безусловно, и без сильной личной неприязни с начальником деникинских штаба энергичный Дроздовский во главе лично преданной ему части стоял в армии особняком, явно внушая сомнения в своей готовности беспрекословно подчиняться. Надо отдать должное и чутью Романовского, первым увидевшего то, что лишь недавно начали признавать некоторые историки: «Дроздовский мог со временем обрести в Добровольческой армии политическую и, можно сказать, «идеологическую» значимость «вождя-преемника» генерала Корнилова».¹⁴⁰ Романовский же, принадлежа к «команде» Деникина, относился к претендентам на лидерство крайне ревниво.

Дроздовцы во всем видели проявления этого соперничества. О собственных тяжелых потерях они писали таю «Во время этих боев генерал Романовский упорно проводил свой план по уничтожению нашей дивизии, держа ее непрерывно на главном направлении... Отношения между Дроздовским и Романовским стали открыто враждебными. Дроздовский опасался покушения на себя со стороны каких-либо лиц, посланных Романовским».¹⁴¹ Начальник штаба армии полностью блокировал и поступление пополнений, из-за чего начальник 3-й пехотной дивизии был вынужден сам, частным порядком хлопотать о них. В частных разговорах Дроздовский уже летом 1918 г. неоднократно заявлял, «что Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения». Один из близких сотрудников предложил просто убить Романовского, на что Дроздовский дал крайне показательный ответ: «... если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство Главнокомандующего к нему, то я *ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать*».¹⁴² (Выделено нами - РА)

Данный пассаж позволяет по-новому увидеть два момента. Во-первых, достаточно правдоподобно начинает выглядеть версия «старых дроздовцев», ставивших в вину начальнику штаба армии физическое устранение Дроздовского, которому была искусственно привита гангрена по наущению Романовского; они ссылались на имевшиеся у эмигрантов-врачей документальные доказательства.¹⁴⁷ Во-вторых, неожиданный смысл кроется в приведенной тираде Дроздовского: позиция Деникина четко названа преступной, идея покушения принята безоговорочно, и лишь его сроки откладываются. Такая многозначительная логика подразумевает только вырисовывание перспективы смены Главнокомандующего. Поэтому не так уж загадочно звучат слова доверенного дроздовца-контрразведчика о том, что «вражда эта между двумя генералами, как известно, окончилась трагически для Дроздовского *и так же трагически для Романовского*». ¹⁴⁸ (Курсив наш - РА) Как видим, тучи над Романовским начали сгущаться задолго и до катастрофы осени 1919 г., и до роковых выстрелов поручика МА Харузина весной 1920 г.

С самого начала Корнилов, понимавший угрозу дробления сил по политическому принципу, бросил показательный лозунг: «В моей армии место всем, от правых до левых. В ней нет места только большевикам». ¹⁴⁴ Объединение всех антибольшевистских сил для вооруженной борьбы стало первой и единственной четко сформулированной целью движения, тогда еще почти неизвестного в стране. 27 декабря 1917 г. появились «Цели Добровольческой армии». Декларируя создание «всемирного ополчения», добровольцы призывали к защите «своих оскверненных святынь и своих потерянных прав» от «немецко-большевистского нашествия», если и не совместного, то равного по разрушительности. ¹⁴⁵ Тем самым противодействие направлялось не столько на создаваемое новой властью, сколько на крушение ею прежнего порядка и армии, чреватые внешними опасностями. Массе же населения гораздо яснее казались понятные и желанные лозунги большевиков, и «народное ополчение» оказалось нереальным. Средством восстановления гражданского мира организаторы называли «волю народа», то есть Учредительное собрание. Современные публицисты, в частности, В. Кожин, отчего-то считают это борьбой за определенный политический строй, ¹⁴⁶ что не может не вызывать возражений. Не армия, а Собрание должно было определить направление последующего развития России.

К началу 1-го Кубанского похода численность Добровольческой армии составляла около 4,5 тыс. человек. Многие мемуаристы и летописцы Белого движения в эмиграции ставили, но не могли разрешить вопрос о причинах столь малого числа добровольцев. Дело в том, что, видя широкое сочувствие офицеров целям движения, они

объясняли пассивность через единичные, разнящиеся друг с другом аспекты; увидеть совокупность причин мешала естественная предвзятость. Обычно утверждалось стремление домой из-за разочарования в возможности сохранить армию, обобщаемое иными эмоциональными авторами чуть ли не до «падения морали на Руси».¹⁴⁷ Данный довод, опровергаемый многочисленными примерами обратного, можно принять лишь в некоторой степени. Гораздо более веской причиной была усталость от войны - не только от тягот и лишений позиционной жизни, но, главное, от накопившегося в условиях постоянной опасности колоссального нервно-психического напряжения.

Существенен, хоть и непривычен, предлагаемый в качестве не менее существенного тезис о неоднократных и на первый взгляд незаметных «расколах» офицерского корпуса, происшедших после Февральской революции.¹⁴⁸ В общей массе так и не политизировавшись, офицерство тем не менее демонстрировало неоднозначное отношение к событиям. Одни признали Временное правительство, другие - нет; часть поддержала Корнилова в августе, часть противодействовала ему; кто-то смирился с властью большевиков, а кто-то стал ее противником; последние разделились на выжидающих и рвущихся в бой. Даже внутри Добровольческой армии, как видим, существовали алексеевское и корниловское направления и вообще постоянное соперничество, которое периодически оказывалось притушенным, но не погашенным окончательно. Эта причина была наиболее реальной и всеохватывающей.

Значительное влияние оказали и постепенно усиливавшиеся и систематизировавшиеся меры большевиков по задержанию и уничтожению пробиравшихся в армию. В результате добровольцы превращались, по образному выражению одного из них, в «жидкую цепь зайцев, проскакивавших через заставы безжалостных охотников за нашими черепами».¹⁴⁹ Фраза показывает как терроризированное и потому ожесточенное состояние части добровольцев, так и действенность советских кордонов. В то же время количество прибывших десятикратно превосходило число вступивших в армию. Поэтому зимой 1918 г. «неприкаянным» офицерам был объявлен своеобразный ультиматум: или записаться в Добровольческую армию, или покинуть занятую ею территорию.¹⁵⁰

Большинство офицеров-добровольцев составляли «уже побывавшие на гражданской войне» - участники подавления различного рода беспорядков или организованных выступлений. Их прошлое просто не оставляло выбора: «Смерть или победа» - вот первоначальный девиз», - отмечал офицер, умиривший в составе 45-й пехотной дивизии Петроград в июльские дни.¹⁵¹

Несмотря на небольшой приток добровольцев, к ним предъявлялись строгие требования, впрочем, почти никого не отталкивавшие. Имеющийся текст «Подписки при вступлении в Бригаду» Румынского фронта мало отличался от отсутствующего в источниках в полном виде обязательства, дававшегося при приеме в Добровольческую армию. «Ясский» вариант весьма схож и с «Присягой революционера-волонтера», но превзошел ее, усиливая требования сообразно с обстановкой. (См. приложение 1, документ 4) Сохраняя незыблемость дисциплины и подчинения в сочетании с надпартийностью, «Подписка» обязывала не допускать грабежей и беспорядков, пресекая их силой оружия. Доброволец обязывался «интересы Родины ставить превыше всех других», включая и родственные. Свообразным предупреждением о неизбежных недостатках пищевого, вещевого довольствия и расквартирования явилось обещание в подобных случаях не роптать.¹⁵² Изложенные в мемуарах положения «алексеевской» подписки содержат ту же идею: «каждый вступавший в армию отказывается от своей личной жизни и обязуется отдать ее - всю - спасению Родины. Особый пункт требовал от присягающего отречения от связывающих его личных уз (родители, жена, дети)». ¹⁵³ Главным отличием Добровольческой армии все считали отсутствие каких бы то ни было комитетов с возрождением полной воинской дисциплины.¹⁵⁴

Вначале Алексеев не предусматривал денежного довольствия для подчиненных ввиду отсутствия средств. Но уже 4 января 1918 г. были установлены размеры месячного содержания; с 27 января вводился добавочный оклад в 120 руб.¹⁵⁵ За четыре месяца пребывания на фронте (срок, на который доброволец давал подписку) полагалось пособие 200 руб., за ранение - 500 руб., семье убитого - 1000 руб. единовременно.¹⁵⁶ Таким образом, следует иметь в виду, что всячески подчеркивавшееся апологетами Белого движения жалованье «всего в 100-150 рублей» соответствовало офицеру на должности рядового, а комсостав получал больше. На Румынском фронте оно появилось сразу и к моменту соединения дроздовцев с добровольцами было несколько большим. (См. приложение 2, таблицы 4-5) Разница в жалованьи заставила Деникина приказом № 240 от 22 мая 1918 г. решить «вопрос о пересмотре окладов, установленных в Добровольческой армии». ¹⁵⁷ На всем протяжении Гражданской войны жалованье рядового офицера намного уступало размеру заработной платы квалифицированного рабочего на подконтрольных белым территориях, даже после резкого увеличения денежного довольствия Врангелем 1 мая 1920 г.¹⁵⁸

Главной проблемой Добровольческой армии было получение пополнений, особенно с территорий вне района ее действий. В крупных городах в то время сосредоточилось большое количе-

ство офицеров. По данным штаба, в Москве их было до 50 тыс., в Киеве - 40 тыс., в Ростове-на-Дону и Херсоне - по 15 тыс., в Харькове - 12 тыс., в Симферополе, Минске и Екатеринодаре - по 10 тыс., в Екатеринославе - 8 тыс., в Полтаве и Житомире - по 5 тыс., в Елизаветграде - 2,6 тыс. и т. д.,¹⁵⁹ - то есть не менее 180 тыс. Исходя из ошибочной убежденности в их готовности вступить в армию, командование и выстраивало свои действия. Еще до 1-го Кубанского похода из добровольческой среды вышел проект формирования «территориальных» подразделений «с тем, чтобы эти отряды или полки пополнялись не только людьми, но и средствами из этих городов»; в основе лежала весьма здравое соображение, «что успех дела будет зависеть... от кровной связи со всей Россией».¹⁶⁰

В мае 1918г. живший в Таганроге лейб-гвардии Павловского полка полковник барон М.И. Штемпель высказал Алексееву мысль об образовании «центров», «то есть о создании в больших городах представительств Добровольческой армии, которые вели бы пропаганду, вербовали офицеров и солдат, направляли их в Добровольческую армию, вели бы политическую и военную контрразведку и т. д.».¹⁶¹ Данное предложение сразу же стало руководством к действию. Верховный руководитель на время снова стал единоличным организатором и хозяином армии. В этом не сомневался ни новый командующий Деникин, ни кто другой. Действительно, в рапорте эмиссара Народной Армии Комуча в качестве официального названия всюду употребляется «Добровольческая армия *генерала Алексеева*»¹⁶² (курсив наш - РА). Уже в мае один офицер был отправлен в «поездку по гарнизонам для осведомления о Добровольческой армии», и начались попытки образования «центров» в Крыму, Киеве, Одессе, Тирасполе и даже Вологде,¹⁶³ а позже - и в иных местах. Не все они оказались жизнеспособными, но некоторые работали достаточно результативно.

Одним из самых удачливых стал Таганрогский «центр», на примере которого можно проследить специфику данных организаций вообще. Несмотря на полное отсутствие в источниках инструкций Алексеева из-за уничтожения их по прочтении, его работа прослеживается вполне целостно. На территории, находившейся в ведении «центра» (Азовское побережье от Бердянска до Таганрога, включая Мариуполь), помимо городов действовало 54 отделения - под видом ссудно-сберегательного товарищества. Большую помощь оказывала и группа Союза увечных воинов в 200 человек, заслужившая особую благодарность Алексеева. Штаб «центра» состоял всего из шести офицеров. Помимо вышеуказанных функций, осуществлялся сбор оружия, обмундирования и средств. Получив от генерала, по разным данным, от трех до пяти тысяч, при вступлении добровольцев в Таганрог «центр» сдал в штаб Главкома 120

тыс. руб. За время существования в Добровольческую армию было переправлено свыше 400 офицеров и 3,5 тыс. солдат, а также более 100 тыс. единиц перевязочных средств и, наконец, адресно в Дроздовский, Корниловский и Марковский полки белье, медикаменты, табак и другие вещи. «Все офицеры и солдаты, прошедшие через «центр», получали средства на проезд до армии и суточные, а также и по возможности и обмундирование» из собранных запасов, что упрощало их снабжение. За эту деятельность Штемпель в 1919 г. был произведен в генералы.¹⁶⁴

Приказ Алексея от 3 июня гласил, что «все руководители и члены организационных центров, работающие на местах, считаются служащими в Добровольческой армии со дня их поступления»,¹⁶⁵ - то есть устанавливал для них привилегию, учитывая принцип преимущества по службе в зависимости от добровольческого стажа.

Однако функционирование далеко не всех «центров» шло столь же успешно. Крымский набрал всего 200 добровольцев.¹⁶⁶ В Одессе начало было скромным и незаметным: «меблированная квартирка в две комнатки снималась какою-то шансонеткою - в первой помещалась она, а во второй, за нею, была походная канцелярия офицера, ведающего отправкою чинов» и выдававшего бесплатные билеты до Ростова; оповещение же почти не велось.¹⁶⁷ За последнее упрекать трудно, ибо нелегальность существования сильно ограничивала, а, в отличие от Таганрога, город не лежал на пути массы офицеров, выезжавших с Украины из-за нежелания служить гетману. Но уже к ноябрю 1918 г. произошло сильнейшее разрастание организации, превратившейся в штаб Одесского центра Добровольческой армии с подчиненным ему штабом формирований - даже последний «был грандиозный, если сопоставить его с малочисленностью» пополнений. Случайному офицеру поручалось набирать роту или батарею; зато в категорию «действительных» попадали поручения, выполнявшиеся специальным полковником - «он раздобывал для генерала и для всего штаба хлеб или муку, крупы, консервы, алкоголь и отличные вина».¹⁶⁸ Единственный добровольческий батальон возник скорее вопреки работе «центра». Ржавчина разложения начала проникновение в основу армии - ее организационный механизм.

Харьковский «центр» Генерального Штаба подполковника БА Штейфона просуществовал лишь до августа ввиду активного преследования и большеками, и германскими оккупационными властями, и петлюровцами. Источники неоднократно и однозначно указывают не только на отсутствие поддержки, но и на немецкую слежку за потенциальными добровольцами, препятствование их выезду и закрытие «центров».¹⁶⁹ С 1 апреля 1919 г. в Харькове

возник новый «центр» дроздовца полковника С.Г. Двигубского, специально посланного в город и внедрившегося в штаб 2-й советской Украинской армии. Теперь основной задачей являлась разведка, хотя шла и переправка офицеров в Добровольческую армию, и их объединение на месте (свыше 2 тыс.), и распространение листовок. Новый «центр» был конспиративным по-настоящему, имел явочные квартиры, а штаб некоторое время помещался в склепе городского кладбища. При подходе добровольцев к городу произошло вооруженное выступление и аресты видных большевиков. После соединения с армией все активисты ушли в строй.¹⁷⁰

Вообще же работа велась и отдельными представителями частным образом - так, на Кавказе действовал генерал-майор В.П. Шатилов.¹⁷¹ До конца 1918 г. существовали самостоятельные вербовщики Дроздовского.¹⁷²

Правоммерно предположить первоначальную связь по крайней мере некоторых «центров» с тайной осведомительной организацией В.В. Шульгина «Азбука». Сам Шульгин записался в Алексеевскую организацию двадцать девятым в первые дни пребывания генерала на Дону. С договоренности о его помощи в формировании Добровольческой армии и возник зародыш «Азбуки». За два месяца «из Киева было отправлено около полутора тысяч офицеров (сколько их дошло - неизвестно)»; до февраля 1919 г. «через Киевское отделение «Азбуки» прошло несколько тысяч офицеров, завербованных им в Добровольческую армию и получивших каждый проездные документы и по 250 руб. погонных денег».¹⁷³ Затем вывоз добровольцев был приостановлен, и чины организации сосредоточились на агитационной и разведывательной работе. «Азбука» имела отделения в Киеве, Одессе, Таганроге (отдельно от «центра» Штемпеля), Екатеринодаре (и отдельно в нем же - при Ставке Деникина); в 1918 г. помощник Шульгина Генерального Штаба полковник АА фон Лампе состоял в харьковском «центре» Добровольческой армии.

Функции вообще были сходны с «центрами»; специфику составляли подготовка в случае необходимости партизанских действий на Украине, связь с членами императорской семьи «для правильного информирования их о Добровольческой армии», а также «исполнение всякого поручения, полученного от командования».¹⁷⁴ Характерно, что Деникин относился к «Азбуке» осторожно и так и не признал ее сотрудников состоящими в рядах армии, так как ведение Шульгиным разведки в собственной Ставке Главному понравиться не могло. Овладение же территорией Украины делало тайную работу на ней ненужной.

Контакты с Шульгиным осуществлял и представитель Алексеева Н.Ф. Иконников, проникший в советский сахарный главк, но

реально возглавлявший тайную группу, которая сумела «сорганизовать свыше двух тысяч человек, большую часть их переправить в Добровольческую армию» ценой потери шести сотрудников за пятисотдневный срок работы.¹⁷⁵

Необходимо отметить интересное замечание очевидца о том, что вначале адреса добровольческих агентов оказывались «легкодоступны, и поступить в Белую армию или в офицерские отряды разных наименований и назначений в Петрограде и в Москве было гораздо легче, чем поступить на фабрику или завод».¹⁷⁶ И при том на предыдущей странице он же писал о суровости большевистских репрессий, заставлявших всех прятаться. Следовательно, в результате беспечности ряда активистов многие «центры» подверглись разгрому и исчезли, прервав приток пополнений. К тому же вела и сознательная пассивность даже офицеров, знавших о Добровольческой армии. Многие, несмотря ни на что, стремились всего лишь «сорганизовать совместную торговлю, сельское хозяйство, вообще мирный труд», избегая службы и красным, и белым.¹⁷⁷ Зачастую такая позиция, как и приход в конце концов к белым, основывалась на эмоционально-психологических мотивах. Например, уехавший вначале в Одессу генерал-майор П.С. Махров писал: «Когда же я ознакомился с жизнью этого города, настоящего Вавилона, с его еврейско-французской спекуляцией, с его биржевиками и всевозможными дельцами, торопившимися только нажиться, когда я увидел политические партии, стремящиеся к власти, и толпы праздной молодежи, не желавшей вступать в ряды добровольцев, я почувствовал, что здесь оставаться не могу».¹⁷⁸ Создаваемые ими объединения игнорировали вербовщиков: например, киевский Союз взаимопомощи интеллигентных воинов дал всего одного добровольца.¹⁷⁹

По косвенному признанию Деникина, импровизированная система «центров» родилась под влиянием ожидания оттока из армии под формальным предлогом окончания договорного срока.¹⁸⁰ Возобновление договоров проблемы не решало и было чревато кризисом каждые четыре месяца, а истощение количества добровольцев в районе действия армии в сочетании с недостаточной работой «центров» требовало решительного изменения принципа комплектования. Подчеркнем, что солдатские мобилизации начались со 2 августа 1918 г., а использование пленных еще в июле. Утверждение генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, что отказ от добровольности пополнения произошел в мае, накануне 2-го Кубанского похода,¹⁸¹ относится к эмигрантскому периоду, другими источниками не подтверждено и, скорее всего, является произвольным смещением событий во времени. Но Добровольческая армия как армия офицерская не могла существовать без надежного при-

тока своего основного социального элемента. И, несмотря на признание офицерской мобилизации в августе преждевременной, в ее неизбежности сомневаться не приходилось.

Первым шагом стал приказ командующего № 64 от 25 октября 1918 г. «о призыве в ряды всех офицеров до 40 лет»; те, чьи договоры истекли, должны были или в семидневный срок покинуть территорию армии, или снова войти в нее.¹⁸² Для офицеров, которым уходить значило почти наверняка погибать, выбора фактически не оставалось.

С 3 декабря 1918 г. в Ставке работала «комиссия для рассмотрения проекта новой нормальной организации армии», а приказ Деникина № 246 от 7 декабря 1918 г. гласил: «Ввиду объявления мобилизации офицеров на Дону, Украине и в пределах Добровольческой армии, приказываю четырехмесячный срок службы в Армии отменить и считать службу офицеров, как вновь поступающих, так и состоящих в Добровольческой армии, обязательной впредь до особого распоряжения».¹⁸³ Тем не менее, есть свидетельства о сохранении отдельных «центров» до начала 1920 г., к которому относится упоминание Туапсинского отделения «алексеевского комитета».¹⁸⁴

Добровольческое командование беспокоило привлечение на службу Советской республики большого числа офицеров, резко усиливавшее противника. Но, желая перетянуть их на свою сторону, Деникин избрал непривлекательный и ошибочный путь бессильных угроз. В приказе № 148 от 14 ноября 1918 г. он писал: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный».¹⁸⁵ В сочетании с частыми самочинными расстрелами пленных офицеров-военспецов это лишь отталкивало их, приводя к обратному эффекту — стремлению не сдаваться в плен и большей стойкости. Перебежчиков через фронт было немного.

Последним сроком прибытия офицеров командование провозгласило 1 декабря 1918 г., что отражено в целом ряде документов.¹⁸⁶ Явившиеся добровольно, но позже этой даты гвардейцы лишались преимущества в чинах, офицеры Генерального Штаба — зачислялись в строй (то же касалось и служившим большевикам или лимитрофам), а армейские подвергались проверке. В июле 1919 г. телеграмма дежурного генерала Добровольческой армии Будянского № 613150 разъясняла, как принимать «запоздавших добровольцев»: «... при несомненности документов, устанавливающих воинское звание и офицерский чин, могут быть беспрепятственно назначены на службу... Сомнительных, а также служивших у большевиков, необходимо направлять в контрразведку или непосредственно судебно-следственную комиссию в Харьков».¹⁸⁷ В

отношении последних видно некоторое смягчение политики по сравнению с 1918 г., когда Деникин требовал за службу в любых небелых армиях предавать полевому суду как за измену.

Ведя широкое наступление, Добровольческая армия была кровно заинтересована в пополнениях. Однако в отношении мобилизованных офицеров сохранялся холодок. Они именовались на добровольческом жаргоне «трофеями», так как находились в занятых городах, а не прибыли сами, и встречались, по их отзывам, «мордой об стол». Правда, строевые начальники нередко видели вред такого приема и своей властью зачисляли мобилизованных прямо в офицерские роты, без тягостных и малорезультативных проверок. Так действовал командир 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант АП Кутепов.¹⁸⁸

Наряду с общими призывами офицеров, многие стародобровольческие части практиковали самочинные частные мобилизации для пополнений только своих полков; они появились во время отступления от Москвы и распространились в начале 1920 г. Дроздовцы обычно оцепливали оживленный район города или станцию, арестовывали всех (в том числе и строевых фронтовиков) и зачисляли в роты рядовыми. При этом «офицеры подвергались незаслуженным оскорблениям и даже побоям».¹⁸⁹ Корниловцы, высадившись в Крыму после эвакуации Новороссийска, задерживали на пристани всех офицеров-тыловиков и также ставили в строй.¹⁹⁰ Мягче всех поступали марковцы, чьи патрули отбирали документы и деньги, обещая вернуть их в случае явки владельца на следующий день в полк для дальнейшей службы; конечно, почти никто не приходил.¹⁹¹ Таким образом, пополнений не хватало, и одной из причин выступали недочеты комплектования, которое так и не превратилось в систему.

Наконец, приказом № 3052 от 29 апреля 1920 г. новый Главнокомандующий Врангель постановил всех офицеров РККА, «раз они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично, до сражений или во время боев, а равно и всех служивших ранее в советской армии и, по добровольному прибытии в войска Вооруженных Сил Юга России, подвергшихся наказанию или ограничениям по службе, освободить от всяких кар и ограничений и восстановить в правах и преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 г. и по поступлении в войска Вооруженных Сил Юга России».¹⁹² То же касалось и офицеров, служивших в лимитрофных армиях.¹⁹³ Произошедшее накануне преобразование ВСЮР в Русскую армию с одновременным отказом от наименования «Добровольческой» явилось логическим завершением изменения способа пополнения старейших войск южнорусского Белого движения.

- ¹ Александр Иванович Гучков... С. 79-
- ² Керенский АФ. Указ. соч. С. 253.
- ³ Там же.
- ⁴ Врангель ПН. Указ. соч. Кн. 1. С. 30-31.
- ⁵ Керенский АФ. Указ. соч. С. 352.
- "РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 351. Л. 18.
- ⁷ Там же. Л. 7; Белая Гвардия - 1998 - № 2 - С. 65; Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 136.
- ⁸ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 350. Л. 125-
- ⁹ Там же. Д351. Лл. 2, 26; Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 157.
- ¹⁰ Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 121; Материалы для истории Корниловского... С. 111.
- ¹¹ Нестерович-Берг МА В борьбе с большевиками: Воспоминания. - Париж, 1931. С. 12.
- ¹² Там же. С. 13, 16.
- ¹³ Там же. С. 15, 17-18.
- ¹⁴ Верховский АИ. Указ. соч. С. 310.
- ¹⁵ Цит. по: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 205.
- ¹⁶ Лукомский АС. Указ. соч. Т. 5. С. 110.
- ¹⁷ Там же. С. 109; Керенский АФ. Указ. соч. С. 256; Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 41.
- ¹⁸ Уланы Его Величества: 1876-1926. - Белград, 1926. С. 32.
- ¹⁹ Керенский АФ. Указ. соч. С. 255-256.
- ²⁰ Лукомский АС. Указ. соч. Т. 5. С. 110.
- ²¹ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 18.
- ²² Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 18-19.
- " Цит. по: Там же. С. 19.
- ²⁴ Цит. по: Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг./Сост. В.Е. Павлов. В 2 кн. Кн. 1. - Париж, 1962. С. 16.
- ²⁵ Там же. С. 17.
- ²⁶ Бонч-Бруевич МД Указ. соч. С. 144-145.
- ²⁷ Лукомский АС. Указ. соч. Т. 5. С. 1 И.
- ²⁸ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 74-75.
- ²⁹ Там же. С. 76-77.
- ³⁰ Оприц И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917-1920. - Париж, 1939- С. 43-
- ³¹ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 27.
- " Там же. Лл. 137-137 об.; Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 19.
- ³⁴ Лукомский АС. Указ. соч. Т. 5. С. 111.
- ³⁴ Керенский АФ. Указ. соч. С. 254.
- ³⁶ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 39, 65.
- ³⁶ Керенский АФ. Указ. соч. С. 268.
- " Там же. С. 268, 270.
- ⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
- » Лукомский АС. Указ. соч. Т. 5. С. 122.
- ⁴⁰ Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 42.
- ⁴¹ Цит. по: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 139.
- ¹² Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд//Князя Трубецкие. Россия воспрянет!/ Сост. АВ. Трубецкой. - М.: Воениздат, 1996. С. 56.

- ⁴³ Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений/Под ред. Ю. Фельштинского. - М: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. С. 223.
- ⁴⁴ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 142; См. также Грунт АЛ., Старцев В.И. Петроград - Москва. Июль-ноябрь 1917. - М.: Политиздат, 1984. С. 46.
- ⁴⁵ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 247.
- ⁴⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 44.
- ⁴⁷ Лембич М. Великий печальник - Омск, 1919. С. 16.
- ⁴⁸ См.: Остряков С.З. Указ. соч. С П.
- ⁴⁹ Головин Н.Н. Указ. соч. С. Ч. 2. Кн. 5. С. 53.
- ⁵⁰ Перекличка - 1961 - № 120 - С. 9.
- ⁵¹ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 168-169; Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 21.
- ⁵² Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 22.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Дневники, записи, письма генерала Алексеева и воспоминания об отце ВМ. Алексеевой-Борель/Публ. Н. Рутыча//Грани - 1982 - № 125 - С. 170.
- ⁵⁵ Волков СВ. Первые добровольцы на Юге России. - М.: НП «Посев», 2001. С. 267-268.
- ⁵⁶ Ненароков АП. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. - М.: Политиздат, 1977. С. 155.
- ⁵⁷ Кремлев ИЛ. Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁸ Семенов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). - М.: АСТ, Гая, 1999. С. 73.
- ⁵⁹ Вестник первоходника - 1962 - № 9 - С. 10-11; Ларионов ВА Указ. соч. С. 27, 34.
- ⁶⁰ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 61.
- ⁶¹ Перекличка - 1961 - № 120 - С. 9-
- ⁶² РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 63.
- ⁶³ Дневники, записи, письма генерала Алексеева... С. 215-217.
- ⁶⁴ Чит. по: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 271.
- ⁶⁵ Лембич М. Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁶ Дневники, записи, письма генерала Алексеева... С. 172.
- ⁶⁷ Там же. С. 172-173.
- ⁶⁸ Бонч-Бруевич МД Указ. соч. С. 174.
- ⁶⁹ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 180.
- ⁷⁰ Уланы Его Величества. С. 32.
- ⁷¹ Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 154.
- ⁷² Ларионов ВА Указ. соч. С. 27.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Л. 18.
- ⁷⁴ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 62.
- ⁷⁵ Вестник первоходника - 1964 - № 29 - С. 24; 1966 - № 51/52 - С. 12-14,
- ⁷⁶ Там же - 1963 - № 17 - С. 26.
- ⁷⁷ Доброволец: Издание Союза Добровольцев - 1936 - № 1 - С. 5.
- ⁷⁸ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 300.
- ⁷⁹ Перекличка - 1961 - № 120 - С. 10.
- ⁸⁰ Бонч-Бруевич МД Указ. соч. С. 191.
- ⁸¹ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 23.
- ⁸² Там же. С. 24.
- ⁸³ Дневники, записи, письма генерала Алексеева... С. 170.
- ⁸⁴ Эфрон С.Я. Записки добровольца/Сост. и предисл. Е. Коркиной. Подгот.

текстов и примеч. Н. Морс. - М. Возвращение, 1998. С. 75, 221.

⁸⁵ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 29.

⁸⁶ Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 58, 72, 75, 93.

⁸⁷ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 29, 31.

⁸⁸ Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 72, 76.

⁸⁹ Там же; Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 30-31, 98.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д 308. Л. 8.

⁹¹ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918-1920). - М.: Русский путь, 1998. С. 15.

⁹² Там же. Л. 16.

⁹³ Шапрон-дю-Ларрэ АГ. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г./ Русское прошлое - 1993 - Кн. 3 - С. 153.

⁹⁴ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 39.

⁹⁵ Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 46-47.

⁹⁶ Письмо генерала-от-инфантерии М.В. Алексева к генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу от 8.11.1917 г.//Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 12 кн. Ч. 1 кн. 2. С. 51.

⁹⁷ Там же. С. 53.

⁹⁸ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 67.

⁹⁹ Письмо генерала-от-инфантерии М.В. Алексева... С. 52.

¹⁰⁰ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д 61. Лл. 63-65.

¹⁰¹ Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 109-110.

¹⁰² Ю. Ц. и Г. П. Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 65-

¹⁰³ Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. 4.1 кн. 2. С. 58.

¹⁰⁴ Суворин А Поход Корнилова. - 2-е изд. - Ростов-на-Дону, 1919. С. 7.

¹⁰⁵ Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 66.

¹⁰⁶ Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 70-71.

¹⁰⁷ Денежные документы генерала Алексева//Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. - Берлин, 1922. С. 352-353.

¹⁰⁸ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии (Очерки Русской Смуты)//Белое дело. Дон и Добровольческая армия. - М.: Голос, 1992. С. 243-244.

¹⁰⁹ Вестник первопоходника - 1968 - № 82/83 - С. 32-33.

¹¹⁰ Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1 кн. 2. С. 58-60.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 5. "

¹¹² Там же. Лл. 5-9.

¹¹³ Кравченко Вл. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи: Сб. В 2 т. Т. 1. - Мюнхен, 1974. С. 18-19.

¹¹⁴ Денисов СВ. Указ. соч. С. 49.

¹¹⁵ Дроздовский МГ. Дневник//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 49; Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А Деникина. - М.: МГО-ПИ, 1993. С. 74.

¹¹⁶ Дроздовский МГ. Указ. соч. С. 20, 35.

¹¹⁷ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. С. 382.

¹¹⁸ Макаров П.В. Указ. соч. С. 65.

¹¹⁹ Капустянский АП. Поход дроздовцев. - М.: Русский путь, 1993. С. 6.

¹²⁰ Кравченко Вл. Указ. соч. Кн. 1. С. 25.

¹²¹ Капустянский АП. Указ. соч. С. 6-7.

¹²² Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 159.

- 123 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Лл. 19 об.-20.
- 124 Нестерович-Берг МА Указ. соч. С. 70,94.
- 125 Вестник первопоходника - 1962 - № 8 - С. 2.
- 126 Ларионов ВА Последние юнкера. - Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 31-
- 127 Клементьев В.Ф. Указ. соч. С. 16-17, 25,120.
- 128 Иконников Н.Ф. Пятьсот дней: Секретная служба в тылу большевиков 1918-1919 г./Ввод, ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1996 - Кн. 7 - С. 48-49.
- 129 Дроздовский М.Г. Указ. соч. С. 49-
- да материалы для истории Корниловского... С. 110.
- 130 РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.
- 132 РГВИА Ф. 2740. Оп. 1. Д. 286. Лл. 3, 14; Пауль СМ. С Корниловым//Белое дело. Ледяной поход. - М.: Голос, 1993. С. 191-192.
- »з ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д 96. Л. 2 об.
- 134 Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 77.
- 35 Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 56.
- 136 Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 72-75.
- 137 См.: Дневники, записи, письма генерала Алексева... С. 215-217.
- да ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д 259. Л. 88.
- w Там же.
- 140 Веркеенко ГЛ., Минаков СТ. Указ. соч. С. 75.
- 141 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 108.
- 142 Там же. Л. 112-113-
- «Там же. Л. 88.
- 143 Там же. Л. 86.
- 144 Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 78.
- 145 Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 78.
- 146 См.: Кожин В. Загадочные страницы истории XX века//Наш современник - 1994 - № 11/12 - С. 242.
- 147 Материалы для истории Корниловского... С. 68.
- 148 Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 26.
- 149 Материалы для истории Корниловского... С. 106.
- 150 Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 102.
- 151 Материалы для истории Корниловского... С. 106.
- 152 Кравченко Вл. Указ. соч. Т. 1. С. 21.
- 153 Цит. по: Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 110.
- 154 Столыпин АА Указ. соч. С. 65.
- '» РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Л. 14 об.
- 156 Столыпин АА Указ. соч. С. 65.
- ''' РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 198.
- 158 См.: Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России (Очерки Русской Смуты)//Белое дело. Дон и Добровольческая армия. С. 380; Росс Н.Г. Врангель в Крыму. - Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 102-103.
- 159 Вестник первопоходника - 1964 - № 29 - С. 24; Суворин А Указ. соч. С. 3.
- 160 Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 112-113.
- 161 РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 121.
- 162 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д 421. Л. 18.
- 163 Денежные документы генерала Алексева. С. 355-357.
- 164 РГВА Ф. 39720. Д. 61. Лл. 121-123.
- 165 К истории осведомительной организации «Азбука» (из коллекции ПН.

Врангеля Архива Гуверовского института)/Ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1993 - Кн. 4 - С. 164.

¹⁶⁶ Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии: История неудачных попыток.. - М: Военно-историческая библиотека «Военной были-», 1999. С. 16.

¹⁶⁷ Емельянов Е.Ф. Воспоминания добровольца//Белое дело: Летопись Белой борьбы/Под ред. АА фон Лампе. Вып. IV. - Берлин, 1926. С. 82-83-

¹⁶⁸ Евгений Эдуардович Месснер: Судьба русского офицера. - СПб.: СПбГУ, 1997. С.41.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 121; Изюмцы в боях за Россию: Воспоминания офицеров 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка/Сост. В.И. Алявдин. - М: АИРО-XX, 1997. С. 116; Лампе АА Пути верных: Сб. - Париж, 1960. С. 197.

¹⁷⁰ Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г./Предисл., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое: Историко-документальный альманах - 1991 - Кн. 1 - С. 151-170.

¹⁷¹ Попов К.С. Указ. соч. С. 211.

¹⁷² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 112.

" К истории осведомительной организации «Азбука» (из коллекции П.Н. Врангеля Архива Гуверовского института)/Ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1993 - Кн. 4 - С. 163-165.

¹⁷⁴ Там же. С. 164.

¹⁷⁵ Иконников Н.Ф. Указ. соч. С. 47, 101.

¹⁷⁶ Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 170.

¹⁷⁷ Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. - СПб.: Логос, 1994. С. 14; Памятные дни: Из воспоминаний гвардейских стрелков. В 3 кн. Кн. 3- - Таллинн, 1939. С. 77.

¹⁷⁸ Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. С. 14-15.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 259. Л. 84.

¹⁸⁰ Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии (Очерки Русской Смуты)//Белое дело. Дон и Добровольческая армия. - М.: Голос, 1992. С. 246.

¹⁸¹ Лукомский А.С. Указ. соч. Т. 6. С. 157.

¹⁸² Деникин Л.И. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 1. С. 368-369-

¹⁸³ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Лл. 91, 110.

¹⁸⁴ Против Деникина. С. 396-397.

¹⁸⁵ РГВА. Ф. 39725. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

¹⁸⁶ Там же. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 39. Л. 2; Д. 46. Л. 1 об.; Д. 61. Л. 54.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

Ш8 генерал Кутепов: Сборник статей. - Париж, 1934. С. 93-94.

¹⁸⁹ Попов К.С. Указ. соч. С. 279.

и» материалы для истории Корниловского... С. 424.

¹⁹¹ Савич Н.В. Закат Белого движения/Публ. Н. Рутыча//Москва - 1991 - № 11 - С. 64.

¹⁹² Цит. по: Росс Н.Г. Указ. соч. С. 105.

¹⁹³ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 46.

ГЛАВА 3.

КАЛЕЙДОСКОП: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОФИЦЕРОВ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ

До выхода Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход ее состав определялся следующим образом: треть офицеров, около половины юнкеров, более 10% штатской учащейся молодежи и воспитанников кадетских корпусов и одиночные солдаты.¹ При этом, как вспоминал начальник гарнизона Новочеркасска, будущий корниловец полковник (затем генерал-майор) Е.Г. Булюбаш, штаб-офицеры попадались чрезвычайно редко, хотя «нужда в них была крайняя»; за все время через его руки их прошло всего трое.² В отряде Дроздовского из более чем семисот офицеров в строю оказалось (не учитывая штабные и хозяйственные должности) только шесть обладателей штаб-офицерских чинов.³ Как видим, первые добровольцы буквально поголовно представляли обер-офицерство, то есть не кадровое, а военного времени. Еще более справедливо это наблюдение для периода самого похода, так как в первый же день приказом Корнилова многие юнкера-артиллеристы были произведены в прапорщики, пополнив указанную категорию. Правда, производство коснулось далеко не всех, вопреки утверждению В.П.Федюка.⁴ Он пишет о 400 юнкерах, тогда как в исходном источнике говорится лишь о константиновцах и михайловцах, которых было до 300 человек, и к тому же иные и в конце 1919 г. не получили офицерских погон.⁵ В то же время, офицерами стали не только артиллеристы, но и юнкера Павловского, Казанского и Виленского военных училищ и 3-й Киевской школы прапорщиков.⁶

К середине 1918 г. Добровольческая армия окончательно приобрела черты офицерской: 68,9% составили офицерство и генералитет. Костяк войск (54,5%, а среди офицеров - 79,0%) - обер-офицеры, все та же военная молодежь. (См. приложение 2, таблица 7) Число юнкеров и кадет снизилось до 12,7%,⁷ то есть в четыре раза (погибшие и произведенные в прапорщики). Дроздовский отряд дает еще большие результаты - 74,8% (576 офицеров из 770 чинов);⁸ с его учетом среднеофицерский процент по армии достигает 70,1 %. В 1918-1919 гг. формировались 3-й Офицерский Ставропольский, Кавказский, Терский, Киевский и Симферопольский офицерские полки, а также Полтавский офицерский батальон, 1-я и 2-я офицерские роты города Николаева и Кременчугская офицерская полурота.⁹ Ряд частей, официально не именуясь офицерскими, фактически являлись таковыми. Материалы марковцев-артиллеристов указывают на 47,0% офицеров среди всех безвозврат-

ных потерь.¹⁰ Корниловский полк во время 1-го Кубанского похода состоял из офицеров наполовину, затем их количество сократилось до одной роты. В 1919 г. во 2-м Корниловском полку появилась своя офицерская рота, развернутая в сентябре в батальон (750 офицеров) и при отступлении свернутая обратно; в 1920 г. офицерский батальон восстановили, и он оставался до конца войны. В 3-м Корниловском имелись то одна, то две офицерские роты.¹¹ В Дроздовских частях со временем формировались и «солдатские» роты, и в любой из них офицеров «было не менее полусотни».¹² Среди убитых корниловцев офицеров было 5411 из 13674, а среди раненых 12742 из 34328,¹³ что составляет 39,6% и 37,1% соответственно, а в среднем 37,8%.

Ячейки возрождавшихся старых полков, особенно кавалерийских, также образовывались преимущественно офицерами: в 17-м драгунском Нижегородском - 29, в 12-м уланском Белгородском - 32, в 11-м гусарском Изюмском - 46, в 1-м гусарском Сумском - 26 и в 3-м гусарском Елизаветградском - 20.¹⁴ В то же время общее количество офицеров в таких частях было гораздо ниже, чем у «цветных»: например, кадр 42-й и 78-й пехотных дивизий, находившийся в составе 7-й пехотной дивизии Добровольческой армии и всерьез претендовавший на воссоздание, насчитывал всего около 200 офицеров; абсурдность претензий очевидна, ибо они представляли восемь полков и две артиллерийские бригады, а на каждую боевую единицу приходилось от 7 до 28 человек¹⁵

Достаточно стереотипным до сих пор было утверждение о сокращении офицерских контингентов к 1920 г., хотя и не содержало ни единой конкретной цифры отдельно по Добровольческой армии. Между тем арматурные списки мелких подразделений - полковой пулеметной команды 1-го Марковского полка¹⁶ и 3-й пулеметной команды 3-го Корниловского полка¹⁷ - некоторым образом подтверждают это, так офицеры в них составляют 21,5% и 24,1% соответственно. В то же время сведения по более крупным частям в источниках отсутствуют, что не позволяет говорить об окончательности полученных цифр. Казалось бы, доказательство присутствует и в высказывании Врангеля о том, что «на десять солдат надо одного офицера».¹⁸ Подсчеты генерала А.С. Лукомского, крайне приблизительные, как видно даже из «округлости» приводимых им цифр, указывают, правда, на 50 тыс. офицеров и 270 тыс. солдат на довольствии, в том числе на фронте 19 тыс. офицеров и 152 тыс. нижних чинов, среди которых строевых 6 тыс. и 52 тыс. соответственно.¹⁹ Но эти показатели относятся ко всем остаткам ВСЮР, «размывая» в них более офицерскую по своей сути Добровольческую армию.

Но обратимся к спискам личного состава «коренных» добровольческих частей, относящимся к осени 1920 г. и началу эмигра-

ции. Алфавит сводного Дроздовского полка содержит 343 нижних чина, 43 чиновника, 4 генерала (производства Гражданской войны) и 724 офицера,²⁰ на долю которых приходится 65,0%. Во 2-м Корниловском полку из 410 состоявших налицо 246,²¹ или 60,0%, являлись офицерами. Конечно, можно предположить, что истинное количество солдат было несколько большим (ибо они охотнее оставались в России), а офицеров, следовательно, меньше. Однако очень весомым возражением и одновременно подтверждением наших подсчетов является «Список г. офицеров Марковской артиллерийской бригады по состоянию на 15 сентября 1920 г.», характеризующий как раз доэмигрантский период. В нем фигурирует 247 человек, причем в батареях зафиксировано от 24 до 42 офицеров в каждой.²² Это значительно превышает штатную численность офицеров в батареях нормального «солдатского» состава.

Таким образом, доля строевых офицеров к концу Гражданской войны не сократилась, и они по-прежнему являлись ее количественной и качественной основой. Приведенная же реплика Врангеля отражала только надежды, ибо касалась желательности увеличения как раз солдатских контингентов; иной смысл ошибочен и остается на совести небрежно цитировавшего мемуариста.

Возвращаясь к проблеме численности офицеров военного времени, обратимся к данным по отдельным частям. (См. приложение 2, таблица 8) Среди первопоходников в Сводно-Офицерском полку они составили 79,4%, в том числе 50,7% прапорщиков, в Корниловском - 73,9% и 24,5%, в Партизанском - 72,2% и 43,1%; в 1-м Конном дивизионе (затем полку) - 81,1% и 13,7%, в Чехословацком батальоне - 84,9% и 30,2%, и в прочих частях 58,6% и 15,8% соответственно. Чины отряда Дроздовского, не будучи участниками 1-го Кубанского похода, но, влившись затем в ряды армии и наиболее полно отраженные в источниках, включали в себя 39,7% одних только прапорщиков при лишь 9,8% кадровых офицеров. В целом первые добровольцы представлены 18,6% кадровых и 81,4% офицеров военного времени, среди которых видное место занимали прапорщики - 36,3%.

Наибольшее число кадровых приходилось на чинов Генерального Штаба: около 55% штаб-офицеров, до 28% генералов и примерно 17% обер-офицеров.²³ Однако и среди последних (и даже причисленных после ускоренных курсов Академии) преобладали кадровые, порой выпуска 1912 г.²⁴ Всего же в Добровольческой армии к 1 декабря 1918 г. прибыло только «около 10% прежнего состава офицеров Генерального Штаба», причем четыре пятых этого количества поступило в период с августа по ноябрь; попутно заметим, что на службе у большевиков их оказалось не меньше трети от общего состава.²⁵ Н.Н. Рутыч приводит другую цифру - 594 офи-

цера и генерала,²⁶ то есть 42,9% от довоенного числа чинов Генерального Штаба и 47,6% от выживших к 1918 г., - но она относится к Русской армии Врангеля и включает генштабистов не только Добровольческой армии, а всех ВСЮР. Поэтому выявленные нами данные представляются более адекватными и точными. Следовательно, кадровая прослойка Генерального Штаба, ввиду своей мизерности, легко растворялась в офицерской массе Добровольческой армии и не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на специфику ее общего состава.

Упомянутое в предыдущей главе резкое сокращение численности кадрового офицерства к 1917 г. нашло дальнейшее продолжение в Белом добровольчестве. Занимавшийся специальным изучением корниловцев генерал-майор МА Пешня, считая, что его остаток колебался в пределах 20%-25%, указывал: к концу 1918 г. кадровых офицеров в Добровольческую армию «явилось не более 4-5% состоящих налицо».²⁷ А это дает совсем немногим более 1 % от численности довоенного русского офицерства, для пехоты же - и вовсе сотые доли процента. Поэтому добровольцев можно с полным основанием назвать «армией прапорщиков», продолжая образ генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского, именовавшего «войной прапорщиков» Первую Мировую.²⁸ Конечно, подразумеваются не только носители данного чина в эти годы, но все начинавшие службу именно с него - отсутствовавшего в системе чинов мирного времени.

В силу отсутствия в материалах Пешни точных цифр и подсчетов, говорящего об их достаточной приблизительности, необходимо проследить динамику колебания численности офицеров военного времени и кадровых на примерах конкретных подразделений. Обращаясь к обрывочным, но обширным приказам по отдельным частям, видим, как на долю кадровых офицеров среди пополнений 1918 г. приходилось 6,2% у дроздовцев в августе-сентябре, 10,1% у марковцев в июне-сентябре и 10,7% у алексеевцев в августе-декабре. (См. приложение 2, таблицы 9-11) Своеобразным внутренним источником офицерских пополнений становилось производство нижних чинов, вероятно, первопоходников. Например, за сентябрь-декабрь 1918 г. в Марковском, 2-м Офицерском, 2-м Офицерском Конном (будущие Дроздовские) и 1-м Офицерском Конном (затем Алексеевский) полках прапорщиками стали 107 человек, в том числе 43 из юнкеров, 2 из кадет, 37 из вольноопределяющихся и 25 из простых добровольцев.²⁹ Тем самым преобладание офицеров военного времени еще больше усиливалось.

В 1918-1919 гг. ситуация складывалась следующим образом. Обер-офицеры, преимущественно не старше подпоручика, у марковцев составили 95,8%-96,2%, у корниловцев - 81,0%, у дроздов-

цев - 98,7%, у алексеевцев - 88,4%, а в среднем - 94,1%. Очень содержательные архивные материалы пополнений 1-го Марковского полка за июль-август 1919 г. позволяют сделать вывод о доле офицеров военного времени в 98,0%, сходны с результатами анализа прежнего состава и допускают произведение экстраполяции на прочие подразделения Добровольческой армии. (См. приложение 2, таблицы 8-11) То есть массовые пополнения 1919 г. существенно не изменили соотношение, продолжив тенденцию на сокращение количества кадровых офицеров, свидетельствуя об устойчивости социально-служебной базы добровольцев.

Во избежание критики за внимание только именным частям (причина чего уже указывалась) и для более полного и объективного представления о соотношении кадрового и офицерства военного времени, обратимся к немногочисленным офицерам полков регулярной кавалерии. Сведения о них в обобщенном виде указывают на 34,0% кадровых; схожую картину видим и на примере офицеров сводно-гренадерских частей - 36,6%, а в общем - 34,2%. (См. приложение 2, таблица 13) Это выше показателей стародобровольческих полков, что объясняется меньшим уровнем потерь в 1914-1917 гг. по сравнению с пехотой, выходцами из которой были почти все «цветные». Впрочем, и возрождавшиеся пехотные части отличались наличием большого числа кадровых офицеров, как видно на примере ячейки 42-й пехотной дивизии: среди 93 офицеров 165-го Луцкого, 166-го Ровненского, 167-го Острожского, 168-го Миргородского пехотных полков и 42-й артиллерийской бригады кадровыми были 47,³⁰ или 50,5%. Их высокая активность при возрождении старых частей, вполне естественно, была гораздо понятнее, чем у офицеров военного времени. Вычисление среднего количества кадровых чинов с учетом и именных, и ячеек регулярных частей произвести можно - 11,2% — но ввиду подавляющего численного превосходства офицеров первых над вторыми результат следует признать заведомо завышенным и принимать только в роли максимума, а не объективного для всей армии.

Наконец, в 1920 г. удельный вес офицеров военного времени был равен 93,3% по армии. Точнее всего вновь оказываются подсчеты по отдельным частям: в Марковской артиллерийской бригаде - 94,7%, во 2-м Корниловском полку - 95,1 %, в Алексеевской бригаде - 84,9%, а в сводных полках Марковской дивизии в Галлиполи - 93,6%, Дроздовской дивизии — 96,6%, Корниловской дивизии - 89,3%. (См. приложение 2, таблицы 8-11) Как видим, переформирование ВСЮР в Русскую армию также не затронуло в этом смысле Добровольческой армии, основа которой сохранилась в 1-м армейском корпусе (в декабре 1919 г. — апреле 1920 г. именовался Добровольческим).

Подчеркнем: к этому времени штаб-офицерский чин уже не был исключительной принадлежностью кадрового военного. Только чин полковника, и то не всегда, позволял предположить, что его обладатель получил офицерские погоны в мирное время. И если у марковцев примеров обратного нет,³¹ то корниловские офицеры военного времени в 1920 г. нередко оказывались полковниками. Так, М.Н. Дашкевич и М.Н. Левитов осенью 1919 г. были только поручиками, а к осени следующего года — уже полковниками, а артиллерист полковник ДА Смогоржевский вышел из вольноопределяющихся, то есть тоже не принадлежал к кадровым.³² Аналогичны примеры дроздовцев Е.Б. Петерса и Туркула, причем у второго фактически не было военного образования, так как он стал в 1915 г. офицером сразу из солдат, минуя военное училище.³³

Продвижение в чинах происходило довольно своеобразно. Прежде всего, в Добровольческой армии возникла практика, которую условно можно назвать «всеобщим производством». В сентябре 1919 г. приказом Деникина все прапорщики были переименованы в подпоручики, с упразднением чина прапорщика; других чинов производство не затронуло.³⁴ В июне 1920 г. Врангель издал приказ «о производстве всех офицеров до штабс-капитана включительно»,³⁵ хотя вообще и критически отзывался о слишком быстрых продвижениях молодых офицеров при Деникине. Так столкнулась критика нового Главкома в адрес предшественника и желание завоевать популярность в офицерской среде; в условиях отмечавшегося весьма скудного жалования получение чина означал хоть какое-то его увеличение и являлся средством и удовлетворения честолюбия, и элементарной социальной поддержки.

Чинопроизводство же в индивидуальном порядке часто осуществлялось в виде награды за боевые отличия, так как пожалование старых орденов за подвиги в междоусобице считалось безнравственным и не проводилось.³⁶ В результате офицер за год мог получить два чина, а за 1918-1920 гг. и все четыре, примеров чего немало. Однако они касаются лишь отдельных, самых ярких и удачливых представителей. Кроме наградного смысла, чины служили дополнительным закреплением должности из-за частой молодости начальников, просто подтверждая уже существовавшее положение. Производство и 23-летнего дроздовца Е.Н. Обозненко, и 26-летнего алексеевца П.Г. Бузуна из капитанов в полковники «не было неожиданности, этого давно ожидали».³⁷

В широких же слоях добровольческого офицерства дела обстояли иначе. Приказы по 1-му Марковскому полку показывают, что еще в июле 1919 г. подавляющее большинство офицеров-первопоходников оставалось прапорщиками.³⁸ Наградное отделение штаба Главнокомандующего и наградная комиссия генерал-лейтенан-

та А.Л. Архангельского тормозили производства, и офицеры ненавидели их «за полное нежелание работать»; в течении полугода поданные документы возвращались по пять раз со всевозможными отговорками и придирами. Только немногочисленные счастливыцы добивались утверждения, и то благодаря либо знакомству, либо апелляции к самому начальнику штаба ВСЮР генералу Романовскому, - как поступил, пользуясь своим положением связиста, подпоручик Марковской инженерной роты С.Н. Гернберг. Романовский наложил на представлении резолюцию «Проверить, произвести и доложить». «На этот раз в комиссии были со мною чрезвычайно любезны и через два дня я имел приказ о производстве»,³⁹ - вспоминал этот офицер впоследствии. Немало прапорщиков-первопоходников в эмиграции оказывались лишь поручиками, то есть в результате только «всеобщих производств», а иные - и подпоручиками, что указывает на исключения и во время них.

Собственно, сами чины в Добровольческой армии не играли самостоятельной роли. Гораздо больше положение офицера в добровольческой иерархии зависело от занимаемой должности. Назначения же осуществлялись исключительно по принципу «давности поступления»,⁴⁰ и в итоге прибывший раньше офицер становился командиром более старших и по чину, и по возрасту. Причину достаточно внятно сформулировал сам Деникин: «Совершенно недопустимо было ежедневно менять начальников по приходе старших».⁴¹ Кроме того, сказывалось и не столь уж редкое нежелание бывших командиров батальонов и полков командовать взводами и ротами,⁴² и уже отмечавшееся негативное отношение командования к поздно прибывавшим. Поэтому первопоходники пользовались таким преимуществом, что Врангель, поступивший в армию в августе 1918 г., совершенно серьезно рассчитывал получить всего эскадрон, а неожиданное назначение командиром бригады объяснял только нехваткой кавалерийских начальников.⁴³

Материалы биографий высших чинов, собранные Н.Н. Рутычем, показывают, что из 194 генералов и старших офицеров Добровольческой армии на формирование штатов других армий и служб Вооруженных Сил Юга России поступило 107,⁴⁴ или 55,2%; несмотря на постоянный приток пополнений, окончательная доля первопоходников среди них оставалась более трети - 35,1%.

Характерно, что и среди первых добровольцев изначально выстраивалась «иерархия должностей». Подтверждением служат «Таблица окладов содержания для офицеров» отряда Дроздовского и «Размеры месячного содержания Добровольческой армии»: фигурируют понятия «командир полка», «казначей», «рядовой офицер» и т. д.⁴⁵ И только при назначении и необходимости выбора из массы первопоходников предпочтение отдавалось более старшему *по чину*

- пусть и непопулярному - как произошло с полковником П.Н. Машиным, ставшим командиром Марковского артиллерийского дивизиона и позже бригады, с производством в генерал-майоры.⁴⁶ Постепенно рядовые офицеры получали командные должности и подтверждающие их чины, особенно при развертывании новых частей на основе «стародобровольческих». В 1919 г., при формировании Марковской артбригады «всеми орудиями новой батареи командовали первопоходники»;⁴⁷ она являлась исключением и по скорости чинопроизводства, значительно опережавшей пехотные части.

Вообще же командование в должностном росте проявляло гораздо больший консерватизм, чем противник бывшие в 1914-1915 гг. младшими офицерами Манштейн, Скоблин, Туркул, Харжевский стали от силы начдивами, тогда как М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, В.М. Гиттис и другие командовали армиями и даже фронтами.

На строевых командиров приходился и пик потерь. За январь-май 1919 г. общие потери Корниловского полка составили 12 командиров батальонов, 63 командира рот и 683 рядовых офицера, а за 1917-1920 гг. - убитыми 4 командира полка, 64 батальонных, 472 ротных и 4781 рядовых офицеров. Ранено было 2 начдива, 15 командиров полка, 125 командиров батальона, 1100 командиров рот и 11500 рядовых офицеров.⁴⁸ На комсостав пришлось 10,9% общих офицерских потерь. Вместе с тем очевидно, что счет осуществлялся по количеству ранений, а не раненых: так, фигурируют два начдива, тогда как единственным и бессменным в этой должности оставался дважды раненый Скоблин. Кроме того, данная статистика не учитывает умерших от болезней, с которыми, по вескому мнению Н.Н. Рутыча, безвозвратные потери корниловцев превышают 10 тыс. офицеров.⁴⁹ «То же самое может быть сказано про любой белый полк, которому пришлось проделать трудный путь с юга на север в направлении Москвы, а потом обратно на юг».⁵⁰ В апреле-июле 1920 г. 1-й Дроздовский полк потерял 95 командиров и начальников, в том числе 22 погибшими; из комсостава на 7 апреля - 37 человек - потеряно 19, из них четверо безвозвратно.⁵¹ Во время Кубанского десанта (август 1920 г.) в Алексеевском полку были выбиты четыре командира полка, все батальонные командиры и почти все ротные.⁵² Не менее впечатляющи и потери в целом за сравнительно короткие временные отрезки: Дроздовская дивизия в Хорловском десанте в апреле 1920 г. лишилась 575 человек убитыми и ранеными,⁵³ а Корниловская в мае-августе 1920 г. сократилась с 2650 до 930 штыков и шашек⁵⁴ - на 64,9% - и это несмотря на пополнения и выздоровления.

Вследствие столь активного использования прежде всего первопоходников их ряды стремительно таяли и к концу Гражданской войны радикально сократились. Так как они присутствовали

в армии на протяжении всего ее существования, то именно данная категория наиболее объективно отражает динамику потерь всего добровольческого офицерства. По этой же причине статистическому анализу подвергнуты контингенты «коренных» частей. Собранные и обработанные материалы персонального состава первопоходников (См. приложение 2, таблица 8) дают следующие результаты. Безвозвратные потери корниловцев составили 25,0%, марковцев - 26,6%, дроздовцев - 23,9% и алексеевцев - 11,1%, а в среднем - 24,1%. При этом каждый 12-й корниловец, каждый 22-й марковец и каждый 18-й дроздовец покончили с собой. Отдельная статистика «именных» подразделений еще больше: так, в июне 1918 г. из трех взводов 1-го эскадрона Конного дивизиона 3-й дивизии (бывшего отряда Дроздовского) уцелело только шесть офицеров, в том числе два инвалида - без ноги и без руки.⁵⁵ В 1-й «генерала Маркова» роте Марковского полка из 250 первопоходников около 200 poleglo в боях,⁵⁶ а в Марковской инженерной роте еще в начале 1920 г. оставалось только два участника 1-го Кубанского похода,⁵⁷ из которых один тогда же покинул армию и эвакуировался в Египет. Общее количество первопоходников, переживших войну и оказавшихся в Галлиполи, колеблется около 1 тыс. человек⁵⁸

Совсем недавно опубликованы составленные СВ. Волковым списки участников 1-го Кубанского похода, насчитывающие 5000 человек.⁵⁹ В них включены весьма ценные списки, переданные автору эмигрантскими представителями, а также выявленные им при анализе мемуарных источников. К сожалению, богатейшие материалы отечественных архивов, прежде всего отражающие состояние и эволюцию Дроздовских частей, прошли мимо его внимания, и дроздовцы представлены почти исключительно артиллеристами и кавалеристами - незначительным меньшинством походников. Поэтому более полными и содержательными представляются приводимые нами данные.

Благодаря сохранившимся спискам участников похода Дроздовского и отражению в них судьбы большинства офицеров (исключая штаб, артиллеристов, кавалеристов и технические службы), возможен предельно подробный статистический анализ. Итак, из 454 офицеров Сводно-Стрелкового полка и отряда Жебрака-Русакевича в ходе войны убито, умерло от ран и болезней 135 походника и еще семеро пропали без вести в бою - 31,3%. Один убит на дуэли. Пятеро стали инвалидами, но службу не покинули. Уволилось из армии четверо, в том числе один комиссован по ранению; еще один изгнан по суду. Дезертировали восемь, попали в плен двое и один перебежал в Красную Армию. При эвакуации из Крыма в 1920 г. в России остались девять, и одиннадцать покинули армию в Галлиполи. Четырех разжаловали, из них троих - с переводом из

полка. В другие части по собственному желанию или как специалистов перевели двенадцать. Осталось в Дроздовских частях и пережило Гражданскую войну 257 офицеров, или 56,0% первоначального состава.⁶⁰ (Сразу оговоримся, что суммарное число офицеров не совсем совпадает, ибо некоторые проходят в двух ипостасях, - например, инвалид, переведенный в другую часть, и т. п.)

Таким образом, выжившие, вкупе с погибшими, пропавшими без вести, инвалидами и перешедшими в другие части, насчитывают 415 человек (91,4%), свидетельствуя об очень высокой устойчивости первых добровольцев в Белом движении, - несмотря на гибель каждого третьего. Другой особенностью было ничтожное количество ушедших в иные подразделения (2,6%) - особенно при учете сборного состава отряда; она доказывает исключительную сплоченность офицеров-походников, не желавших разобщения ни под каким видом. Полное единодушие в этом и рядовых офицеров, и полкового командования отчетливо видно на примере алексеевцев. Получив в ноябре 1918 г. установку на откомандирование в распоряжение Кубанского атамана офицеров-кубанцев из состава полка, полковой штаб быстро отреагировал соответствующими приказами, содержащими внушительные списки. Однако их сравнение с другими архивными документами дало поразительный результат: часть «откомандированных» оказались заведомо погибшими.⁶¹ «Мертвые души» намеренно использовались для количественной отчетности и сохранения офицеров в полку; из здравствовавших же многие, вопреки приказу, тоже не покинули свою часть.⁶²

Исключением стали немногочисленные кавалерийские части Добровольческой армии - Конный дивизион дроздовцев (впоследствии 2-й Офицерский конный Дроздовский) и 1-й Офицерский конный (затем Алексеевский) полки - с 1919 г. постоянно отдававшие кадры в возрождавшиеся гусарские, уланские и драгунские полки. Низкий же уровень безвозвратных потерь среди офицеров регулярной кавалерии (18,9%) следовал из меньшей интенсивности их боевого применения из-за небольшой численности, нехватки средств и потому длительной недоформированности.⁶³ Причем собственно боевые потери составили 76,0% от погибших вообще (24,0% - почти четверть - пришлось на умерших от болезней), то есть от совокупного числа офицеров-кавалеристов на долю убитых, умерших от ран, рассгелянных в плену и покончивших с собой в боевой обстановке осталось всего 15,2%.

Крайняя ограниченность кадров первопоходников волей-неволей вынуждала ставить на командные должности офицеров, не принадлежавших к их когорте. Наиболее часто такое происходило в Дроздовской дивизии.⁶⁴ Действительно, на 7 апреля 1920 г.

из 37 офицеров комсостава 1-го Дроздовского полка походниками были только 10, а к июлю, за гибелью двух, их число сократилось до восьми⁶⁵ (21,6%). В Партизанском (Алексеевском) полку назначения новоприбывших практиковались со второй половины 1918 г., причины чего были двоякими. С одной стороны, «обойденный» полковник ВЯ Дядюра мог затираться как корниловский сторонник, но, с другой, - его дальнейшее постоянное пребывание в должности начальника хозяйственной части⁶⁶ означало тихое место и реальный шанс выжить; в пользу последнего говорит и аналогичный случай с корниловцем полковником АА Гавриленко.⁶⁷ В 1-м Марковском полку подобные примеры шли один за другим: назначения прапорщиков Бута и В.Ф. Бутенко в нестроевую роту и казначеем полка, прапорщиков И.И. Лукашева и Л.Н. Махнушки - в учебную команду и квартирмейстером (затем командиром обоза), а прапорщика ВА Пелевина — писарем роты.⁶⁸

В Корниловском полку долгое время приоритет отдавался первопоходникам, и даже при развертывании в бригаду и дивизию. Тем не менее, инфильтрация все же происходила: среди 40 офицеров командного и начальствующего состава сводного полка Корниловской дивизии в Галлиполи по меньшей мере 15 - больше трети, 37,5% - являлись участниками 1-го Кубанского похода.⁶⁹ Следует учесть, что, во-первых, из-за скудности информации их число могло быть и большим, и, во-вторых, именно первопоходники почти поголовно ушли в эмиграцию, в силу чего полученные цифры способны незначительно колебаться.

Марковцы как изначально самый «офицерский» полк располагали максимальным количеством первопоходников, позволявшим, казалось бы, дольше всех использовать их при назначениях. Однако еще во второй половине 1918 г. довольно бездарная тактика фронтальных боев генерал-майора Б.И. Казановича выбила цвет марковского офицерства.⁷⁰ Уже в августе 1918 г. среди полкового комсостава фигурировали как минимум три офицера, назначенные на должности в первые же дни по прибытии в армию - командиры 2-го батальона полковник Трусов, 5-й роты подьесаул Гавре и 8-й роты капитан Рейтлингер; в сентябре то же произошло с полковником Б.П. Кочкиным, сразу получившим 12-ю роту.⁷¹ Как видим, практика неизбежно вносила коррективы в негласно установленные преимущества первопоходников, но изменения касались только добровольно поступивших. Не случайно летом 1919 г. батальоном 1-го Марковского полка командовал офицер пополнений сентября 1918 г. - капитан Л.П. Большаков.⁷²

Как и в случае с производствами, приказы о назначениях нередко запаздывали и только подтверждали уже существующее положение.⁷³ Поэтому командиры частей, сообразуясь с боевой

обстановкой, нередко практиковали самовольные назначения и отрешения от должностей. Так, с легкой руки генерал-майор НС Тимановского причисленный к Генеральному Штабу штабс-капитан Е.Э. Месснер стал офицером штаба отдельной Одесской стрелковой бригады (развернутой вскоре в 7-ю пехотную дивизию),¹⁴ а под Орлом помощник начальника Корниловской дивизии полковник МА Пешня самочинно назначил поручика Левитова временным командиром 3-го Марковского полка, сместив алкоголика полковника Наумова.⁷⁵

Более широкое использование офицеров пополнений было возможно только при их достаточном притоке. И здесь почти неизбежно встречаются два мифа, весьма расхожих благодаря эмигрантским авторам. Первый относится ко времени Ледяного похода и говорит о якобы низкой добровольческой активности местного населения. Однако он опровергается материалами Корниловского полка: до штурма Екатеринодара его потери достигли 480 человек, а состав при этом вырос с 1220 до 1648 человек; следовательно, пополнения равнялись 908, а с учетом казачьего отряда полковника Н.Н. Шкуратова составили 1258 человек,⁷⁶ - преимущественно вновь поступивших, а не выздоравливавших. В таком случае, заявление Л.В. Половцова о пополнениях в 20-30 добровольцев со станицы на всю армию⁷⁷ сильно искажает реальные цифры.

Вторая легенда относится к походу на Москву, в ходе которого именные полки разворачивались в дивизии благодаря притоку якобы именно добровольцев, сократившемуся только в сентябре 1919 г.⁷⁸ Между тем, анализ архивных документов об офицерских пополнениях 1-го Марковского полка уже в июле-августе показывает подавляющее численное превосходство мобилизованных (224 человека, 85,2%) над вступившими добровольно (39 человек, 14,8%).⁷⁹ Несомненно, полученное соотношение следует экстраполировать и на Добровольческую армию в целом, так как марковцы пользовались постоянным расположением командования и потому получали не худшие контингенты. Таким образом, доля добровольцев в массе мобилизованных наглядно показывает тот процент офицерства, для которого Белое движение было привлекательно; о нем можно говорить как о минимуме, так как многие сочувствующие офицеры уже были мобилизованы в Красную Армию.

ВЖ Цветков приводит интересные данные о комплектовании Добровольческой армии в Центрально-Черноземной России, но, говоря о «больших пополнениях», почти не приводит конкретных цифр и, главное, не разделяет солдат и офицеров.⁸⁰ Действительно, даже одна Корниловская дивизия в ходе Орловско-Кромского сражения пополнила свои ряды на 8 тыс. человек (что почти равно ее

исходному составу при броске на Орел), но в подавляющем большинстве ими были красноармейцы-перебежчики,⁸¹ а не офицеры.

Необходимо помнить, что большинство мобилизованных офицеров, особенно в крупных городах, стремились любой ценой не попасть на фронт,⁸² следствием чего становилось непомерное увеличение штатов тыловых учреждений. Наиболее остро это проявилось накануне второй эвакуации Одессы, когда из 37 тыс. наличных офицеров строевых оказалось не больше тысячи, и, чтобы заставить их идти в бой, пришлось угрожать расстрелом.⁸³ Пытаясь изменить положение, в апреле-июле 1920 г. расформировали 360 учреждений (183 только в Севастополе) и затем еще до 150.⁸⁴ Но и тогда, по обобщенным данным, на одного фронтовика приходилось семь тыловиков,⁸⁵ так что полностью преодолеть гипертрофию тыловых контингентов не удалось.

Вопрос о сословных корнях добровольческого офицерства целесообразно решать только на персональных материалах командного состава, так как данные о происхождении большинства рядовых офицеров получить невозможно. Определить сословную принадлежность начальников ниже командира полка также достаточно затруднительно, потому что, даже восстановив их биографические сведения, постоянно сталкиваемся с отсутствием послужных списков, которые вывезены владельцами за границу. Сведения, содержащиеся в воспоминаниях и полковых историях, почти не касаются командиров батальонов и рот, не говоря уже о рядовых офицерах.

Обращаясь к командирам именных частей, обнаруживаем, что из 13 корниловцев один происходил из дворян, двое — из дворянско-офицерских семей, двое — из духовенства, трое — из мещан, четверо — из крестьян и один — из казаков;⁸⁶ из 17 марковцев пятеро чиновно-офицерского, служилого происхождения и 12 — разnochинцы; из девяти дроздовцев шестеро дворян (в том числе пятеро выслужившихся), два мещанина и один крестьянин.⁸⁷ Названные цифры уже приводились и в целом указывают на 35,9% выходцев из дворянско-чиновно-военной среды, включая не более 10-12% представителей стародворянских фамилий и ни одного — титулованного дворянства.

Если же расширить выборку за счет включения в нее тех командиров батальонов и рот, чья сословная принадлежность выявлена точно, то, учитывая ее большую произвольность, обнаруживаем 35,3% дворянского и потомственного военного происхождения среди корниловцев, 53,8% у дроздовцев и 25,0% у марковцев, а в среднем — 35,9%. (См. приложение 2, таблица 15) Полученная доля представляется несколько завышенной и приемлема лишь в качестве предельного максимума процента выходцев из служилого сословия. Действительно, принимая во внимание рост числа офице-

ров-разночинцев в 1915-1917 гг. (см. гл. 1) и их подавляющее преобладание в среде рядового добровольческого офицерства, реальная доля в ней дворянства была значительно меньше. Если же произвести сравнение с военной элитой РККА, то там наблюдаем более высокий процент выходцев из дворянско-служилой среды: 41,4% (1922 г.), 46,2% (1923 г.), 41,7% (1924 г.), и снижение произошло только к 1925 г. (34%).⁸⁸ Следовательно, даже старшее добровольческое офицерство было более сословно-демократическим относительно комсостава противника.

Другой сходной особенностью добровольцев является то, что нередко они производились в офицеры не по окончании военных училищ и школ прапорщиков, а непосредственно из нижних чинов. Кроме вышеупомянутых Смогоржевского и Туркула, это марковец штабс-капитан Згривец, а уже в ходе Гражданской войны - корниловцы унтер-офицер/капитан АА Васильев и вольноопределяющийся/поручик ГА Головань.⁸⁹ Среди рассмотренных персонально корниловцев данная категория составила 16,1%. В итоге выясняется, что офицеры-добровольцы продолжили тенденцию русской армии 1914-1917 гг. на сословную демократизацию путем резкого увеличения численности представителей непривилегированных сословий.

Еще сложнее определить национальный состав офицерства Добровольческой армии. В дореволюционной России одним из главных анкетных пунктов была не национальность, а вероисповедание, то есть категория, связанная с этнической принадлежностью весьма условно. Более того, до 1917 г. ее бессмысленно анализировать в отношении офицеров, так как произведены в них могли только православные (ряд исключений делался для мусульман и лютеран); конфессиональные ограничения были отменены после Февральской революции, но существенно изменить состав офицерского корпуса за краткий дооктябрьский период не смогли. Неприемлемо использовать в качестве критерия и этнографическое происхождение, служившее целям мелконационалистических группировок эмиграции. В самом деле, армия, действовавшая до середины 1919 г. на южнорусских территориях, «состояла в своем большинстве из уроженцев Украины. (По данным так называемого Украинского Народного института в Праге, Белая армия на 75% состояла из украинцев, но... «несознательных»)» (отточие источника - РА),⁹⁰ - иначе говоря, из державников, а не из сепаратистов. Вместе с тем, и это главное, место рождения далеко не всегда определяет национальность.

Прежде всего, необходимо выделить те части, которые формировались по чисто национальному признаку. Во-первых, это Чехословацкий батальон, развернутый летом 1919 г. в Карпаторус-

ский (затем Славянский стрелковый) полк. В нем сражались чехи, галичане, западные украинцы и другие западные славяне; отдельные офицеры служили в Корниловском полку. К 1920 г. в результате крупных потерь полк превратился в Славянский батальон штабс-капитана В.Г. Гнатика в Сводно-стрелковом полку.⁹¹ Во-вторых, небольшие организованные контингенты народностей бывшей Российской Империи, постоянно присутствовавшие в добровольческих частях или приданные им. Таковы польский, финский, а также 5-й и 6-й эскадроны (укомплектованные в основном черкесами и осетинами) 2-го Офицерского конного Дроздовского полка и Горско-мусульманский дивизион при 1-м армейском корпусе.⁹² В возрождавшемся же Крымском конном полку среди офицеров татары преобладающего места не занимали.⁹⁴ В третьих, следует лишь упомянуть разнообразные инородческие конные дивизионы, полки и дивизии - Дагестанские, Ингушские, Кабардинские, Осетинские, Черкесские, Чеченские - то входившие в состав Добровольческой армии, то относившиеся к Войскам Северного Кавказа, Новороссийской и Киевской областей, которые были подведомственны ВСЮР.⁹⁴

Но, так как основные слои добровольческого офицерства не имели определенного этнического колорита, то, ввиду вышеизложенных трудностей, используем единственный реальный способ - пофамильный анализ выявленных персоналий. Конечно, он неизбежно допускает некоторую погрешность, ибо не позволяет определить конкретную национальность, а фамилия, имя и отчество не всегда раскрывают этническую принадлежность человека; тем не менее полное отсутствие информации не оставляет иного пути.

Обширные систематизированные персонально-биографические данные офицеров-добровольцев, составленные нами на основе всех использованных источников, из которых максимально содержательны архивные, охватывают преимущественно 1-й армейский, а также 5-й кавалерийский корпуса. (См. приложение 2, таблица 16) Итак, из 7209 офицеров к русским, малороссам и белоруссам принадлежали 81,6%, а к славянам вообще - 88,9%, включая болгар, латышей, поляков, сербов, чехов и др. Самую большую после славян группу составили носители немецкоязычных фамилий - 5,3%- Офицеры кавказско-азиатского происхождения насчитывали 2,2%. У 1,8% имелись семитские корни. Оставшееся место - 1,8% - занимали одиночные итальянцы, французы, греки, румыны и иные европейцы, включая представителей даже таких маленьких народов, как албанцы, голландцы и швейцарцы.⁹⁵ Подавляющее большинство последней категории, как и этнические немцы, были вполне обрусевшими и самоидентифицировались как русские. Весьма показателен пример лютеранина фон Лампе, ко-

торый в дневнике Германию называл матерью, а Россию - настоящей Родиной.⁹⁶

Поэтому делаем следующий вывод. Офицерский корпус Добровольческой армии был по составу многонациональным с преобладанием русских, отражая тем общероссийскую действительность. Однако, несмотря на великодержавие идей и идеалов, в нем присутствовало заметное число офицеров, не являвшихся славянами. Особенно это характерно для марковцев, среди которых они составляли 2,9%. У корниловцев с самого начала встречались прапорщики-евреи «производства Керенского» (то есть некрещенные), и трений это не вызывало. Точно такое же положение было и в дроздовских частях. В конвое Кутепова по его личному указанию служили два офицера-еврея.⁹⁷ Следовательно, национальные различия не имели в добровольческой среде серьезного значения: связывая себя с крепким государственным устройством, офицеры стремились к реализации честолюбивых представлений о военной карьере.

В заключение необходимо подчеркнуть, что кадровой основой Добровольческой армии на всем протяжении ее существования было молодое, сословно-демократическое, многонациональное офицерство. Несмотря на жестокие потери, оно проявило высокую устойчивость, став наиболее крупной и влиятельной составляющей Белого добровольчества. Равнозначную роль при этом играли как цели и идеалы борьбы, так и эволюция методов формирования армии от добровольческого к мобилизационному. Таким образом, Белое движение на Юге России на примере Добровольческой армии предстает не только военным, но офицерским движением (не отрицая достаточно широкого участия в нем прочих общественных слоев). Существенные же сокращения социальной базы армии, изменения принципов старшинства и чинопроизводства вели к складыванию новой корпоративной иерархии и особой системы ценностей, чему сопутствовали широкие социокультурные трансформации офицеров-добровольцев.

¹ Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 52.

² Вестник первопоходника - 1963 - № 17. С. 18.

³ Кравченко Вл. Указ. соч. Т. 1. С. 34.

⁴ Федок В.П. Белое движение на Юге России 1917-1920 гг.: Дис.... докт. ист. наук - Ярославль, 1995. С. 256.

⁵ Ларионов ВА Указ. соч. С. 33, 60, 180.

⁶ РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

⁷ Кубанец - Донской атаманский вестник: Журнал истории казачества. (Ростов-на-Дону) - 1993 - № 4 - С. 7.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д 417. Лл. 258-286.

⁹ Боевые расписания Белых армий/Публ. ВЖ Цветкова//Белая Гвардия -

1997 - № 1 - С. 74-75; Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй Мировой войне. - М. Терра, 1991. С. 42-43; Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. - М.: Посев, 2000. С. 12, 111, 114-115.

1» ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 84. Лл. 133-137.

¹¹ Материалы для истории Корниловского... С. 52.

¹² Туркул АВ. Указ. соч. С. 75.

¹³ Критский МА Указ. соч. С. 227.

¹⁴ См.: Байдак АА Участие Белгородских улан в Гражданской войне. 1917-1920. - Белград, 1931; Столыпин АА Указ. соч. С; Воронов АВ. Ольгины гусары. 3-й гусарский Елизаветградский Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полк. 1764-1964: Страницы полковой истории. - М.: Рейтар, 1999. С; Сумские гусары 1651-1951. - Буэнос-Айрес, 1954. С. 270-322.

¹⁵ Рапорт начальнику 7-й пехотной дивизии о необходимости воссоздания кадров 42-й и 78-й пехотных дивизий// Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. - М.: Посев, 2000. С. 52-54.

¹⁶ РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7. Лл. 4-18 об.

¹⁷ Там же. Ф. 39687. Оп. 1. Д. 21. Лл. 5-5 об., 17.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

¹⁹ Росс Н.Г. Указ. соч. С. 76-77.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6050. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-10 об.

²¹ Материалы для истории Корниловского... С. 592-603.

¹ ² ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 84. Лл. 146-147.

» РГВАФ. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 54.

²⁴ Евгений Эдуардович Месснер. С. 9, 12.

²⁵ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Лл. 53 об.-54 об.

²⁶ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). - М.: Российский архив, 1997. С. 10.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Л. 2.

²⁸ Макаров П.В. Указ. соч. С. 101.

» РГВАФ. 39689. Оп. 1. Д. П. Л. 75; Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Лл. 31, 45, 104-104 об.

³⁰ Рапорт начальнику 7-й пехотной дивизии... С. 53-54.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Л. 7 об.

³² Критский МА Указ. соч. С. 187; Материалы для истории Корниловского... С. 118, 322, 607-608.

» Бушин А Орден Святого Георгия штабс-капитана Туркула// Военная быль - 1997 - № 9 (138) - С. 12, 14; Туркул АВ. Указ. соч. С. 46.

³⁴ Венус ГД Указ. соч. С. 209.

» РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.

» Ларионов ВА Указ. соч. С. 319.

³⁷ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 131; Пылин Б. Первые четырнадцать лет: 1906-1920. - Калифорния, 1972. С. 67.

³⁸ РГВАФ. 39689. Оп. 1. Д. 12, Лл. 6 об., 15, 17, 23 об., 40, 47, 51, 61, 81, 84, 106, 112, 153, 168.

» ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Лл. 68-68 об.

- ⁴⁰ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 43.
- ⁴¹ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 232.
- ⁴² Пауль СМ. Указ. соч. С. 190.
- ⁴³ Врангель ПН. Указ. соч. Кн. 1. С. 66-67.
- ⁴⁴ Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 17-290.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 417. Л. 201; РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Л. 20.
- ⁴⁶ Ларионов ВА. Указ. соч. С. 124.
- ⁴⁷ Там же. С. 148.
- ⁴⁸ Критский МА. Указ. соч. С. 118-119, 227.
- ⁴⁹ Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁰ Лампе АА. Указ. соч. С. 33-
я ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 49-Лл. 64-65 об., 67-68, 72.
- ⁵² Пылин Б. Указ. соч. С. 169.
- " Витковский В.К. В боях за Россию: Воспоминания. - Сан-Франциско, 1963. С. 19.
- и ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Лл. 2, 7.
- ⁵⁵ Там же. Л. 106.
- ⁵⁶ Пауль СМ. Указ. соч. С. 191.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Л. 76 об.
- ⁵⁸ Доброволец - 1936 - Февр. - № 1 - С. 7.
- ⁵⁹ См. Волков СВ. Первые добровольцы на Юге России. - М.: Посев, 2001.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 417. Лл. 258-273, 280-284-
⁶¹ РГВА Ф. 3725. Оп. 1. Д. 8. Лл. 5-6, 39.
- ⁶² Там же. Лл. 36, 39, 114 об., 144, 151.
- ⁶³ См., например: Изюмцы в боях и походах... С. 139.
- ⁶⁴ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 1. С. 386.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 417. Лл. 256-273, 280-282; Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 49. Л. 72 об.
- ⁶⁶ Емельянов Е.Ф. Указ. соч. С. 90.
- ⁶⁷ Материалы для истории Корниловского... С. 571.
- ⁶⁸ РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 58, 80; Д. 12. Лл. 27 об., 29-
⁶⁹ Материалы для истории Корниловского... С. 607-608.
- ⁷⁰ Ларионов ВА. Указ. соч. С. 121.
- ⁷¹ РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Лл. 34 об.-35, 39, 41 об., 70.
- ⁷² Там же. Л. 80; Ларионов ВА. Указ. соч. С. 121, 132.
- ⁷³ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 131.
- ⁷⁴ Евгений Эдуардович Месснер. С. 44.
- ⁷⁵ Материалы для истории Корниловского... С. 364-367.
- ⁷⁶ Там же. С. 156, 159, 179-180.
- ⁷⁷ Половцев Л.В. Рыцари тернового венца: Воспоминания члена Государственной думы. - Прага, б/д. С. 98.
- ⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Ларионов ВА. Указ. соч. С. 149.
- ⁷⁹ РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 1-176.
- ⁸⁰ Цветков В.Ж. Добровольческая армия в Центрально-Черноземном районе (сентябрь-октябрь 1919 г.)//Война в истории России: Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). - Курск РОСИ, 1997. С. 82-84.
- ⁸¹ Веркеенко Г.П., Минаков СТ. Указ. соч. С. 265.
- ⁸² Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 151.
- «ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Лл. 207 об., 212; Д. 2. Л. 33.

я Там же. Д. 1.Л. 105; Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 103.

в' Росс Н.Г. Указ. соч. С. 77.

* Критский МА Указ. соч. С. 94, 100, 103, 120, 129, 132, 164,166, 187; Материалы для истории Корниловского... С. 118, 263-

⁸⁷ Веркеенко Г.П., Минаков СТ. Указ. соч. 93-94.

⁸⁸ Подробнее см.: Минаков СТ. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). - Орел, 2000. С. 239-245, 308-311, 357-360,410-413-

⁸⁹ Материалы для истории Корниловского... С. 323-

⁹⁰ Пылин Б. Указ. соч. С. 70.

⁹¹ Ваврик В.Р. Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. - Львов, 1923. С. 15, 21, 23, 29.

⁹² Мейснер ДИ. Указ. соч. С. 91; Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона (Воспоминания). - Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1994. С. 46.

и Боевой состав Вооруженных Сил Юга России на 5 октября 1919 года/ Публ. Р.Г. Гагкуева//Белая Гвардия - 1998 - № 2 - С. 84; Кручинин А.С. Указ. соч. С. 11, 19.

⁹⁴ Боевые расписания Белых армий. С. 82-86; Боевой состав Вооруженных Сил Юга России... С. 88,94-95.

⁹⁵ ТАРФ.Ф.Р-5881.Оп.2.Д.259.Л.24;Вестникпервопоходника- 1961 -№ 1 -Сб.

ТАРФ.Ф.Р-5853.ОП. 1Д. 1.Л. 179.

⁹⁷ Генерал Кутепов. С. 85; Материалы для истории Корниловского... С. 122-123- Туркул А.В. Указ. соч. С. 75.

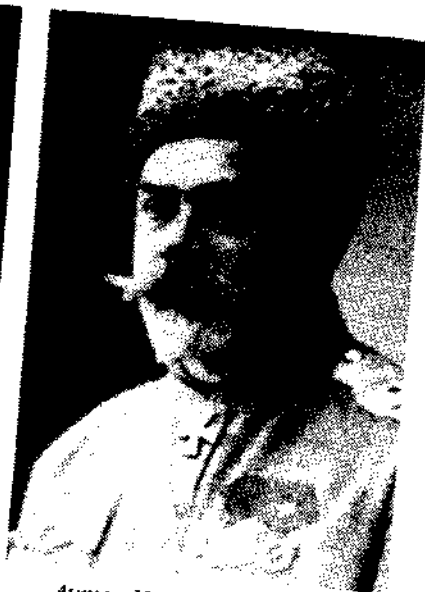
Александр Ильич Крымов.

Лавр Георгиевич Корнилов.

Михаил Васильевич Алексеев.

Антон Иванович Деникин.

Михаил Гордеевич Дроздовасий.

Сергей Леонидович Марков.

Добровольческий ударный батальон из волонтеров тыла. 1917г.

*Присяга 2-го Московского
Огоженского ударного батальона.*

*Алексеев Николай Михайлович
(?-1960) - штабс-ротмистр
лейб-гвардии Уланского
Его Величества полка (1917),
сын М. В. Алексеева, активист
Алексеевской организации.*

*Василий Витальевич Шульгин
(1878-1976).*

Иван Павлович Романовский

Владимир Зенонович Май-Маевский (1867-1920) - командующий Добровольческой армией. Генерал-лейтенант (1919) - впереди. В пахе - Василий Яковлевич Пашкевич (†-1920) - командир 2-го Корниловского ударного полка, капитан (1919). Третий слева - «адъютант его превосходительства» капитан (прапорщик) Петр Васильевич Макаров.

Александр Павлович Кутепов.

Яков Александрович Слащов.

*Николай Владимирович
Скоблин (1892-1938?) -
начальник Корниловской
ударной дивизии.
Капитан (1918).
Генерал-майор (1920).*

*Роман Филиппович Пух
(?-1958) - помощник
командира 1-го
Корниловского ударного
полка. Поручик (1918).
Подполковник (1920).*

*Михаил Никитич
Дашкевич - командир 1-го
батальона 1-го
Корниловского ударного
полка. Поручик (1918).
Подполковник (1920).*

*Михаил Николаевич
Левитов (1892-1982) -
командир 2-го
Корниловского ударного
полка. Поручик (1918).
Полковник (1920).*

*Мария Мерсье -
прапорщик Корниловского
ударного полка (1918).*

*Николай Степанович
Тимановский (1887-1920) -
начальник Марковской
офицерской дивизии.
Полковник (1918). Генерал-
лейтенант (1919).*

*Дионисий Андреевич Марченко
(?-1968) - командир 1-го
офицерского генерала Маркова
полка. Штабс-капитан (1918).
Полковник (1920).*

*Василий Ефимович Павлов
(1895-1989) -
командир 7-й роты
1-го офицерского генерала
Маркова полка,
капитан (1918).
Подполковник (1920).*

*Антон Васильевич Туркул
(1892-1957) -
начальник Дроздовской
офицерской дивизии.
Штабс-капитан (1918).
Генерал-майор (1920).*

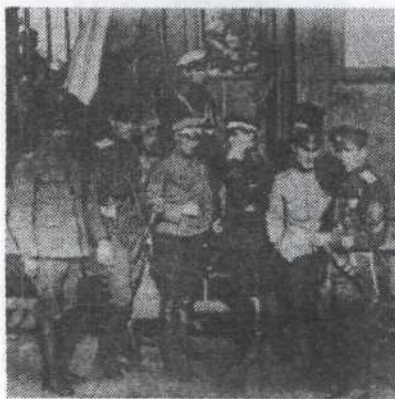
*Владимир Григорьевич
Харжевский (1892-1981) -
командир 2-го Дроздовского
стрелкового полка.
Капитан (1918).
Генерал-майор (1920).*

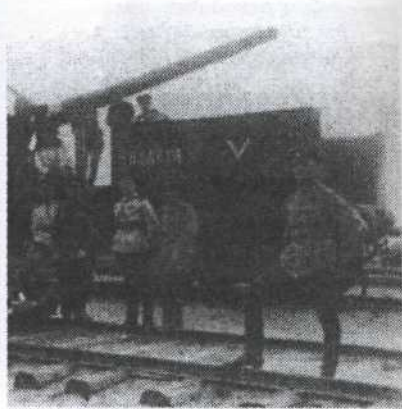
*Владимир Владимирович Манищев
(1894-1928) - командир
3-го Дроздовского стрелкового полка.
Штабс-капитан (1918).
Генерал-майор (1920).*

Штаб 2-го Офицерского генерала Дроздовского полка. 1919г.

*Группа офицеров
«цветных» полков. 1919г.*

*Александр Александрович
Зеленецкий - командир
бронепоезда «Офицер»,
затем тяжелого бронепоезда
«Иоанн Калита», дивизиона
бронепоездов. Полковник (1919).*

*Прапорщик
Валентин Петрович Катаев
(1896-1986) - в 1919г. офицер
одного из бронепоездов ВСЮР,
подпоручик.*

*Лев Михайлович Ерогин
(?-1939(1943?)) -
командир Корниловской
артиллерийской бригады.
Полковник (1918).
Генерал-майор (1920).*

*Группа корниловцев-первопоходников в Галлиполи. Слева от портрета -
Н.В.Скоблин. 1921г.*

ГЛАВА 4. «ПОЧТИ СВЯТЫЕ» И «ПОЧТИ РАЗБОЙНИКИ» МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Как мы помним, подавляющее большинство добровольческого офицерства составляли офицеры военного времени, которые, будучи в старой армии достаточно случайными людьми, не смогли воспринять традиционное мировоззрение своих кадровых предшественников. Оказавшись же в Добровольческой армии, прежде всего по собственному желанию, они тем самым создали качественно еще более своеобразную среду. Поэтому их мировоззрение испытывало двоякое воздействие. С одной стороны, добровольность поступления означала согласие с целями борьбы и в силу такого единодушия облегчала его складывание. Но, с другой, - «непредрешенческая» размытость примитивной программы и, главное, отсутствие единой сословной, профессиональной или иной идейной основы не могло не вести к хаотическому формированию весьма специфического и неустойчивого социокультурного облика.

Первые добровольцы отличались довольно примитивной пестротой политических пристрастий. Возглавленные Корниловым, они в значительной степени были настроены республикански. В Корниловском полку — порождении послефевральской эпохи - присутствовали искренние симпатии идее Учредительного собрания. Более того, полковые черно-красные цвета многие ассоциировали с эсеровскими символами «Земля и Воля». Вопреки распространенному мнению, в Сводно-Офицерском полку будущие марковцы тоже оказались доброжелательны к социалистам-революционерам, один из которых, студент с дореволюционным партстажем, в 1919 г. стал командиром батальона.¹ Сам Марков часто делал немонархические заявления и уже в январе 1918 г. пресекал демонстративные выходы монархистов - вроде публичного исполнения императорского гимна.²

Последние оказались в заметном меньшинстве - в основном среди кавалеристов, гвардейцев, части юнкеров и одиночных в армии моряков. Ситуация изменилась после прихода отряда Дроздовского, который еще в декабре 1917 г. с помощью ближайшего сотрудника, капитана Бологовского, вел среди своих офицеров вер-

бовку в тайную монархическую организацию. Вступившим выдавались особые карточки трех степеней; большинство получило их с одной полосой, 12 крупных чинов - с двумя, и лишь у Дроздовского и Бологовского имелась высшая степень с тремя полосами. «Процент имеющих карточки ... был очень высок и колебался около 90%. Во время нашего похода я оставлял в каждом городе и почти в каждом селе агента-резидента из местных жителей»,³ - вспоминал Бологовской. Соединение с Добровольческой армией происходило болезненно, так как дроздовцы не скрывали, что, подчиняясь Алексеву в военном плане, «политическая организация остается самостоятельной». Вопреки их ожиданиям, попытки распространить влияние в Корниловском и Марковском полках были пресечены, а агитаторы едва не расстреляны по обвинению в *большевизме*? (Впоследствии, в эмиграции, именно дроздовцы составили личную охрану великого князя Николая Николаевича.⁵) Поэтому известные слова Алексева о поголовном монархизме добровольцев и призрачности демократической «вывески» армии⁶ представляется выдаванием желаемого за действительное.

В ходе напряженных боевых действий политические вопросы неизбежно отходили на задний план. Кроме того, в результате многомесячных боев происходило количественное и качественное изменение офицерской среды. Во второй половине 1919 г. возникла идея «решения судьбы России командующими генералами (подчеркнуто в документе — РА) (с давлением на выборы в Учредительное Собрание)»,⁷ активным проводником которой являлся Врангель, приобретающий все большую популярность. Показательно скептическое отношение к «старой Учредилке» (разрядка документа - РА) и признание необходимости государственного переворота в колчаковском стиле в случае ее сохранения в прежнем виде.⁸ Так наметилась ориентация на немонархическую военную диктатуру с сохранением послушного выборного органа, то есть, выражаясь современным языком, на установление после победы военно-авторитарного режима. В офицерском понимании именно генерал-диктатор становился альтернативой ненавистой большевистской однопартийности, и презируемой демократической многопартийности (олицетворенной Временным правительством), - как символ единоличной надпартийной власти, притом не связанной с дискредитированной Николаем II монархией.

При формировании добровольческого мировоззрения одним из первых вставал вопрос самовосприятия. Крайняя малочисленность, постоянная опасность и убогие бытовые условия Ледяного похода требовали постоянной боеготовности, усиливали аскетизм и сами по себе пресекали меркантилизм.

Физические лишения подстегивали духовную жизнь, чрезвычайно активную у первопоходников, совершенно искренне кутавших грубую и удручающую действительность в нищееанскую «мантию возвышенного». «Мы знали, что идем на верную смерть, но шли безропотно, со святой верой в наше правое дело, не ожидая для себя никакой награды»,⁹ - записано в дневнике прапорщика-корниловца. В настроениях главенствовала решимость идти вперед по собственным телам, но победить. Имея корни в «частях смерти», она усиливалась до самоотвержения крестоносцев.

Появлялась соответствующая символика. 1-й Кубанский поход отождествлялся с крестовым, а Екатеринодар - с Иерусалимом. Происходила попутная мифологизация вождей. Непрекращаемый авторитет у подчиненных Дроздовский сравнивался с Петром Амьенским,¹⁰ когда акцентировались воздержанность, скромность в быту, требовательность и другие подходящие под образ личные качества. «Простой казак» Корнилов именовался Сердцем армии, Алексеев - ее Умом, а Марков - Шпагой.¹¹ В ноябре 1917 г. в 1-м Офицерском батальоне поговаривали о создании особых «крестовых» рот, которые нашли бы на погоны кресты как «символ похода за Веру и Отечество».¹² Летом 1919 г. некоторые офицеры-марковцы носили подаренные в одном из белгородских монастырей четки, над чем посмеивались в других полках: быт добровольца был очень далек от монашеского в традиционном понимании.¹³

Учитывая юный возраст массы прапорщиков - вчерашних юнкеров, гимназистов и студентов - нет ничего удивительного в поверхностно-восторженном отношении к происходящему, когда понятия «Фенимор Купер» и «Деникин» оказывались почти однозначными.¹⁴ Такое мироощущение сочеталось с деформированно-религиозным фанатизмом, отбрасывавшим страх смерти и придававшим, при обязательной внешней рисовке, мистический, романтически-роковой облик: «Мы, белые, романтики, и притом последние»;¹⁵ «Сердце, привыкшее к сказке, творит новую сказку, если старая оборвалась».¹⁶ Соединяясь с принципом добровольности, это продолжает параллель с крестоносцами, чьи духовно-рыцарские ордена привлекали и высокоидейных, готовых умереть во имя долга людей, и пассионариев со всей средневековой Европы.

Мессианское самоосознание причудливо переплеталось с политическими образами прошлого: если ударные батальоны в 1917 г. искали аналогии с Национальной Гвардией, то стародобровольческие «цветные» полки неофициально именовались «молодой» гвардией.¹⁷ Наполеоновская терминология, частые упомина-

ния «новой» тактики и устарения уставов указывают на сохранение западнических ориентиров послефевральского толка. Так, даже титулование официально устанавливалось в соответствии с приказом военного министра от 7 марта 1917 г. - «господин генерал» вместо «ваше превосходительство» и так далее,¹⁸ хотя достаточно широко практиковалось и прежнее.

Одновременно офицеры ощущали себя особой замкнутой группой. И если доступ в нее оставался возможным, то получение признания затруднено. Полностью это проявилось после прихода массовых пополнений, когда возникла условная неформальная внутренняя иерархия. По выражению остряка-современника, добровольцы делились на «князей» (генералов-вождей), «княжат» (первопоходников) и «прочих» или даже «прочую сволочь».¹⁹ Однако реальная картина оказывается несколько иной. Как указывалось выше, офицеры-добровольцы пополнений 1918 г. мало отличались по служебным перспективам от первопоходников, и потому их нецелесообразно учитывать отдельно от них. Действительно, «старыми добровольцами» считались все «те, которые участвовали в очищении Кавказа»,²⁰ то есть вступившие в армию до весны 1919 г. включительно. Таким образом, в категории «прочих» остаются принудительно попавшие в армию. «Коренные» добровольцы, вольно или невольно лукавя, как раз с ними и связывали как падение боеспособности армии, так и моральное разложение, подчеркивая его «занесенность»,²¹ чуждость своим традициям. На деле же такая позиция представляет типичную защитно-корпоративную реакцию на новоприбывших, которые необходимы, но полностью в сложившуюся структуру не допускаются.

Разумеется, это характерно лишь для корпорации первопоходников. Однако особенность Добровольческой армии в том, что в ней складывалось параллельно несколько мини-иерархий, внешне интегрировавших в общедобровольческую офицерскую subgroupу. Примерами служат амбиции офицеров и «цветных» полков, и ячеек регулярной кавалерии, и казачьих соединений в составе армии. В частности, чином Добровольческого корпуса генерала Кутепова, получившим преимущество перед Крымским корпусом при расквартировании,²² эта бытовая мелочь сообщалась как должная привилегия «коренным» частям.

На общеармейском же уровне к лету 1919 г. сложилось достаточно огульное разделение офицерства на собственно добровольцев и мобилизованных. Архивные материалы свидетельствуют, что в те дни вновь прибывающих встречали весьма настороженно и недоверчиво. В приказах о зачислении пополнений проводилась четкая грань между указанными категориями, причем

пометка ставилась против каждой фамилии.²³ Негласное игнорирование и бойкотирование продолжалось довольно долго, но могло и исчезнуть в случае проявления исключительной доблести или не менее ценной «верности полку» - при отказе от должности или от перевода в другую часть.²⁴

Причина такой позиции кроется как в постоянной малочисленности армии, так и в чисто психологическом пренебрежении к «чужакам», которые не шли вместе с самого начала,²⁵ а стали приходить только при успехах, да и то во многих случаях принудительно. «Кто не с нами, тот против нас, - кто против нас, тот против России, а потому...»,²⁶ — их типичная логика. Примеры, когда «коренные» добровольцы, особенно в именных частях, выжиwali назначенных начальников из «посторонних» и выдвигали своих кандидатов, далеко не единичны. Кутепов, став командиром Корншювского полка, был встречен холодно и удержался только благодаря поддержке «старого корниловца» Скоблина.²⁷ «Пришлый» полковник Д.Н. Сальников прокомандовал марковцами около трех месяцев и был снят с должности «из-за конфликта с личным составом». ²⁸ Наконец, дроздовцы отличались наибольшей нетерпимостью. Следующий после Дроздовского начдив - его ясский противник генерал Асташов - прокомандовал ими всего три дня, так как «вокруг него образовалась такая густая атмосфера, что Ставка принуждена была срочно убрать его подальше». ²⁹ Командованию осталось лишь утвердить Витковского, назначенного самим Дроздовским. ³⁰ То же повторилось в 1920 г. с генерал-лейтенантом Н.К. Келлером, быстро замененным выбранным самими дроздовцами генерал-майором Туркулом; то же происходило во всех «цветных» частях. ³¹ Фактически выжит 2-м Офицерским конным полком в 1919 г. был его командир полковник И.Н. Чекотовский, да и сменивший его полковник А.Г. Шапрон-дю-Ларрэ не смог добиться подчинения и признания, и его тоже пришлось удалить. ³²

Довольно неуклюжую попытку опровергнуть общеизвестную тогда кастовость первопоходников предпринял в эмиграции один из «старых дроздовцев» генерал-майор Н.Д. Неводовский. Своими аргументами о том, что «Деникин при назначениях руководствовался способностями людей», ³³ он лишь подчеркнул несомненное с его точки зрения превосходство первых добровольцев.

Приведенные факты представляются не только и не столько проявлением бытовой агрессивной капризности, но симптомом лихорадочного складывания и насаждения внутридобровольческой иерархии как признака новой корпоративности, весьма отличной от староармейской. Данный процесс позволяет уверенно счи-

табь офицеров-добровольцев не обычным военным конгломератом, а особой социальной субгруппой.

Амбициозно-мессианское самовосприятие, тон которому задавали первопоходники, широко усваивалось офицерами пополнений, ибо было одним из неперенных негласных условий приема в неформальную, но влиятельную иерархию. Поэтому нельзя не признать, что идейно-психологический облик строевых офицеров из пополнений отличался от стародобровольческого не столь радикально, как в том пытались уверять белые мемуаристы. В целом же развитие добровольческого мировоззрения не могло не сопровождаться эволюцией системы ценностей.

Прежде всего, в понимании офицеров-добровольцев свою значимость в виде главной общечеловеческой ценности теряла сама жизнь. Участие в Первой мировой войне и в борьбе на истребление, в которую сразу превратилась война Гражданская, вело к искажению представления о цене жизни человека вообще и собственной в частности. Именно обесценивание своей жизни наравне с вражеской является типичным для добровольцев в отличие от противника. Статистика самоубийств, далеко не всегда совершенных в безысходной боевой обстановке, приведена в предыдущей главе. Широкое распространение получили не лучшие староармейские традиции вроде «русской рулетки», часто приводившие к гибели офицеров. В приказах это отражалось формулировкой «нечаянно выстрелил себе в висок» или «убит случайным выстрелом». ³⁴ Впрочем, вторая формула применялась и для сокрытия нередкого применения оружия друг против друга; поводы были пустяковыми - случайная ревность, спор о женской красоте, нетерпимость к любому «неудобному», включая бредящего раненого, ³⁵ а то и просто «состояние запальчивости и раздражения благодаря опьянению». ³⁶

Вместе с тем логика «человека с ружьем», присущая обоим фронтам Гражданской войны, в добровольческой среде находила меньшее реальное воплощение. Начальники могли пригрозить расстрелом и даже децимацией за неисполнение приказа, ³⁷ но редко выполняли обещанное. Зато отношение к оружию - символу и средству борьбы - поднималось от традиционного до культового. Командир, потерявший орудие и захвативший взамен семью противника, все равно считал себя опозоренным и был готов застрелиться. ³⁸ Первым требованием к рядовому офицеру было содержание винтовки в идеальном порядке. ³⁹ Возникало поверие о «счастливом» оружии, которое приносит удачу и возвращается к владельцу после его потери. ⁴⁰

Попутно рождался особый фатализм и усиливалась вера в специфические воинские приметы типа «предчувствия пули». ⁴¹

Кто-то, как Туркул (и в свое время генерал МД Скобелев), считался «заговоренным»,⁴² и остальные в бою инстинктивно старались быть рядом, попасть под защиту его счастливой звезды. Другие бережно хранили талисман - портсигар, ладанку или зажигалку - знаменитый тем, что «притягивал» осколки и пули, защищая сердце.⁴³ Некоторые мемуаристы указывали на трансформацию веры в суеверие, понимаемое в виде отхода к полужыческой религиозности; один вполне серьезно ссылался на «договор» с судьбой: «Меня не убьют и не ранят, если я не буду делать подлостей и убивать напрасно».⁴⁴ Доминировало убеждение, что «на войне все случайно, и всего случайнее жизнь и смерть».⁴⁵ Все перечисленное являлось как усилением отдельных граней военного менталитета, так и защитной реакцией психики на аномальные условия, и демонстративным бравированием.

Командование осознавало ценностные изменения в духовном мире подчиненных и относилось к ним двойственно. Деникин, понимая опасность морального разложения, ограничивался лишь призывами к подвигам, жертвам и сохранению порядочности. Другие же военачальники вполне допускали аморальные деяния, объясняя их тяжелыми условиями борьбы. В частности, В.З. Май-Маевский считал целесообразным для победы использовать и отрицательные побуждения людей, ссылаясь на результативность противника.⁴⁶ И подобные рассуждения находили благодатную почву в широких офицерских кругах, о чем свидетельствует откровение дроздовца-артиллериста: «Преступление и убийство становятся доблестью. Врага берут внезапно, ночью, с тыла, из засады, превосходящим числом. Говорят неправду. Что тут рыцарского? Думаю, что армия из сплошных философов была бы дрянной армией, я бы предпочел армию из преступников. Мне кажется, что лучше сказать жестокую правду, чем повторять розовую ложь».⁴⁷ Как видим, пропагандистские штампы, сталкиваясь с действительностью, вызывали у офицеров-фронтовиков скрытую неприязнь.

Обесценивание жизни и духовно-нравственные деформации сопровождались неизбежным всплеском насилия. Один офицер сделал любопытное обобщение-периодизацию: «Первая половина борьбы добровольцев с большевиками прошла под знаком жестокости и кровожадности, вторая - под знаком грабежа».⁴⁸ Конечно, столь категоричное деление приемлемо только как обозначение преобладающей тенденции, но в общем заслуживает внимания.

Действительно, большинство белых мемуаристов, перечисляя причины своего выступления, помимо патриотизма, политической непримиримости и безысходности, постоянно упо-

минали настроенность на месть. Месть за родных и близких, которые у многих были зверски убиты в дни революционной бури, за враждебность и унижения со стороны солдат, за сорванные новой властью погоны, заработанные потом и кровью в боях и походах против неприятеля, за превращение в бесправных изгоев без средств к существованию. Материальные же потери были для основной массы офицеров ничтожны⁴⁹ и потому являлись второстепенной причиной. Сопровождаясь потерей смысла прожитого, это вплоть до 1920 г. даже у самых культурных и порядочных офицеров порождало жгучие мысли: «... за то, что ре признавал и не подчинялся Советской власти, за то, что всем сердцем отдался борьбе за Россию, сразу без рассуждений - я осунусь нищим, без дома, без всего, что всю жизнь было дорого (подчеркнуто в документе - РА) - разве это справедливо?.. Не взять ли полк — всю душу отведешь... Все же хочется мстить».⁵⁰ У иных офицеров более примитивного типа, нередко среди ино-родцев, бытовали и вовсе дикие эмоции. Как вспоминал один из командиров, служивший в его команде разведчиков «албанский принц» Узун-Урбек Карамихайлов (в прошлом балканский чет-ник) «страшно на меня обижался, что я ни разу не позволил ему никого посадить на кол, хотя он не раз принимался красочно описывать мне все прелести такого обращения с ближним».⁵¹

Отдельные офицеры хладнокровно и скрупулезно вели счет уничтоженным врагам, достигавший порой трехсот и более жиз-ней.⁵² Сохранилось описание действий Дроздовского: «Вся диви-зия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывны-ми пулями, и это тоже подбавило масла в огонь. На мельницу [куда сводили пленных - РА] пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы отдельных по-терянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновен-ные, и разрывные, и бронебойные. Дроздовский ходил между плен-ными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-нибудь лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. «Вот этого - этим», - гово-рил он, подавая патрон и указывая на красного. Красный выводил-ся вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом».⁵³ Есть свидетельства о подобных действи-ях и Кутепова.⁵⁴

Но в то же время частые жестокости добровольцев - пре-имущественно необоснованные расстрелы в горячке, после боя, по принципу «а морда самая комиссарская»⁵⁵ - при всей распро-страненности оставались частными фактами разнузданности и, по справедливо замеченному СВ. Кулешовым главному отличию

от противника, не стали планомерной системой устрашения и уничтожения.⁵⁶

И лишь совсем недавно среди архивных документов обнаружены материалы, впервые содержащие открытое, внятное и относительно систематизированное, а следовательно, очень нетипичное и одновременно интересное идейно-рациональное обоснование «белого террора». Они имеют также субъективное, дневниковое происхождение, однако личность их автора - того же Бологовского - и его положение ближайшего соратника Дроздовского позволяют увидеть в них обобщенную позицию части добровольцев, а не только конкретного офицера. При этом особенно важно и ценно, что автор нисколько не пытается выставить себя в более выгодном свете и, напротив, постоянно и с видимым удовольствием эпатажирующе рисуется, - быть может, желая казаться еще беспощаднее, чем есть на самом деле.

Наибольший интерес представляет объяснение Бологовским своей позиции, так как он пока единственный выступает не только как практик, но как и теоретик «белого террора». Главной причиной действий и одновременно залогом успеха, по его мнению, становится ненависть - «это не злобное увлечение боя и это не безумие атаки, - она позволяет убивать холодно и спокойно, математически подсчитывая все «за» и терпеливо, методически устраняя все «против».⁵⁷ Абсолютизация карательных способов борьбы очевидна и достаточно наивна, потому что полностью игнорирует конкретные условия и случаи их применения: недаром Бологовской не миловал жертв даже тогда, когда за них вступались его же офицеры. В его невозмутимости так и видится каменная убежденность фанатика-инквизитора. Но одними репрессиями победу еще не одерживал никто.

С другой стороны, несмотря на провозглашенный принцип и циничную браваду, самонаблюдения Бологовского позволяют заметить некоторую параллель с образом Родиона Раскольников, прилагающего все усилия, чтобы доказать себе, что он «право имеет». После первого расстрела, признается он, «мне было как-то не по себе; не то, чтоб мне было жаль жиденка или я чувствовал упреки совести за смерть почти невинного человека, - нет, но было какое-то противное чувство, будто я убил щенка или раздавил лягушку... Все видели, как мы сейчас расстреляли человека. Все они видели расстрел в первый раз в жизни, а многие и вообще убийство - хотя и были уже на фронте - близко не видели. И теперь все лица были повернуты к нам, все глаза жадно смотрели на нас. Любопытство было написано на лицах, а в глазах сквозила... (отточие документа - РА) как будто легкая примесь отвращения... Человек, только что убивший беззащитного, невольно внушает отвращение. Этот

человек был я». ⁵⁸ Подобные же мысли терзали и Дроздовского: «Нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над неосознательным движением сердца!» ⁵⁹

Кстати, о культуре. Кадровый офицер, Бологовской обладал неплохой философской эрудицией и использовал ее для обоснования собственной: «...моей душе всегда была чужда слюнявая проповедь крамольного старичка, графа Льва Николаевича Толстого о непротiwлении злу, и я всегда больше был склонен толкнуть падающего, по Ницше, чем подставить левую щеку после удара по правой - по Толстому. Мудрость древних - око за око и зуб за зуб - мне всегда была понятней, чем современное «культурное» кисляйство, и я бы только хотел его несколько видоизменить: за одно око - два, и за один зуб - тридцать два». ⁶⁰ В-первых, свое насилие автор считает вторичным, ответным. В-вторых, по сути, присутствует скрытый (а может, и явный) отход от христианства, так как принимается лишь ветхозаветный принцип в сочетании с ницшеанской проповедью сверхчеловека «после смерти Бога». Согласимся, что, не формулируясь столь определенно, подобный настрой присутствовал у многих офицеров-добровольцев, свидетельствуя об идейных и моральных деформациях. Не считая себя «ни сумасшедшим, ни садистом, ни нравственным выродком, желающим крови ради крови», ⁶¹ эти личности объективно представляли собой достаточно патологические типы.

Единственной специальной террористической группой была «команда разведчиков особого назначения» при отряде Дроздовского, которая под началом Бологовского за время похода Яссы-Дон истребила более 700 человек, в том числе около 500 в Ростове, причем всю «заслугу» командир демонстративно приписывал лично себе. Кроме того, в ее функции входила весьма изощренная разведка. Однако накануне 2-го Кубанского похода террористическая деятельность была прекращена в связи с необходимостью ведения открытой вооруженной борьбы в рядах армии. ⁶²

Но в понимании идеологов «белый террор» вовсе не исчерпывался антибольшевистским направлением, особенно с началом 1919 г. «Как это ни странно, - пишет Бологовской, - но террор прежде всего был необходим не против красных, а против отдельных лиц, считавших себя тоже белыми, но фактически, как это было ясно из всей их деятельности, работавших, вольно или невольно, исключительно для развала борющихся с красными белых армий». ⁶³ Террор здесь виделся в качестве «единственного и могучего средства помочь Главному Командованию»; хотя автор понимал

реальную опасность быть расстрелянным за это по приказу того же Деникина, но зато чувствовал твердую уверенность в моральной и практической поддержке со стороны фронтовых частей Добровольческой армии. Действительно, такое намерение в войсках «было встречено сочувственно, так как в то время уже начала проявляться та ненависть фронта к губящему его тылу, которая после середины 19-го года стала такой острой».⁶⁴

Наиболее заметным событием в столь необычной ипостаси «белого террора» можно считать убийство в Ростове, в «Палас-отеле», 13 июня 1919 г. председателя Кубанской законодательной Рады Н.С. Рябова, сторонника автономности (скорее самостоятельности) Кубани, то есть - в понимании «единников» - врага «Великой и Неделимой». До сих пор убийцами считались неуставленные лица в военной форме. Это и неудивительно, ибо организатор и один из непосредственных участников покушения, Бологовской, сработал столь ловко, что умудрился выступить в числе главных свидетелей по делу и запутать его, насколько возможно.⁶⁵

Постепенно насилие начинало приобретать самостоятельную ценность. Для первого этапа приведенной выше импровизированной периодизации совершенно справедлив вывод В.П. Булдакова о мстительно-истероидном характере белой борьбы.⁶⁶ И грабежи разных именований (разбой, самоснабжения, реквизиции и т. п.), ставшие ко второй половине 1919 г. «таким же обыденным явлением, как питье чая и курение папиросы»,⁶⁷ вопреки кажущемуся отличию, вполне вписываются в обозначенный типаж.

Отдельные случаи «индивидуального» воровства и разбоя под видом обыска были еще до начала Ледяного похода,⁶⁸ но Корнилов беспощадно казнил виновных и тем приостановил их распространение.* В конце 1917-начале 1919 г. самочинные захваты, в основном продовольствия, случались часто, но были небольшими и диктовались насущной потребностью накормить и хоть как-то одеть людей.⁷⁰ Естественно, что во время 1-го и 2-го Кубанских походов иного способа не имелось. Многочисленные примеры плохого снабжения, приводившиеся авторами воспоминаний в качестве оправданий, рисуют удручающую картину и сомнений не вызывают. Впрочем, даже периодически поставляемое интендантством продовольствие зачастую оказывалось испорченным. В фонде Управления полевого контролера Добровольческой армии неоднократно встречаются соответствующие акты, в частности, воинской комиссии Алексеевского полка, которая неоднократно освидетельствовала получаемые из интендантства 2-й пехотной дивизии солонину или квашеную

капусту и признавала их совершенно негодными к употреблению.⁷¹ Ясно, что если со снабжением плохо справлялось среднее интендантское звено, то на более высоком уровне данные недочеты были еще масштабнее.

Вместе с тем «настоящие» грабежи начались уже летом 1918 г. Командир батальона одного из полков «15-16 июня в селе Новом Егорлыке реквизировал без уплаты денег: мотоциклет, два велосипеда, около десяти лошадей, два ящика револьверов (наганов и браунингов), 3-4 пуда кожи, мешок сахару, бочонок вина, три четверти спирта, парфюмерные товары (одеколон, пудру брала сестра милосердия) и деньгами 28000 рублей в потребительских обществах и на почте и от беженцев взято 1300 и 160 рублей. Прапорщик его батальона был отправлен с мотоциклетом, велосипедом, лошадьми и хорошей линейкой, тоже реквизированной, в Новочеркасск, и там продал их! Револьверы не были выданы офицерам, просившим их хотя бы за деньги... Один из поручиков полка с негодованием упрекал виновных в этом пятнании имени полка и поехал в штаб. За ним снарядили погоню с предписанием вернуть его «живого или мертвого», но в конце концов не решились исполнить это».⁷²

И вдруг в середине 1919 г. произошел взрывной рост и, можно сказать, систематизация подлинного грабежа. Думается, что причины кроются в трех направлениях. Во-первых, это широкое наступление, дававшее не менее широкие возможности.

Во-вторых, и это чрезвычайно важно, так как ранее просто не анализировалось, — несомненная прямая связь всплеска духа наживы с начатым тогда возрождением ячеек, а затем и самих частей старой армии, прежде всего многочисленных полков регулярной кавалерии. Понятно, мало кто желал признаваться, и проговорились лишь составители истории 1-го гусарского Сумского полка: «Реализация военной добычи была единственным источником, дававшим возможность эскадронам продолжить формирование и развертывание в соединения, являвшиеся преемниками старых славных полков».⁷³ То же самое отчасти относится и к пехотным частям, например, к 13-му пехотному Белозерскому полку⁷⁴ и ему подобным; правда, в них было гораздо меньше, чем в кавалерии, кадровых офицеров, заинтересованных в возрождении, и стяжательское рвение оказывалось слабее. Только 8 апреля 1920 г., со сменой Главнокомандующего, произошло признание ошибочности этого пути, причем главным злом были названы «громадные обозы, жившие большей частью на счет мирного населения и совершенно не дававшие фронту бойцов». Приказ Врангеля № 3012 от 16 апреля 1920 г. гласил: «Иметь имущество отдельных ячеек, состоящих из кадров полков старой Русской Армии запрещаю и считаю это преступлением».⁷⁵

Третья причина вытекала из второй и состояла в поиске уже личной наживы. Значительная роль здесь принадлежала офицерам пополнений, особенно мобилизованным, которые далеко не всегда воспринимали возвышенные идеалы и попросту стремились хоть как-то «скомпенсировать» примененное к ним принуждение к службе. Менее всего они заботились о престиже Добровольческой армии в глазах разграбляемого населения. Очевидец писал: «Низменные инстинкты руководили ими при взятии городов, психоз наживы и разврата гнал их в бой, и здесь они боялись опоздать. В эту вооруженную, страшную и опасную тучу мародеров входили все бежавшие из полков всех фронтов и частей, все считающие себя на другое время инвалидами и больными, всех тыловых учреждений лишние чины, впрочем, кого там только не было».⁷⁶ Вместе с тем, данный пассаж можно расценить и как попытку командира-корниловца противопоставить своих подчиненных и обелить их.

Старые же добровольцы, быстро растворяясь в превосходящих по численности пополнениях, превращались порой в третируемое меньшинство. «Значок за первый Кубанский поход действительно становится «волчьим паспортом»,⁷⁷ - отмечали современники. Пользуясь жаргоном того времени, отметим, что на смену первопоходнику-«Георгию» пришел разбойник-«жоржик»: «Первый - лик добровольчества, второй - образина его»,⁷⁸ но, главное, оба были сторонами одной и той же медали.

Новые приоритеты захлестывали войска все больше, и лозунг «Вперед за Родину» сильно потеснился другим - «Вперед за штанами», а то и «Вперед за кошельками».⁷⁹

К концу 1919 г. «не было войсковой части, которая не имела бы своего жизнерадостного эшелона, переполненного всякою добычею. Эшелоны эти были вооружены до зубов и охранялись (даже от малейшей попытки контроля со стороны властей) специальными нарядами, с пулеметами!»⁸⁰ Описывая поезд Корниловского полка - «цветного», перед которым вовсе не стояла цель возрождения - Врангель отмечал наличие в нем предметов быта и роскоши, вывозимых в тыл для перепродажи; «некоторые части занимали под полковые запасы до двухсот вагонов».⁸¹ Вывод генерала неоспорим - война в понимании добровольческой массы все больше превращалась в средство наживы.

Крайне красноречивы попытки самооправдания ссылками на исторические примеры - грабительские действия Наполеона в 1812 г., русских войск в Париже в 1815 г. и даже немцев на Украине в 1918 г.⁸² - указывающие на складывание своеобразной «психологии грабежа».

Таким образом, если жестокости свидетельствовали о психических изменениях, то данное явление становилась еще одним симптомом духовно-нравственных деформаций. Хозяйственно-организационные ошибки командования не затрагиваются намеренно. Именно там содержались практические предпосылки самоснабжений, но широкое распространение грабежей стало возможным только благодаря моральному упадку добровольчества.

Неизбежным следствием было резкое снижение дисциплины в небоевой обстановке. Уже накануне 1-го Кубанского похода командир корниловцев Неженцев часто оспаривал распоряжения Корнилова, расценивая их как вмешательство во внутреннюю жизнь полка, - например, о недопустимости побоев солдат-персов, каковые имели место.⁸³ При чем падение дисциплины - основы военного порядка — Корнилов связывал именно с преобладанием в Добровольческой армии офицеров. Позже штабной офицер мог якобы «случайно» вскрыть секретные пакеты и разгласить их содержание, как случилось в Марковской инженерной роте.⁸⁴ Поразительна безнаказанность подавляющего большинства проступков, многие из которых по сути являлись воинскими преступлениями. Но она вполне объяснима, так как командиров интересовала прежде всего боевая эффективность подчиненных.

Перед началом крупной операции, - например, за день до выступления во 2-й Кубанский поход, - официально отменялась такая мера наказания, как арест, с заменой «на время похода назначением без очереди на службу и на встречающиеся по команде *работы*».⁸⁵ Собственно, виновные оставались неизолированными, наглядно доказывая остальным безнаказанность. А так как армия пребывала «на походе» почти постоянно, то это означало бесконечное продление временной отмены, особенно для чисто фронтовых частей.

Показательно, что руководители движения фактически попытались переложить ответственность за внутренний порядок в войсках на командный состав частей и на офицерство в целом. «По уставу армии, опубликованному в мае [1918 г.], в ней по полкам должны быть полковые суды чести, но на деле они есть не везде. Во многих полках их нет и там офицеры не знают, как отмахнуться от своей нечисти, а опроказиться не хочется».⁸⁶

Анализ собрания приказов по Добровольческой армии за осень 1918-весну 1919 гг. подтверждает нежелание или неумение командования водворить порядок. Во-первых, на полугодовой период приходится только 10 приказов, касающихся наказаний. Во-вторых, из семи случаев вынесения смертного приговора в пяти Главнокомандующий помиловал или заменил расстрел на разжа-

лование либо каторжные работы. Среди мотивов обвинения четыре случая большевистской агитации, два случая грабежа и мародерства, одно убийство однополчанина (расстрел утвержден и произведен), одно «самовольное оставление караульного помещения» и в двух случаях причины не указаны.⁸⁷ Как видим, наказания за дисциплинарные и имущественные деяния крайне редки, особенно на фоне все более широкого их распространения. Впрочем, даже редкий арест виновного зачастую вызывал выступление офицеров «с угрозой насилия пехотой и броневином», в чем смог убедиться осенью 1919 г. комендант Харькова.⁸⁸ Чаше непосредственные начальники не только скрывали затребованных к аресту дебоширов и мародеров, числа их умершими,⁸⁹ но даже близко не подпускали следственные комиссии, периодически прибывавшие для разбора жалоб на опьяненных безнаказанностью строевиков.⁹⁰ Особой привилегией своеобразной «неприкасаемости» наделялись командиры офицерских полков, делать какие бы то ни было замечания которым запрещал лично Кутепов.⁹¹

Впрочем, некоторые единичные казни дьявольски напоминали не наказание, а сведение счетов и уничтожение неудобных. Так, о муже дочери генерала Алексеева корнете 1-го Конного полка СМ. Крупине имеется странная и противоречивая информация. В одном и том же издании он упоминается как погибший в мае 1918 г. и одновременно как вполне живой еще в октябре.⁹² Последнее гораздо вероятнее, так как, согласно приказу, не позднее ноября того же года корнет Крупин уже был расстрелян, причем без какой бы то ни было мотивировки в тексте приказа. Это произошло сразу после смерти Алексеева, который не мог не покровительствовать родственнику. Характерно, что Деникин, вопреки своему обыкновению, приговор утвердил.⁹³ То есть либо офицер совершил что-то действительно из ряда вон выходящее, либо мгновенно среагировали алексеевские противники. Показательна и позиция Деникина, безусловно знавшего положение Крупина, всячески подчеркивавшего пиетет перед Алексеевым, но поразительно легко «сдавшего» его зятя.

Существенную роль играли специфические для Добровольческой армии условия внутренней организации ее частей. Собственно добровольческие, именные полки наивысшей ценностью признавали доблесть и мужество, упрекая воссозданные части старой армии за меньшую стойкость. Приводя в пример свои офицерские роты и батальоны, они всячески подчеркивали их непобедимость.⁹⁴ Благодаря полученной, в отличие от солдат, серьезной специальной подготовке, жесткому подчинению и сплоченности, абсолютная верность и наивысшая среди всей армии боевая результативность «коренных» добровольцев показывает, что они - насто-

ящие «профессионалы высокого класса, пронизанные полурелигиозным, фанатичным духом».⁹⁵

Представители «регулярных», со своей стороны, считали «цветных» гораздо слабее в моральном отношении, с чем соглашались и единичные кадровые офицеры из стародобровольческой среды. Корниловец генерал-майор МА Пешня главную причину разложения видел в том, что «так мало осталось в строю лиц кадровой нравственности с правильной государственной точкой зрения... Добровольческой армии, открыто говоря, - не было, так как не было устоев».⁹⁶ Он же настаивал на губительности для морального облика службы в офицерских ротах, ибо «офицер сделался рядовым солдатом в полном смысле этого слова. Офицера больше не интересовали вопросы и явления, выходящие за сферу кругозора рядового... Он переставал думать о чем-либо другом, как доступном, так и необходимом по долгу и званию офицера».⁹⁷ По признанию прапорщика-марковца, для «живущих уже совсем иными, иногда звериными понятиями - «угробить», «дать дуба» стали понятиями привычными, почти ежедневными; «пожрать» - было для некоторых выше многих идеалов».⁹⁸

Офицеры часто не понимали своей службы рядовыми, тяготились двойственностью положения и доходили до ходатайств о разжаловании - для определенности. Практическое уравнивание с нижними чинами вело «к унижительному отношению офицеров к солдатам и наоборот»,⁹⁹ что порождало «конфликты..., влекущие за собой грубые отношения первых и последних».¹⁰⁰ О «надломленности», отсутствии духовного здоровья в офицерских ротах писал и Шульгин.¹⁰¹ На положение влияло и серьезное видоизменение традиционного старшинства по чинам, когда старший попадал под начало младшего и далеко не всегда оказывался способным на «подвиг повиновения», по определению Деникина.¹⁰² Но и совершение его оставляло глубокий деморализующий след в мировоззрении офицеров, особенно кадровых. Надо помнить, что пополнение офицерских рот производилось из числа «подвальныхников». Наконец, свою роль играло и направление в них проштрафившихся из других частей, вследствие чего появлялся заметный «дисциплинарный» колорит.¹⁰³ Следовательно, в офицерских частях также происходила некоторая идейная эволюция.

Офицеры военного времени чувствовали себя на правах рядовых все же более комфортно и были склонны к поэтизации ситуации, напоминавшей милое их сердцу юнкерское прошлое. Не случайно с первых дней велось целенаправленное культивирование примитивного армейского «шика», юнкерского щегольства в исполнении чисто внешних, «знаковых» дей-

ствий - в строевом шаге, четкости воинского приветствия и т. д.¹⁰⁴ Нередко вышедшие из солдатской среды, молодые офицеры упрощенно понимали собственное офицерство, ценя главным образом «чины», с трудом заслуженные и сохраненные в Добровольческой армии. (Попутно заметим, кадровые же офицеры, особенно Генерального Штаба, больше ценили «должности» - реальное положение — почему и чаще предпочитали превращаться в военспецов Красной Армии.¹⁰⁵) Поэтому фактическая отмена прежней наградной системы и переход к награждению чинами как нельзя более соответствовало их ценностным ориентациям. Запаздывание чинопроизводства, отставание от сверстников воспринималось болезненно и вызывало порой безрассудные, авантюрные выходы, чтобы получить вождельный чин хоть в качестве награды.¹⁰⁶ Однако именно широкое распространение юных штаб-офицеров вынудило ввести в 1920 г. орден Святителя Николая Чудотворца.¹⁰⁷

Слабость преемственности с мировоззрением кадрового русского офицерства заставляла спешно культивировать новые традиции, среди которых встречались и позитивные, и негативные. К первым можно отнести поразительную выучку, четкость и согласованность действий в бою, щеголеватость и аккуратность дроздовцев, «психические» атаки корниловцев, когда залечь в наступлении считалось позором, и т. п. Особого упоминания достойны неофициальные группы марковцев, подобные «солдатским судам» наполеоновской армии, следившие за соблюдением кодекса чести и поведением вообще; уличенному в неблагоприятных деяниях предлагалось застрелиться либо предстать перед судом.¹⁰⁸ Вторые же были бессмысленны или откровенно уродливы, как «обычай» грабежа 11-го гусарского Изюмского полка¹⁰⁹ или стрельба в потолок после каждой пирушки офицеров одного из добровольческих полков.¹¹⁰

Даже внешний вид добровольцев, особенно «коренных», корбил старых офицеров, один из которых с неприязнью писал: «... я впервые увидел корниловцев в их причудливо кричащей форме, марковцев в черном... Откуда взялись эти формы, эти невероятные сочетания малинового цвета с белым, черного с красным, эти черепа, скрещенные кости, смесь кавалерийских отличительных знаков с пехотными и прочие невиданные эмблемы... Мне, свежему человеку, показалось, что каждый носит здесь ту форму, которая ему больше нравится».¹¹¹ (Впрочем, он же, командуя в 1917 г. ударным батальоном, такого негодования не выказывал.) Несомненно, «молодая гвардия» намеренно и вызывающе подчеркивала и утверждала свою особенность и новаторство.

Показательны даже тексты добровольческих песен, где это присутствует в знаменитом «Царь нам не кумир» и «За светлое прекрасное/ России впереди/ Под знамя черно-красное/ К корниловцам иди» корниловцев, и в «Над тобой взойдет, Россия,/ Солнце новое тогда» дроздовцев.¹¹² Не менее характерно использование одинаковых с противником мелодий: «Вперед, дроздовцы удалые» («Интернационал»), «Смело, корниловцы, в ногу» и «Смело мы в бой пойдем». Впрочем, рядом уживались и совсем иные мотивы: так, в Сводно-стрелковом полку большой популярностью пользовалась песня «Цыпленок жареный».¹¹³ Весьма показательна оценка разложения и деморализации Добровольческого корпуса после эвакуации Новороссийска, данная полковником фон Лампе, - «знакомаяревалтоционная история».¹¹⁴ (Курсив наш - РА) Все это доказывает, что бесспорный вывод ВД. Зиминой о тенденции «в сторону «полного и окончательного» разрушения сложившихся ценностей»¹¹⁵ справедлив не только в отношении российской государственности, но и духовной культуры личности в целом.

Вопреки первому впечатлению, нелегко определить наивысшую ценность духовного мира добровольцев. Казалось бы, устойчивый патриотизм, преклонение перед Родиной - Великой, Единой, Неделимой Россией - несомненен, но по мере развития движения он затмевался самоценностью описанного причудливо-хаотического феномена «добровольчества». Его главная привлекательность для офицерства состояла как раз в неопределенности понятия, позволяющей внести в него и объявить «святым» любое явление, получившее признание большинства данной социальной субгруппы. Категория «добровольчества» включала и смысл борьбы, и героическое самопожертвование, и отчасти ритуальную жестокость к врагу, и оправдание грабежей и дисциплинарного разложения. Показательно, что в ней присутствовала и твердая убежденность в праве добровольца, несмотря ни на какие приказы, подать в отставку, самоустраниться в случае решительного несогласия с политикой командования.¹¹⁶

Духовно-нравственные трансформации нередко усугублялись злоупотреблением алкоголем и наркотиками, которое, в свою очередь, способствовало разложению порядка и ускорило моральную деградацию. Уже осенью 1918г. пьянство офицеров 3-й дивизии принимало такие масштабы, что недавно взятые ею города противник легко возвращал себе; сами дроздовцы объясняли это не иначе как «пропили Армавир». Еще более колоритная картина возникала в редких случаях отдыха в резерве. По воспоминаниям офицера 2-го Офицерского Конного (будущего Дроздовского) полка, «завтраки переходили в

обеда и ужины непрерывной чередой, а ночью по пустынным улицам Песчанокской среди темных, мрачно молчаливых домов скакали бешеные пары и тройки, в одиночку и целыми поездами, пугая мирных домовых старообрядческих хат смехом, пением и стрельбой в воздух, - это эскадроны ездили друг к другу в гости». ¹¹⁷ В октябре 1919 г. из-за пьянства командного состава 3-й Марковский полк понес тяжелые потери и был выбит из Кром. Кокаинистами были не только известные Слещов и Блейш, но и многие рядовые офицеры, особенно дроздовцы и марковцы. ¹¹⁸

Один из бессильных приказов Деникина - № 500 от 25 декабря 1918 г. - грозил разжалованием, исключением из службы или заключением на срок от двух до шести месяцев «за бесчинство и буйство, а равно за нарушение правил благочиния в публичном месте при обстоятельствах, особенно усиливающих вину, как то: с обнажением оружия, стрельбой в воздух, в присутствии толпы и т. д.». ¹¹⁹ Как видно из текста, такие деяния совершались преимущественно в городах, где имелись упомянутые общественные места. Так, сообщая о вечере в пользу дроздовцев, Витковский в дневнике с явным облегчением обронил многозначительные слова «Все благополучно», ¹²⁰ чем выдал свои опасения скандала. «Героями» часто становились офицеры-фронтовики, прибывшие с позиций на кратковременный отдых и успевавшие заслужить формулу «в бою незаменимые, в тылу невыносимые». ¹²¹ И даже не слабость санкций и не вялое их применение было главной причиной. Современник точно подметил «надрывность» пьянства, веселья, *буйства*, и разврата, вызванных острой потребностью «забыться». ¹²² Постоянное пребывание в боевой обстановке, частые многократные атаки за день, огромные потери и нередкие рукопашные резко повышали нервно-психическое напряжение, требовавшее энергичной разрядки *любой* ценой. Не случайно части Добровольческого корпуса сразу после кошмара Новороссийска не только погрузились в поголовное пьянство, хулиганство и грабежи, ¹²³ но и почти единственный раз оспаривали и фактически проигнорировали приказ о выступлении на фронт. ¹²⁴ Очень многозначителен и факт существования как минимум одного специализированного лечебного заведения - 1-го военного психиатрического госпиталя. ¹²⁵

Вместе с тем подчеркнем, что описанные явления были временными, преходящими. Тот же Слещов в эмиграции быстро и самостоятельно бросил кокаин; ¹²⁶ и ему, и другим удавалось сравнительно легко преодолеть это пристрастие потому, что большинство употребляло наркотики не постоянно, а эпизодически, «с неудач». ¹²⁷

Весьма характерно и практическое отсутствие как в белых мемуарах, так и в советских источниках упоминаний о насилиях над женщинами со стороны офицеров Добровольческой армии. Напротив, казаки применяли погромно-саdistское массовое изнасилование антисемитской направленности,¹²⁸ а у инородцев Кавказской армии оно было и вовсе актом элементарной разнузданности. Фон Лампе с возмущением отмечал, что для Сводно-Горской дивизии это было почти обыденным делом: в одной деревне «за одну ночь оказалось изнасиловано «освободителями» 14 девушек, одна из них убита. Хорошо для репутации Добрармии! Их исправить совершенно невозможно, к тому же начдив Гревс слишком слаб. Необходимо расформировать этих мерзавцев, иначе они дискредитируют всю Армию».¹²⁹

В добровольческой среде, напротив, нередко «нравы были отшельнические. На 1-ю Дроздовскую батарею полковника В.П. Тучевича принимали одних холостяков, женатых же - ни за что. А женский пол не допускали к батарее ближе, чем на пушечный выстрел»,¹³⁰ по воспоминаниям очевидца. Дроздовцы, расквартированные однажды в Новочеркасском Мариинском институте благородных девиц, не допустили ни единой позорной выходки, что подтверждает радушный прием воспитанницами и администрацией их раненых впоследствии.¹³¹

Вместе с тем женщины занимали заметное и симптоматичное место в массе добровольцев, и впечатления добровольца Сводно-стрелкового полка АВ. Бинецкого рисуют совершенно противоположную картину: «Женщин в полку было много: не было такой роты или команды, где не было бы бабы... Женщины эти вели себя очень беспутно, пьянствовали и старались подцепить себе жениха или любовника из офицеров, имевших деньги... В большинстве случаев все грабежи происходили из-за женщин». Кроме того, это подрывало авторитет офицеров, наглядным примером чего были действия начальника команды пеших разведчиков прапорщика Фетлунайтиса: «У него в команде была женщина-доброволец. С этой особой он нюхал кокаин и затем безобразничал в казарме на глазах у солдат».^{1, 32}

Подробно рассмотрев духовно-нравственный облик добровольческого офицерства в его внутренних движениях, необходимо взглянуть и на особенности его внешних проявлений. Целесообразнее всего для этого взглянуть на наиболее типичные реакции на значимые события и явления.

Вопреки известному соотношению фронтовиков и тылови-ков как один к семи, справедливому для Вооруженных Сил Юга России в целом, Добровольческая армия оставалась гораздо бо-

лее «фронтовой» и «строевой», так как непомерно раздутые хозяйственные и штабные службы в основном подчинялись Главному Командованию ВСЮР. Напротив, даже штаб Добровольческой армии считался у офицеров Генерального Штаба «провинциальным» и, претендуя на должность не ниже, чем в армейском штабе, они не упоминали его как достойную вакансию.¹³³ Традиционное противопоставление строевиков и штабных обострялось еще больше, адресуясь особенно резко к «чужим» штабам. Однако и «свои» не вызывали больших симпатий, как и хозяйственные службы, чины которых получили презрительное прозвище «обозников» еще со времени 1-го Кубанского похода. В них специально приглашались лица со стороны, потому что строевой офицер не мог перевестись туда «без падения личного престижа в глазах товарищей».¹³⁴ Марков, крайне непримиримый в этом вопросе, предлагал в целях морального воздействия ввести специальные желтые погоны для нестроевых офицеров; к великому сожалению добровольцев, проект не был реализован.¹³⁵ Установленное в конце 1919 г. отличие для «настоящих» (а не самозванных) тыловиков в виде белого щитка внутри общегенеральского углового шеврона¹³⁶ было жалким отзвуком марковского плана и безнадежно запоздало.

Командование воспринималось в тесной связи с отношением к штабам. Деникину было далеко до корниловской популярности и алексеевского авторитета, его либерализм и слабости офицерство почувствовало быстро, и самое крайнее отношение к нему выразилось в определении «баба».¹³⁷ Энергичный же начальник штаба Романовский, пользовавшийся неограниченным доверием Главнокомандующего, считался виновником всех неудач, «злым гением», «социалистом», «жидомасоном», «Аракчеевым»¹³⁸ и в конце концов стал объектом заговора корниловцев. Мужественный и прямой генерал, но алкоголик и бабник Май-Маевский быстро растерял и того меньшее уважение.

Офицеры-строевики, видя тыловое разложение в сочетании со слабостью власти и приписывая его исключительно «обозникам», порой делали попытки их самостоятельного пресечения. Так, видя разгульное поведение тыловиков в Екатеринодаре осенью 1918 г., корниловцы выступили с «просьбой», фактически же - с навязыванием командующему в качестве коменданта города помощника командира своей офицерской роты поручика В.Н. (или М.Н.) Гракова.¹³⁹ Налицо явная претензия на преторианство. Другим примером служит тайная «офицерская чрезвычайка» в Одессе, уничтожавшая «внутренних врагов» - проворовавшихся контрразведчиков, - которую опи-

сал и заклеил Шульгин. Нельзя не согласиться, что такие шаги означали «весьма плохо прикрытый «бунт».¹⁴⁰ В то же время, бурное негодование Шульгина – не более чем ловкая конспирация, ибо одесская группировка возникла при его живейшем участии.¹⁴¹

Аферы, спекуляции, вымогательства и насилия многочисленных контрразведок, особенно «вольных», полуофициальных, буквально вошли в поговорку. Злоупотребления получили широкое распространение во многом из-за поразительно неразборчивой кадровой политики, в силу чего контрразведчиками легко становились и большевики,¹⁴² и приспособленцы-конформисты. В частности, будущий советский поэт, известный романтик революции Эдуард Багрицкий неоднократно метался из лагеря в лагерь, а осенью 1919 г. служил в той самой одесской контрразведке.¹⁴³

Но ни в коем случае нельзя считать добровольческим движением антиденикинское выступление капитана Н.Н. Орлова в январе 1920 г. Его участниками стали исключительно тыловые офицеры (контингенты ВСЮР), озлобленные на командование за военное поражение только ввиду собственного панического страха перед отправкой на фронт.¹⁴⁴ Лишь малочисленность и полная изоляция спасла от возвращения на круги своя, к ситуации мятежа запасных частей в феврале 1917 г.

Своеобразием и сложностью отличалось отношение к казакам Донской и Кавказской (затем Кубанской) армий. Уже в 1918 г. наметилась тенденция вытеснения их из стародобровольческой иерархии, о чем свидетельствует переименование Партизанского пешего казачьего полка в Партизанский генерала Алексева пехотный.¹⁴⁵ И если бытовые конфликты собственно добровольцев между собой протекали достаточно семейно, то с казаками складывались острее. Часто они провоцировались казачьей стороной, когда происходили нападения на добровольческие караулы, например, у винных складов, причем караульные едва избегали расстрела.¹⁴⁶ При виде даже «своих» казачьих грабежей (3-м Кубанским конным корпусом Шкуро, входившего непосредственно в Добровольческую армию) добровольцы обычно вступались за население, что вело к ежедневным стычкам. Офицера-казака, ударившего нагайкой одного из них, чины Сводно-стрелкового полка едва не подняли на штыки.¹⁴⁷ Характерно присутствие добровольческих представителей при 4-м конном корпусе генерал-лейтенанта К.К. Мамантова во время его рейда в августе-сентябре 1919 г.; в своих особых воззваниях они вольно или невольно старались привлечь пополнения к себе, фактически перехватывая их у казаков.¹⁴⁸

Постепенно проявлялись и идейно-политические разногласия: для добровольцев автономизм казаков был тяжким грехом. Наконец, нестойкость и неспособность казачьей конницы, ее частые отступления зимой 1919/1920 гг., подставлявшие добровольцев под удар, ожесточали их окончательно. Командир 1-го Дроздовского полка Туркул в специальном рапорте требовал «отрешиться от мнения, что казаки — лучшая кавалерия».¹⁴⁹ Чрезвычайно симптоматичны нередкие самовольные расстрелы одиночных казаков за неотдание чести и затевание драк, особенно дроздовцами и другими частями Добровольческого корпуса (отдельные такие случаи имели место еще летом 1919 г.).¹⁵⁰ При эвакуации Новороссийска кутеповский корпус оттеснил от судов донскую конницу, чем подтвердил отношение к казакам как к второсортному воинству. Вопреки распространенному утверждению о произвольности этих действий, Деникин признает их полную согласованность с ним.¹⁵¹

Непросто складывалось отношение офицерства и к мирному населению. С одной стороны, оно олицетворяло собой тот самый народ, борьба за который широко декларировалась. И контакты со средним русским обывателем, ждавшим «освобождения», завязывались весьма доброжелательно. Воспоминания пестрят сентиментальными историями о том, как в Ливнах марковцы кормили голодных жителей из полевых кухонь, как в Екатеринодаре и Нежине офицеров наперебой зазывали в гости, делились пасхальными куличами и т. д.¹⁵² Их изобилие указывает на отсутствие широких симпатий со стороны других слоев, вынуждавшее смаковать сравнительно немногочисленные примеры. В то же время квартировавшие добровольцы не допускали грабежей и погромов в занятых кварталах, почему жители нередко радовались постою.¹⁵³ Некоторым строевым командирам, подобно Н.С. Тимановскому, удавалось не только пресечь притеснения населения, но и завоевать симпатии крестьян, заявив им: «... пусть не обращают внимания на требования всяких там помещиков».¹⁵⁴ Рабочие, как уже упоминалось, получали жалование, в несколько раз превосходящее офицерское и позволявшее жить вполне сносно.

Однако для рабоче-крестьянской массы офицерская армия оказывалась все равно чуждой. Еще не столкнувшись с ней, возникал следующий стереотип: «Идут - видимо-невидимо, и все князья и графья, кричат «гады» и бьют всем морды».¹⁵⁵ Со средними слоями города отношения портили и эксцессы, и сама презрительно-высокомерная позиция добровольцев. Небезосновательное, но огульное восприятие интеллигенции как «социалистов», виновных в революции и обязанных «просить

прощения»,¹⁵⁶ отталкивало просвещенные круги. Наконец, согласно разведсводкам РККА, добровольческое офицерство к лету 1919 г. было «материально не обеспечено, озлоблено против буржуазии».¹⁵⁷ В белых мемуарах содержатся обширные подтверждения, в том числе откровенные эпитеты «буржуи проклятые», «сволочи», «недорезанные», «довольные хари», «тыловое сало» и т. п.¹⁵⁸ И данные настроения реализовывались на практике.

Перед штурмом Харькова командир Сводно-стрелкового полка полковник Т. К. Гравицкий прямо заявил подчиненным: «Вот, ребята, возьмем Харьков, - все должны пригодиться. Тряхните жидами и буржуями, и они вас оденут».¹⁵⁹ Естественно, в добровольческой массе это встречало однозначное. Позднее в Харькове лица в дроздовской форме под видом обыска совершали налеты на богатые квартиры. Сочувствующий белым очевидец предполагал, что действовали переодетые грабители,¹⁶⁰ хотя не менее вероятно участие настоящих офицеров. Изначально нищая, полуголодная армия видела несогласие деловых и финансовых кругов, благоденствовавших за ее штыками, оказать малейшую материальную поддержку - и никоим образом не желала роли «наемников буржуазии». Правда, реальность не всегда соответствовала этим искренним пожеланиям.

Традиционный для русской армии антисемитизм в добровольческой среде имел неоднозначное воплощение. Массовые еврейские погромы совершались в основном казаками, а недобровольцами.¹⁶¹ Экстремисты, убежденные, что «негодяя еврея следует убить уже за одно то, что он еврей, если он даже не виновен ни в чем другом», были в Добровольческой армии немногочисленны, и сами, даже встречая их враждебные выходки, часто ограничивались только издевательским хулиганством. Например, офицеры заказали обед, оплатили его, но не получили, причем хозяева корчмы действовали вполне преднамеренно. В ответ дроздовцы «всего лишь» осквернили еврейскую пасху, связали всех обитателей дома и заперли на ночь, предварительно напоив касторкой. При этом стабильный офицер признавал, что «это - мальчишество, и притом мальчишество очень низкой марки и очень дурного тона. Может быть, да. Но... моим «мальчишкам»... слишком часто приходится играть роли трагических персонажей, так что иногда, изредка, переменить амплуа на комическое - ничего».¹⁶² Характерно, что в данном случае начальник вполне понимал необходимость психологической квазиразрядки и принимал ее как должную. Иной раз офицеры специально выискивали среди пленных евреев, забирали их якобы на пополнение, а на деле убивали, предварительно выпоров шомполами; но такие проявления встречали негативную оценку со стороны большинства.¹⁶³

Грабежи же, нередко сопровождавшиеся разгромом лавки или мастерской, а то и убийствами, все равно в первую очередь обрушивались на евреев. Особенно отличались в этом смысле кавалерийские части, офицеры которых вполне спокойно признавали наличие обычая «потрошить жидов»,¹⁶⁴ в частности, у изюмских гусар и 2-го Офицерского конного Дроздовского полка, причем порой дело доходило до вооруженных стычек между эскадронами за преимущество в разграблении мало-мальски зажиточного еврея.¹⁶⁵ Причиной антисемитского взрыва являлись как нравственное огрубление и привычка к насилию вообще, так и поиск врага-инородца, свойственный националистическим движениям, и действительно крупная доля евреев среди большевистского руководства. Не случайно Деникин приводил целую соответствующую статистику.¹⁶⁶

Неуклюжая антисемитская агитация ОСВАГа часто упоминается как слабость белых, а между тем в гражданских учреждениях ВСЮР работало множество евреев, хотя очевидец писал: «Всюду и везде усиливается настроение против жидов. Самые либеральные круги с пеной у рта ругают их, накапливается электричество, в воздухе пахнет грозой, а между тем в Красном Кресте и в отделе пропаганды этих господ набирается все больше и больше. Чем же это объяснить?».¹⁶⁷ На фоне указанных настроений офицерство выглядит вполне в своей стихии, лишь реализуя то, о чем другие просто говорили.

Отметим, что наиболее рассудительные и дальновидные командиры понимали грозность симптома антисемитизма. Во время похода на Дон Дроздовский — как он сам признавался, «рожденный, убежденный юдофоб» — предотвращал погромы, сурово карал бандитов и погромщиков по всему пути следования, чем завоевывал благодарность и даже радушие в проходимых местечках.¹⁶⁸ Начальник 2-й кавалерийской дивизии полковник И.Г. Барбович активно боролся с насилиями над еврейским населением, подвергая виновных наказаниям и вешая зачинщиков.¹⁶⁹ Грозный командир 1-го армейского корпуса Кутепов изымал антисемитские издания и решительно расстреливал даже офицеров-первопоходников, очень трезво заявляя при этом: «Сегодня громят евреев, а завтра те же лица будут громить кого угодно другого».¹⁷⁰ К таким действиям начальников побуждало не столько нежелание конфликта с населением, сколько опасение окончательной деморализации подчиненных.

Весьма знаменательно отношение добровольцев к иностранцам. Как мы видели, антигерманские настроения присутствовали с самого начала борьбы, а союзнические симпатии к странам Антанты угасали стремительно и необратимо. Ощуще-

ние некоторой зависимости от иностранного влияния оценивалось резко отрицательно и подстегивалось нередкими фактами пренебрежения к россиянам. В частности, эвакуированные на лечение за границу офицеры неожиданно наткнулись у входа в кафе на острове Принкипо на красноречивое объявление: «Русским вход строго воспрещен!»¹⁷¹ Отказ англичан от помощи весной 1920 г. считался предательством, а французские ограничения в Галлиполи - неблагодарностью. Этническое унижение при виде иностранцев, ведших себя в России почти «в качестве завоевателей»,¹⁷² вело к подъему агрессивного национализма, демонстративного игнорирования всего чужеродного, что постепенно усиливалось и особенно ярко проявилось в эмиграции. Единственное исключение касалось славянских государств и народов Балкан и Восточной Европы, продолжавших казаться братским.

Поэтому наряду со страстным стремлением к победодобровольцы хотели полностью расчитаться с иностранцами, чтобы выйти из положения должников, «жалких банкротов». Такие настроения отчетливо и надрывно выразил в ноябре 1919 г. один из чинов Вооруженных Сил Юга России, никому тогда еще не известный МА Булгаков: «И вот пока там, на Западе, будут стучать машины созидания, у нас от края и до края страны будут стучать пулеметы...

Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их...

Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова.

И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень подно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы...»¹⁷³

Не менее интересно выяснить и отношение к добровольцам со стороны других, так как это позволяет увидеть их мировоззренческие особенности извне, достигая более полного освещения. Сразу оговоримся, что внимание следует уделить наиболее значимым неоднозначным позициям. Противник, настроенный открыто враждебно, специально не рассматривается, и ему можно посвятить только два замечания. Максимальное озлобление и целенаправленный террор адресовался «цветным» частям — уже весной 1918 г. среди захваченных раненых красные «искали эмблемы Корниловского полка, истязали или добивали тех, у кого их находили».¹⁷⁴ В то же время большевики порой открыто признавали порочность белых: бросив своих раненых при отходе из Ставро-

поля осенью 1918 г., они снабдили лазареты надписями «Доверяются чести Добровольческой армии». ¹⁷⁵ Трудно решить с полной уверенностью, была ли то искренняя надежда на благородство или простой расчет на сентиментальность полунинтеллигентского ¹⁷⁶ офицерства; но в любом случае добровольцы действительно не тронули раненых

Интеллигентско-обывательские и буржуазные круги быстро начинали бояться буйных «освободителей» с не меньшей силой, чем раньше ждали их прихода. Поводом становилось обилие бытовых эксцессов, но причина состояла в полном непонимании совершенно чуждого идейно-нравственного мира добровольческого офицерства. Так, смаковавшие Н.В. Савичем «грубые проявления произвола и насилия» относительно гражданского населения Новороссийска в марте 1920 г. со стороны марковцев при внимательном прочтении оказываются лишь принудительной мобилизацией, ¹⁷⁷ речь о которой шла в предыдущей главе. Столь уродливое восприятие необходимой меры «приличной» тыловой публикой, насыщенной откупившимися от службы и дезертирами, обуславливалось лишь нежеланием самой нести тяготы борьбы.

Рост неприязни казаков, особенно кубанских самостийников, начался до проявления враждебности со стороны добровольцев и во многом провоцировал ее. «И лишь страх перед вооруженной силой не давал вырваться наружу тем выходкам, которые позволяли себе кубанцы по адресу одиночных офицеров и солдат-добровольцев». ¹⁷⁸

Наконец, само командование относилось к добровольчеству весьма сложно. С одной стороны, Деникин прямо писал: «Главной своей опорой я считал добровольцев». ¹⁷⁹ Ближе всего это касалось «цветных», среди которых еще оставались несгибаемые соратники по братству первопоходников. Многие «полевые командиры» - марковцы Тимановский и Блейш, дроздовцы Витковский и Туркул, и в первую очередь сам Кутепов - были лично знакомы с Главнокомандующим и пользовались (прежде всего Кутепов и Туркул) его особым благоволением. ¹⁸⁰ И стародобровольческое офицерство, при всей критике «слабости» вождя, отвечало взаимностью. Не случайно после известия о его уходе дроздовцы телеграфировали, «что никого не признают, кроме Деникина, а всякого другого расстреляют», ¹⁸¹ и все командиры частей Добровольческого корпуса (и под их давлением Кутепов) при избрании преемника выражали ему полное доверие, просили остаться на посту Главнокомандующего и были готовы принудить к тому других участников. ¹⁸² Еще в августе полковая верхушка 83-го пехотного Самурского полка (созданного на ос-

нове дроздовского кадра, то есть добровольческого, лишь названием напоминавшего дореволюционный) ходатайствовала о переименовании в 1-й Солдатский генерала Деникина полк,¹⁸³ - иначе говоря, о превращении в именной.

Сама традиция создания именных частей обычно означала закрепление уже сложившегося неофициального положения «личной гвардии» конкретного генерала. И Корнилов, и Дроздовский, и Марков были для получавших их шефство подлинными кумирами, знали и рассчитывали на это. Весьма показателен пример обращения Алексеева к 1-му Офицерскому конному полку, состоявшему из соратников генерала еще по петроградским организациям, но получившему шефство после его смерти. В подготовленной речи, начинавшейся с небывалого двукратного приветствия, Алексеев благодарил «за великую боевую службу доблестного полка» - и «воспитывал» будущих подшефных, требуя сдерживания человеческих слабостей и порывов молодости во избежание позорящих арестов.¹⁸⁴

Неформальный авторитет «цветных» на практике подспудно поощрялся командованием, выражаясь и в стремлении штабных чинов быть хотя бы номинально причисленными к именовым частям. Так, в июле 1919 г. в списки 1-го Марковского полка, более того - в самую почетную 1-ю «роту генерала Маркова», где служили в основном «коренные марковцы», - попал помощник начальника разведывательного отдела штаба Главнокомандующего ВСЮР капитан Б.Г. Шкиль, - правда, тоже первопоходник.¹⁸⁵ В оперативном отделе того же штаба служили дроздовцы-походники В.С. Дрон и П.В. Колтышев.¹⁸⁶ Охранная рота и Особая офицерская Ставки Главнокомандующего ВСЮР рота состояли из марковцев и, по некоторым сведениям, условием перевода туда были участие в 1-м Кубанском походе и наличие ранений.¹⁸⁷ Шоферы Ставки тоже набирались из марковцев; Марковская инженерная рота обеспечивала связь штабов армий и корпусов в масштабах ВСЮР.¹⁸⁸ Внутри самой Добровольческой армии, вполне естественно, адъютантами командующего были дроздовец (знаменитый «адъютант его превосходительства» - самозванный капитан (прапорщик) П.В. Макаров, агент большевиков) и поручик-марковец.¹⁸⁹

С другой стороны, тот же Деникин весьма настороженно воспринимал преторианские амбиции «любимцев», что служило основанием некоторого торможения служебного роста молодых и энергичных кадров. Известно, как к концу 1919-началу 1920 гг. начальники дивизий, командиры бригад, а то и полков, Манштейн, Пешня, Скоблин, Туркул, Харжевский, в большинстве 25-30-летние, претендовали на генеральство, но от Деникина его так и не

дождались. Капризность и эгоцентризм Добровольческого корпуса проявились в требовании его командира Кутепова от 23 февраля 1920 г. об исключительных преимуществах при возможной эвакуации, о фактическом предоставлении ему диктаторской власти по всему маршруту отступления и о контроле над отъездом Ставки и правительственных учреждений. В заключении Кутепов многозначительно подчеркнул, что выступает «в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства»; Деникин в «Очерках Русской Смуты» отметил свою реакцию предельно четко: «Вот и конец».¹⁹⁰ Как проговорился Кутепов, он и предполагал именно такую реакцию.¹⁹¹ Данный сюжет до сего времени никем не рассматривался, тогда как он заслуживает пристального внимания.

Казалось бы, весьма непонятна реплика Деникина о совершенно другой дате, когда генерал писал, что день *28 февраля* стал одним из самых черных дней в его жизни. Особенность деникинских мемуаров состоит в чрезвычайном обилии недомолвок относительно событий тех дней. Только архивные материалы помогают прояснить ситуацию. Как раз 28 февраля начальник Дроздовской дивизии генерал-майор Витковский начал зондировать почву о переходе Добровольческого корпуса на сербскую службу, ссылаясь на разрешение Деникина, который в действительности нечего не подозревал.¹⁹² (Впрочем, начдив искренне верил в деникинское согласие, так как был намеренно дезинформирован Кутеповым, начавшим интригу против Главнокомандующего и пытавшимся внушить тому уверенность во всеобщем недовольстве добровольцев.) Сербские представители передали письмо Витковского, где прямо говорилось о поручении Кутепова, Деникину, для которого оно, естественно, «оказалось совершенно неожиданным». Скорее всего именно тогда, а даже не под влиянием кутеповской телеграммы, Главнокомандующий впервые подумал об уходе уже вполне определенно.

Почти сразу же по прибытии в Крым, едва не у трапа транспорта, Кутепов, судя по его докладу Деникину, получил приглашение командира Крымского корпуса генерал-майора Слащова прибыть к нему в штаб, в Джанкой, где тот заявил о всеобщем недовольстве Главнокомандующим и о якобы готовящемся 23 марта восстании представителей армии, флота, духовенства и населения, которое «попросит» его уйти. Слашов пригласил Кутепова принять участие, упирая на отрицательное отношение к Главнокомандующему и в Добровольческом корпусе, но встретил отказ со ссылкой на лояльность добровольцев. Командир Добровольческого корпуса тотчас отбыл в Феодосию и доложил Деникину о случившемся. Такова версия Кутепова.

Однако она вызывает большие сомнения. Слащов в воспоминаниях ни словом не обмолвился ни о встрече с Кутеповым, ни о подобном разговоре. Более того, он прямо указывал на кутеповское стремление заменить Деникина собой, основанное на склонности к интригам, а неудачу замысла объяснял отсутствием чьей бы то ни было поддержки. Конечно, отношения двух командиров корпусов были недоброжелательными, но именно поэтому мы не вправе отдавать исключительное предпочтение версии одного из них. Допустив, что Кутепов действительно стремился подтолкнуть Главнокомандующего к уходу и занять его место, можно убедиться, что все его прежние и последующие поступки тех дней оказываются уже не противоречивыми, а весьма логичными и последовательными.

В составленной в эмиграции записке командир Добровольческого корпуса, описывая встречу со Слащовым, трактовал ее уже несколько иначе. Он признался, что, характеризуя настроения подчиненных, сделал оговорку - «хотя и есть, может быть, некоторая критика штаба Главнокомандующего, в связи с оставлением территории Юга России и эвакуацией в Крым».¹⁹³

По свидетельству же генерал-майора Шапрона-дю-Ларрэ, Кутепов по прибытии в Феодосию вел себя очень странно. На вопрос о цели приезда он отвечать сначала отказался, и только после уговоров заявил: «Плохо, очень плохо. В армии идет брожение, недовольство»,¹⁹⁴ - после чего был допущен к Деникину немедленно. Затем, выйдя из кабинета, «он был еще более нервным. Горланно сказал, что генерал Деникин отказывается быть Главнокомандующим. В ответ Шапрон-дю-Ларрэ высказал твердое убеждение, что такое решение явилось исключительным следствием кутеповского визита и превратно поданной информации. Кутепов возразил: «Я сказал то, что есть. Все части недовольны Ставкой и не желают больше видеть во главе генерала Деникина», - и повторил: «Части Добровольческой армии не хотят Деникина».¹⁹⁵ То есть тональность высказываний резко отличалась от той, о которой сообщал сам Кутепов.

Однако в дальнейшем разговоре выяснились его серьезные преувеличения, так как в качестве примера недовольства были приведены только корниловцы и кавалеристы; более того, командир корпуса признал совершенную лояльность дроздовцев, алексеевцев и почти всех марковцев. Совершенно сменив тон и впад в задумчивость, Кутепов признал, что недовольная депутация корниловцев еще не мнение всей дивизии, и обещал категорически потребовать от Деникина остаться. Возможно, генерал спохватился и стал пытаться замаскировать собственные расчеты, которые едва не раскрыл; возможно же, он наме-

ренно обнаруживал их, чтобы оказывать психологическое давление на Главнокомандующего. Но Деникин все равно был совершенно потрясен. Столь же глубокое впечатление визит командира Добровольческого корпуса произвел и на смещенного с должности начальника штаба и назначенного помощником Главнокомандующего генерала Романовского, который первым подал мысль о сборе старших начальников.¹⁹⁶

Излагая содержание разговора, Главнокомандующий отмечал, что Кутепов доложил ему о надежном и удовлетворительном настроении в двух дивизиях корпуса, а еще в двух - о неблагоприятном.¹⁹⁷ В сочетании с сообщением о «происках» Слашова информация Кутепова преследовала несколько целей. Во-первых, «всеобщее недовольство» окончательно толкало впечатлительного Деникина на уход. Во-вторых, очернялся Слашов как претендент на власть — и как конкурент. В-третьих, сам Кутепов, открыто докладывавший о положении, оборачивался прямо-таки столпом верности. Вызов старших начальников Кутепов поддерживал, причем предложил не собирать совещания, а обсудить положение с ними поодиночке. Его расчет можно увидеть и тут: поставить Деникина перед лицом суммарного общего недовольства, а самому быть рядом и надеяться - в роли «верного советника» - на передачу власти. Но Главнокомандующий разом спутал карты, поставив Кутепова перед фактом созыва Военного совета с правом избрания преемника. Весьма показательно, что идея совещания, к тому же под председательством не Деникина, а генерала Драгомирова, вызвала одинаковое недовольство и Кутепова, и Слашова.¹⁹⁸

Отсюда объяснимо и на первый взгляд непоследовательное поведение командира Добровольческого корпуса в день начала заседаний. На предварительном совещании старших начальников Дроздовской дивизии «было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Пришедший позже Кутепов говорил о твердом желании Главкома оставить свой пост, но это не поколебало единодушия дроздовцев. «У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия... Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него», - вспоминал один из участников, генерал-майор М.Н. Ползиков. То же повторилось и на совещании всех старших начальников корпуса. «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина... Невольно вспомнились

слухи о его неладах с генералом Деникиным и о «подкапывании». Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному» поведению командира корпуса.¹⁹⁹

Думается, ларчик открывается просто, если исходить из нашего понимания. Значительную часть Военного совета составили командиры дивизий и даже полков Добровольческого корпуса, а окрестности дворца, где проходили заседания, были фактически блокированы оцеплением офицеров-дроздовцев. При таком раскладе Кутепов мог наивно рассчитывать на избрание. Но неожиданным и роковым препятствием стало упорство, с которым начальники частей корпуса держались за Деникина. Именно на предварительных консультациях Кутепову было многозначительно заявлено о готовности расстрелять любого претендента; впоследствии генерал вспоминал, как «возбуждение в настроении моего корпуса все больше и больше возрастало; многие горячие головы хотели уже принять решительные меры».²⁰⁰ Крушение надежд буквально на глазах и стало причиной кутеповской подавленности.

Характерно, что на Военном совете добровольцы вначале помалкивали, давая высказаться остальным. И только когда первый сумбур поулегся, прозвучало имя Врангеля и началась подготовка бюллетеней, Кутепов наконец-то отчетливо понял, что на карту поставлен его авторитет среди подчиненных и необходимо проявить единодушие с ними. Он встал и внушительно заявил о доверии Деникину, невозможности для себя принять участие в выборах и категорическом отказе от них. Его выступление шумно поддержали представители Добровольческого корпуса; Витковским была составлена соответствующая телеграмма в Ставку, - впрочем, без подписи Кутепова.²⁰¹ (Видимо, Витковский проявлял особое рвение из-за двусмысленного положения, в которое он попал по милости командира корпуса со своим письмом сербскому представителю.)

Получив же на следующий день приказ Главнокомандующего о назначении Врангеля (и находясь в изоляции от подчиненных на узком совещании старших генералов), оставалось подчиниться. Но и тут имеются разночтения. Записям Ползикова противоречит дневник Витковского, который свидетельствует: после удаления с Военного совета начальников дивизий и командиров полков их яростные протесты возымели действие, произошло «признание генералом Драгомировым своей ошибки и извинение. *Возобновление общего совета.*»²⁰² (Выделено нами - РА.) Иначе говоря, Кутепов в изоляции не был, но и поддержки подчиненных не получил. Приказ же Деникина положил конец и пер-

воначальным намерениям Кутепова, и противодействию уходу Главнокомандующего со стороны строевых добровольческих командиров.

Как бы то ни было, эти события со всей очевидностью продемонстрировали влияние именно «стародобровольческой» группировки.

В свою очередь, исключительность положения Добровольческой армии вызывала с весны 1919 г. усиливавшееся недовольство других частей ВСЮР. Врангель - правда, еще в бытность командующим Кавказской армией - отмечая «безмерные подвиги» и «заслуженную славу» добровольцев, в письме Деникину сожалел о предпочтениях и заботах, отданных командованием им в ущерб прочим.²⁰³ Через год Слашов, державший в ежовых рукавицах и войска, и тыл, узнав о прибытии на полуостров скандально известного кутеповского воинства, небезосновательно обмолвился в приказе: «Теперь прощай порядок в Крыму!»²⁰⁴ Помимо изрядной дозы фрондерства, данное заявление содержало прямое противопоставление с «коренными» добровольцами. Слашов резко отрицательно оценивал и стремительные карьеры «вундеркиндов», как он пренебрежительно называл юных генералов и полковников, и почти не допускал такого в своих войсках.²⁰⁵ Критика содержала и справедливые моменты - за игнорирование талантливых офицеров, пришедших в Белое движение позже, - и упрямое нежелание признавать большую осторожность командования при выдвижении молодых.

Сменивший Деникина на посту Главнокомандующего Врангель первоочередной задачей считал подъем боеспособности войск путем решительного морально-дисциплинарного оздоровления и отдыха. «Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены», - отмечал очевидец, приписывая это и воодушевлению от первых выступлений и приказов Врангеля, и неким «элементарным мероприятиям».²⁰⁶ Разумеется, в реальности поразительная результативность была достигнута как раз благодаря «фонарной деятельности» Кутепова, беспощадно вешавшего «офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть не за каждое разбитое в ресторане стекло».²⁰⁷ «С просьбами о помиловании по таким делам обращаться ко мне запрещаю, несмотря ни на служебное положение, ни на прошлые боевые заслуги»,²⁰⁸ - объявил он в приказе, тем самым окончательно аннулируя негласную неподсудность первопоходников. Этот единственно возможный путь был вполне созвучен предложению нового начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта П.С.

Махрова — «появление на улице в явно нетрезвом виде считать преступлением, влекущим предание военно-полевому суду и смертной казни».²⁰⁹ Активно практиковались расстрелы за грабеж и разжалования за дебоши.

На успех восстановления порядка повлияли следующие факторы. Во-первых, энергичность, бескомпромиссность и широкое применение суровых карательных мер, уничтоживших уверенность во вседозволенности и безнаказанности. Во-вторых, «во время долгого отступления произошел *естественный отсев*» - слабовольные, разочарованные, а также падкие на добычу от побед явно преступные элементы, покинули армию, так как «ее новый нравственный курс им был не по плечу».²¹⁰ В-третьих, среди добровольцев всегда была и тогда усилилась широкая прослойка, молчаливо осуждавшая насилия, а иной раз и расстреливавшая даже первопоходников, как случилось во 2-м Корниловском полку под Орлом.²¹¹ Эти офицеры выказали мощную поддержку новому курсу, ожидая, что «Врангель всех, господа, подтянет» и «вот если б офицера на вешалку вздернули».²¹² Поэтому, вопреки опасениям, личный состав подчинился, а не взбунтовался окончательно.

С этого времени наблюдался малозаметный и вместе с тем настойчивый идейно-нравственный возврат к подвижничеству первопоходников: «Не будем бояться язв своих. Чтобы от них избавиться, нужно их обнаружить. А чтобы их обнаружить, нужно обрести смирение».²¹³ Не распространившись широко, он охватил лучших представителей добровольчества, среди которых витали ожидания зарождения «какого-нибудь ордена, рыцарского общества».²¹⁴ Особенно сильно эти настроения проявились в первые эмигрантские годы; наиболее ярким примером оказался возникший в 1922 г. в среде корниловцев проект основания в армии «рыцарского Ордена Св. Александра Невского», главным лозунгом которого наряду со служением Родине и антибольшевизмом стала «беспрерывная работа над собой, борьба со своими дурными привычками и наклонностями везде, всегда и при всяких обстоятельствах». Офицеры подчеркивали, что вступление в него «должно производиться не просто записью, а после того, когда каждый проникнется задачами и целью Ордена, уверует в необходимость и спасительность этой идеи, после того, как проверит себя, подготовит и очистит искренним раскаянием перед самим собой свое сердце, сознается в своих ошибках и заблуждениях, и только когда *почувствует в себе СИЛЫ на ВЫСОКИЙ И РЫЦАРСКИЙ ПОДВИГ* пусть даст обещание быть истинным и верным рыцарем... Никаких прав и преимуществ Орден не дает, но одни обязанности, и обязанности далеко не легкие».²¹⁵

Безусловно, главное здесь не в выполнимости идеалистического, почти иррационального порыва, а в его иллюстрации настроений. В то же время, большинство эмигрантов из числа готовых к активным действиям «наследником Добровольческой армии считали Русский Обще-Воинский Союз.²¹⁶

Возвращаясь к мероприятиям Врангеля, необходимо остановиться на его решении изменить название армии. Говоря о превращении термина «Добровольческая» в нарицательное обозначение всего денikinского правления, новый Главнокомандующий достаточно объективно утверждал его дискредитацию даже в глазах офицерства, причем главной из названных генералом причин было «недостойное поведение засоривших армию преступных элементов».²¹⁷

Врангель был совершенно согласен с Махровым и в признании безнадежного провала плана развертывания войск путем возрождения староармейских частей.²¹⁸ Приказ № 3012 от 16 апреля 1920 г. о реорганизации армии, бесповоротно сводивший их многочисленные ячейки (особенно регулярной кавалерии) в номерные полки,²¹⁹ по существу означал победу «добровольческого» принципа создания новых войсковых единиц. Единственной уступкой чувствам «регулярных» стало разрешение сохранить традиционную полковую форму, но на перспективах выделения в самостоятельные части был поставлен жирный крест. Более того, всячески рекламировалась мысль, что «занятие какой-либо должности не зависит от чина, а потому малая должность с высоким чином не только не умаляет достоинства носящего этот чин, но служит признаком верности долгу перед Родиной».²²⁰ Среди семи членов Орденской Николаевской Думы пятеро являлись представителями именных полков, в том числе четыре корниловца, включая председателя Скоблина.²²¹ Налицо прямое подтверждение незыблемости иерархии стародобровольческой корпорации, проецировавшейся теперь, к тому же, на все остатки ВСЮР.

Таким образом, вопреки стойкому имиджу «реформатора», Врангель лишь обуздал офицерскую вольницу, упорядочил тыловой хаос и произвел смену вышески. Несмотря на серьезное духовно-нравственное оздоровление, идейно-мировоззренческий облик и ценностный мир офицеров-добровольцев остался прежним, ибо просто не мог быть изменен приказом. Главнокомандующий это понимал и должен был в целом принять. Будучи заинтересован прежде всего в поддержке «цветных», Врангель буквально в первые недели и даже дни произвел их командиров в долгожданные генеральские чины Скоблина - 26 марта, Туркула - в апреле, Пешню - в мае, и т.д.²²² Следовательно, добровольческое офицерство сохранило и укрепило свое доминирующее положение, уверенно распространив его на всю Русскую армию.

- ¹ Ларионов ВА Указ соч. С. 18,132.
- ² РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Лл. 17-18.
- ³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259-Лл. 85, 119-120.
- ⁴ Там же. Лл. 83-84,86.
- ⁵ Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях: Былое и думы бывшего эмигранта. - М.: Мысль, 1969. С. 104.
- ⁶ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 225-226.
- ⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ⁸ Там же. Л. 29.
- ⁹ Цит. по: Критский МА Указ. соч. С. 63-
- ¹⁰ Кравченко Вл. Указ. соч. Т. 1. С. 20.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 91.
- ¹² Цит. по: Белый Свет России. С. 77.
- ¹³ Там же. С. 77-78.
- ¹⁴ Венус ГД Указ. соч. С. 247.
- ¹⁵ Лампе АА Указ. соч. С. 250.
- ¹⁶ За Родину: Сб. очерков и рассказов из жизни и быта Добровольческой армии. Вып. 1. - Одесса: ОСВАГ, 1919. С. 15-
- ¹⁷ Макаров П.В. Указ. соч. С. 88,116.
- ¹⁸ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Лл. 19 об., 28 об.
- ¹⁹ Махров П.С. В штабе генерала Деникина. С. 153-154.
- ²⁰ Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера/Вступит, ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского. - СПб.: «Интерполиграфцентр» СПбФК, 1992. С. 71.
- ²¹ Ларионов ВА Указ. соч. С. 149; Мейснер ДИ. Миражи и действительность: Записки эмигранта. - М.: АПН, 1966. С. 110.
- ²² РГВА Ф. 39688. Оп. 1. Д. 13. Л. 132.
- ²³ «Там же. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Лл. 57,63,67,70,81,112,124,138,141,148 об., 149, 162, 168,176.
- ²⁴ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 60.
- ²⁵ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 1. С. 382, 385.
- ²⁶ Эфрон СЯ. Указ. соч. С. 168.
- ²⁷ Критский МА Указ. соч. С. 94.
- ²⁸ Ларионов ВА Указ. соч. С. 126-127; Очерк об участии 1-го Офицерского генерала Маркова полка во Втором Кубанском походе (автор не указ.)/Предисл., публ. и коммент. Р.Г. Гагкуева// Белая Гвардия -1999/2000 - № 3 - С. 38.
- ²⁹ ГАРФ. ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259- Л. 116.
- ³⁰ Там же. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.
- ³¹ Росс Н.Г. Указ. соч. С. 77; Русская военная эмиграция 20-40-х годов: Документы и материалы/ Отв. сост. И.И. Басик. Т. 1. Кн. 2. - М.: Гея, 1998. С. 97.
- ³² Федюк В.П. Указ соч. С. 255.
- ³³ Доброволец - 1936 - Февр. - № 1 - С. 3.
- ³⁴ РГВА Ф. РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 49.
- ³⁵ Венус ГД Указ. соч. С. 326-328; Мейснер ДИ. Указ. соч. С. 91,113; Пылин Б. Указ. соч. С. 118.
- ³⁶ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.
- ³⁷ Венус ГД Указ. соч. С. 35; Савич Н.В. Указ. соч.//Москва - 1991 - № 11 - С. 35.
- ³⁸ Туркул АВ. Указ соч. С. 49.
- ³⁹ Венус ГД Указ соч. С. 185.
- ⁴⁰ Мамонтов СИ. Указ соч. С. 68-69.

- ⁴¹ Богаевский А.П. 1918 год//Белое дело. Ледяной поход. - М.: Голос, 1993. С. 66-69.
- ⁴² Туркул А.В. Указ соч. С. 32-33-
⁴³ Там же. С. 98-99, 125; Венус ГД Указ соч. С. 192.
- ⁴⁴ Мамонтов СИ. Указ соч. С. 70.
- ⁴⁵ Туркул А.В. Указ соч. С. 125.
- ⁴⁶ Врангель П.Н. Указ соч. Кн. 1. С. 256.
- ⁴⁷ Мамонтов СИ. Указ соч. С. 80.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Лл. 75-76.
- ⁴⁹ Веркеенко Г.П., Минаков СТ. Указ соч. С. 42.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 24.
- ⁵² Венус ГД. Указ соч. С. 332, 335.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 99.
- ⁵⁴ Булдаков В.П. Указ соч. С. 235.
- ⁵⁵ Гуль Р.Б. Конь рыжий. С. 228.
- ⁵⁶ Кулешов СВ. Размышления о революции//Отечественная история - 1996 - № 5 - С. 123.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 22.
- ⁵⁸ Там же. Лл. 35-36.
- ⁵⁹ Дроздовский М.Г. Указ соч. С. 22.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р- 5881. Оп. 1. Д. 259. Л. 76.
- ⁶¹ Там же. Л. 21.
- ⁶² Там же. Лл. 23, 81.
- ⁶³ Там же. Л. 117.
- ⁶⁴ Там же. Л. 119.
- ⁶⁵ Там же, Л. 23.
- ⁶⁶ Булдаков В.П. Указ соч. С. 234.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 82.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Л. 16 об.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Л. 55 об.
- ⁷⁰ Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова. С. 145-146.
- ⁷¹ РГВА Ф. 39725. Оп. 1. Д. 24. Лл. 62, 81-83.
- ⁷² Суворин А Поход Корнилова. - 2-е изд. - Ростов-на-Дону, 1919. С. 137-138.
- ⁷³ Сумские гусары 1651-1951. - Бузнос-Айрес, 1954. С. 280.
- ⁷⁴ Штейфон БА. Кризис добровольчества//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 260-261.
- ⁷⁵ Махров П.С. Доклад... С. 233-
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Л. 3.
- ⁷⁷ Цит. по: Федюк В.П. Указ соч. С. 259-
- ⁷⁸ Эфрон СЯ. Указ соч. С. 170.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 3. Л. 155.
- ⁸⁰ Залесский П.И. Главные причины неудач Белого движения на Юге России//Белый архив. Вып. II-III. - Париж, 1928. С. 160.
- ⁸¹ Врангель П.Н. Указ соч. Кн. 1. С. 218.
- ⁸² ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 3. Л. 169.
- ⁸³ Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. - Белград, 1929. С. 279-
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 308. Л. 74.
- ⁸⁵ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 199.
- ⁸⁶ Суворин А. Указ соч. С. 138.

- ⁸⁷ Там же. Лл. 3,4, 7, 29,42-42 об, 160,162.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1.Д. 1.Л. 56.
- ⁸⁹ Ларионов ВА Указ соч. С. 184.
- ⁹⁰ Веркеенко Г.П, Минаков СТ. Указ соч. С. 43.
- ⁹¹ Туркул А.В. Указ соч. С. 106.
- ⁹² Дневники, записи, письма генерала Алексеева... С. 232, 302.
- ⁹³ » РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.
- ⁹⁴ Там же. С. 30; Материалы для истории Корниловского... С. 52.
- ⁹⁵ Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 г./Сост. СТ. Минаков. - Орел, 1989- С. 30.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д 562. Л. 3-
- ⁹⁷ Там же. Л. 9.
- ⁹⁸ Ларионов ВА Указ соч. С. 104.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562. Л. 9.
- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
- ¹⁰¹ Шульгин В.В. 1920//Шульгин В.В. Дни. 1920/Сост. и вступ. ст. ДА Жукова; коммент. Ю.В. Мухачева. - М.: Современник, 1990. С. 305.
- ¹⁰² Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 232.
- ¹⁰³ Венус ГД Указ соч. С. 185, 329; Рутыч Н.Н. Указ соч. С. 48.
- ¹⁰⁴ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 37. Л. 11 об.; Туркул А.В. Указ соч. С. 17-18.
- ¹⁰⁵ См. об этом: Веркеенко Г.П, Минаков СТ. Указ. соч. С. 24-26.
- ¹⁰⁶ Ларионов ВА Указ соч. С. 141-143-
- ¹⁰⁷ Врангель П.Н. Указ соч. Кн. 2. С. 71-72.
- ¹⁰⁸ Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 321.
- ¹⁰⁹ Изюмцы в боях и походах... С. 144.
- ¹¹⁰ Штейфон БА Указ соч. С. 331.
- ¹¹¹ Попов КС. Указ соч. С. 214.
- ¹¹² Кривошее А Песни корниловца. - Ростов-на-Дону, 1919. С. 3-Ю; Ларионов ВА Указ соч. С. 221-228; Песни Белой России/Публ. А. Гайрабетова// Белая Гвардия - 1998 - № 2 - С. 97-103.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1.Д.3.Л. 164.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. Р-5853. Оп. 1.Д 2.Л.83.
- ¹¹⁵ Зими́на ВД. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны: Автореф. дис.... докт. ист. наук. - М, 1998. С. 32.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1.Д 1.Л. 52.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259- Лл. 110-112.
- ¹¹⁸ Венус ГД Указ соч. С. 230; Изюмцы в боях и походах... С. 144-146; Веркеенко Г.П, Минаков СТ. Указ. соч. С. 250; Туркул А.В. Указ соч. С. 53-54; Мамонтов СИ. Указ соч. С. 104.
- ¹¹⁹ РГВА Ф. 39725. Оп. 1. Д 8. Л. 150 об.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д 3. Л. 27.
- ¹²¹ Богаевский АП. Указ соч. С. 76.
- ¹²² Мейснер ДИ. Указ. соч. С. 96.
- ¹²³ Валентинов АА Крымская эпопея (По дневникам участника и по документам)//Архив русской революции. Т. 5- - Берлин, 1922. С. 9-
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 2. Л. 83-
- ¹²⁵ Венус ГД Указ соч. С. 274.
- ¹²⁶ Финляндец - 1929 - № 10 - С. 10.
- ¹²⁷ Венус ГД Указ соч. С. 230.
- ¹²⁸ Булдаков В.П. Указ соч. С. 237.

- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. д. 1. л. 15.
- ¹³⁰ Туркул А.В. Указ соч. С. 67.
- ¹³¹ Там же. С. 16-20, 26-27.
- ¹³² ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 3-Л. 182.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Лл. 18, 55.
- ¹³⁴ Ларионов В.А. Указ соч. С. 99.
- ¹³⁵ Там же. С. 98.
- ¹³⁶ Белый угол (Документ из россыпи)/Публ. А.С. Кручинина//Военная быль - 1994 - № 5 (134) - С. 17.
- ¹³⁷ Булдаков В.П. Указ соч. С. 236.
- ¹³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Лл. 61-62.
- ¹³⁹ Материалы для истории Корниловского... С. 214-
- ¹⁴⁰ Шульгин В.В. 1920. С. 307-308, 328-329-
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 230 об.
- ¹⁴² «РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63-Л. 2.
- ¹⁴³ См. об этом: Соколов Б.В. Три жизни Михаила Булгакова. - М.: Эллис Лак, 1997. С. 206-207.
- ¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Лл. 40, 45.
- ¹⁴⁵ РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34-Л. 83.
- ¹⁴⁶ Федоров Н.В. Указ соч. С. 52.
- ¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 3. Лл. 197-199.
- ¹⁴⁸ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-2. Оп. 1. Д 9. Л. 79.
- ¹⁴⁹ «Марш дроздовцев» (от Ростова до Новороссийска): Дневник поручика 1-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка [И.А.] Долакова о боевых действиях полка с декабря 1919 по март 1920 гг./Публ. В.Ж. Цветкова//Белая Гвардия - 1997 - № 1 - С. 39.
- ¹⁵⁰ Венус Г.Д. Указ соч. С. 256; Штейфон Б.А. Указ соч. С. 258-259.
- ¹⁵¹ Венус Г.Д. Указ соч. С. 283-284.
- ¹⁵² Мамонтов С.И. Указ соч. С. 42, 146; Пылин Б. Указ соч. С. 53; Туркул А.В. Указ соч. С. 14-16.
- ¹⁵³ Мамонтов С.И. Указ соч. С. 76, 148.
- ¹⁵⁴ Марковцы в боях и походах... Кн. 2. С. 82, 84.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 36.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Какурин Н.Е. Указ соч. Т. 1. С. 151.
- ¹⁵⁸ Венус Г.Д. Указ соч. С. 206, 247, 267, 291, 319; Шульгин В.В. 1920. С. 300.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 3. Л. 171.
- ¹⁶⁰ Пылин Б. Указ соч. С. 55.
- ¹⁶¹ Булдаков В.П. Указ соч. С. 237.
- ¹⁶² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Лл. 36, 42-44.
- ¹⁶³ Там же. Р-6562. Оп. 1. Д. 3. Л. 180.
- ¹⁶⁴ Изюмцы в боях и походах... С. 171.
- ¹⁶⁵ Венус Г.Д. Указ соч. С. 200.
- ¹⁶⁶ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии... С. 179, 323-329.
- ¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
- ¹⁶⁸ Дроздовский М.Г. Указ соч. С. 25-26.
- ¹⁶⁹ Мамонтов С.И. Указ соч. С. 148.
- ¹⁷⁰ Генерал Кутепов. С. 84-85.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

¹⁷² Из истории Гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. В 3 т. Т. 2. - М.: Советская Россия, 1961. С. 433.

¹⁷³ Бугаков МА Грядущие перспективы//Булгаков МА Из лучших произведений/Предисл., коммент. В.И. Лосева. - М., 1993- С. 55-56.

¹⁷⁴ Кубанец - 1996 - № 1 - С. 31.

¹⁷⁵ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 311 • № ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д 562. Л. 2 об.

¹⁷⁷ Савич Н.В. Указ соч.//Москва - 1991 - № 11 - С. 17,64.

¹⁷⁸ «Марш дроздовцев»... С. 29.

¹⁷⁹ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 261.

¹⁸⁰ Бушин А Указ. соч. С. 14; Минаков СТ. За отворотом маршальской шинели. - Орел, 1999. С. 124-125.

№ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 2. Л. 78.

¹⁸² Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 287-288, 290-291.

¹⁸³ Бутков Н. Самурский полк//Белая гвардия - 1997 - № 1 - С. 52.

¹⁸⁴ Из блокнота генерала М.В. Алексеева//Белый архив: Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п./Под ред. Я.М. Лисового. Вып. I. - Париж, 1926. С. 156-157.

¹⁸⁵ РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 12. Л. 102.

Л ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 120; Колтышев П.В. На страже русской чести (Париж, 1940-1941 гг.)// Русское прошлое - 1992 - Кн. 3 - С. 170.

¹⁸⁷ Боевые расписания Белых армий. С. 72; Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 296; Дерябин АИ. Гражданская война в России 1917-1922: Белые армии. - М.: АСТ, 1998. Передний контртитул; Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 314.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 308. Лл. 62-74; РГВА Ф. 39689. Оп. 1. Д. 11. Л. 57.

¹⁸⁹ Дерябин АИ. Гражданская война в России 1917-1922: Белые армии. - М.: АСТ, 1998. С. 12.

¹⁹⁰ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 261-264.

¹⁹¹ Там же. С. 289.

¹⁹² ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 207. Лл. 1-3.

¹⁹³ Там же. Д. 97. Л. 9.

¹⁹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁹⁵ Там же. Лл. 30-31.

¹⁹⁶ Там же. Лл. 11, 31-32.

¹⁹⁷ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 284.

да ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д 97. Л. 12.

¹⁹⁹ Цит. по: Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 287-288.

№ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д 97. Л. 12.

²⁰¹ Там же. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.

²⁰² Там же.

²⁰³ Деникин АИ. Вооруженные Силы Юга России. Ч. 2. С. 46-47.

№ Очерко генерале Слащове, составленный в 1929 г. генералом П.И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В.Ф. Фролова и капитана АА фон Дрейера/Публ. Л. Петрушевой//Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3- - М.: Историческое наследие, 1993- С. 103-

²⁰⁵ Там же. С. 100.

²⁰⁶ Валентинов АА Указ. соч. С. 9-

²⁰⁷ Там же.

- ²⁰⁸ Критский МА Указ. соч. С. 163-164.
- ²⁰⁹ Махров П.С. Доклад... С. 239.
- ²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д 562. Л. 5 об.
- ²¹¹ Материалы для истории Корниловского... С. 309-310.
- ²¹² Венус ГД Указ. соч. С. 294, 320.
- ²¹⁵ Эфрон С.Я. Указ. соч. С. 171.
- ²¹⁴ Шульгин В.В. 1920. С. 287.
- ²¹⁵ Корниловец: Лагерь Горно-Паничерово - 1922 - № 2 - С. 8-10.
- ²¹⁶ Колтышев П.В. Указ. соч. С. 204.
- ²¹⁷ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 2. С.45-46.
- ²¹⁸ Махров П.С. Доклад... С. 233.
- ²¹⁹ Дерябин АИ. Регулярная кавалерия Вооруженных Сил на Юге России// Белая Гвардия - 1997 - № 1 - С. 15.
- ²²⁰ Махров П.С. Доклад... С. 235.
- ²²¹ Лампе АА Указ. соч. С. 134.
- ²²² Критский МА Указ. соч. С. 163; Туркул АВ. Указ. соч. С. 115.

ГЛАВА 5. ОСТАТКИ БЫЛОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ: ОФИЦЕРЫ ГВАРДИИ И БЕЛОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО

В Белом движении участвовали представители всех сословий и социальных групп, в том числе и офицеры гвардии. В отличие от собственно добровольцев-разночинцев, гвардейцы олицетворяли дворянство; идейный мир этих двух группировок весьма разнился вплоть до противоречий. Поэтому представляет интерес сочетание традиционно-монархических ценностей и республиканских, послефевральских идей внутри единой Добровольческой армии. То есть возникает вопрос не столько о факте гвардейского участия, сколько о его причинах, обосновании, формах, размерах, целях и взаимодействии с основной добровольческой массой.

Прежде всего, необходимо дать краткий обзор специфики гвардии и ее изменения к началу открытого периода Белого движения. Это поможет дифференцированному изучению офицерского корпуса Добровольческой армии.

Гвардейские привилегии материального плана (ускоренное чинопроизводство, преимущество в чинах перед армейцами и при назначении на должности и т. д.) общеизвестны. Они порождали антагонизм с остальным офицерством, считавшим их проявление несправедливой, но стойкой традиции в ущерб личным достоинствам талантливых офицеров армии. Соединение с нравственно-психологической привилегированностью, выражавшейся в ореоле «опоры и защиты престола», близости и частом общении с императорской фамилией, комплектовании исключительно дворянством, - все это в условиях постоянной и необратимой сословной демократизации армейского офицерского корпуса в начале XX в. критиковалось прогрессивными военными кругами как анахронизм.

Первая мировая война подтвердила справедливость данного мнения. Узкосословный принцип приема в гвардию крайне затруднил восполнение потерь в силу численной ограниченности дворян, годных к военной службе. (В наиболее престижные полки - Преображенский, Кавалергардский, Конный, Гусарский, Кирасирский Ее Величества - допускалась преимущественно титулованная знать; нежелательные, чуждые или «недостойные» кандидатуры отклонялись полковыми офицерскими собраниями, и для приема требовалось единогласное одобрение.) Направленные в 1916 г. в гвардейские части «простые» выпускники военных училищ, вопреки реальному положению

и здравому смыслу, игнорировались и по-настоящему в полковую среду не допускались. Поэтому происходила малорезультативная замена выбывших офицерами других родов оружия лейб-гвардии - из гвардейской кавалерии и артиллерии переводились в пехоту; нехватка кадрового командного состава вынуждала ценить буквально каждого: не случайно вернувшийся в 1917 г. из плена поручик М.Н. Тухачевский был представлен к производству сразу в капитаны для уравнивания в чинах со сверстниками.¹

Примечательно, что первые примеры падения дисциплины и манкирования службой в гвардии имели место еще в мае 1915 г., почти за два года до революции. В частности, и солдаты, и офицеры лейб-гвардии Измайловского полка демонстрировали явную разболтанность; более того, пользуясь отсутствием раненого командира, «в штабе полка орудовал импровизированный парламент, состоящий, кроме чинов штаба, из всех четырех батальонных командиров и двух вольноопределяющихся - унтер-офицеров из команды конных разведчиков».²

При бескомпромиссно-консервативной приверженности традициям внутриполковой жизни основы гвардейского мировоззрения малозаметно, но основательно трансформировались. Этот момент чрезвычайно важен, так как позволяет преодолеть слабость концепции Деникина, который утверждал, что офицеры-гвардейцы были настоящими монархистами, не смог объяснить их пассивность при падении Романовых и в Белом движении. Между тем весьма показательно, что упомянутая в первой главе группа Гучкова при совершении переворота планировала опереться на гвардию. Уверенность заговорщиков в критическом отношении гвардейцев к политике правительства, на первый взгляд непостижимая, подтвердилась одобрением их намерений практически всеми офицерами, с которыми установились контакты.³ Несмотря на бессистемность присоединившихся, а также на отказ части из них от активных действий, важно само согласие на насилие над монархом со стороны лейб-гвардии - самой преданной группировки, предназначенной для его защиты. Можно согласиться и с гучковским мнением о повышенной болезненности отрицательного настроения гвардейских кругов именно в силу близкого положения к трону, принимая во внимание их плохо скрытую враждебность к распутищине. Ряд монархистов впоследствии бросал им обвинение в раздувании негативной шумихи вокруг императорской четы. (Есть сведения об акте вандализма над могилой Распутина: вскоре после захоронения группа гвардейских офицеров облила ее из ассенизационной цистерны.⁴)

Так на смену личной преданности персоне монарха возвращалась защита монархии как системы, в том числе даже от неугодного либо - в данном конкретном случае - «неумелого» императора. В сущности, происходило воскрешение условий дворцовых переворотов XVIII в. на новом уровне: помимо частных интересов присутствовали или по крайней мере декларировались политические побуждения («для государственного блага»⁵).

Исходя из такого понимания ситуации, полное бездействие офицеров запасных, преимущественно гвардейских частей Петрограда в дни Февральской революции логично и объяснимо. Пытавшийся организовать сопротивление преобразенец Кутепов - фронтовик, явно не посвященный в заговор - оказался в изоляции. Общая же позиция была такова, что в запасном батальоне лейб-гвардии 4-го Стрелкового полка именно офицеры «встретили хорошо революционные делегации».⁶ Когда же события (неожиданное отречение Николая II и за сына и отказ от престола великого князя Михаила Александровича) подтолкнули монархию к окончательному крушению, не оправдав ожиданий гвардии, ситуация уже стала неконтролируемой и обратного хода за полным отсутствием сил и упущением времени не было. Косвенным подтверждением версии «обманутых надежд» служат многочисленные яростные попытки монархической эмиграции доказать отсутствие у императора юридического права отречения за наследника.⁷

Временное правительство поэтому считалось узурпаторским. В марте-мае от явной оппозиционной активности удерживало присутствие на посту главковерха Алексева - сторонника переворота. После его отставки, во время июньско-июльской операции, враждебность гвардейцев проявлялась уже достаточно открыто и доходила до саботажа. В ходе наступления лейб-гвардии Семеновский полк 23 июня «единственный из войск Первого Гвардейского корпуса выполнил возложенную на него задачу»,⁸ причем в данном случае не было никаких ссылок на зависимость от пораженческой агитации левых. Командир 2-го Гвардейского корпуса генерал-лейтенант Г.Н. Вирановский, противник наступления, прямо заявил комитетам, «что не поведет гвардию на убой», разъяснял «все невыгоды и трудности наступления» и заранее предполагал солидарность с собой соседних корпусов. «Штаб корпуса, - раздраженно писал Деникин, - был занят не тем, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима».⁹

Такая позиция даже в условиях непопулярности операции вызвала негодование комитетов, немедленно сообщивших об

этом руководству. Возмущение командиром, вскоре поплатившимся должностью, возможно, повлияло на запись 2-го Гвардейского корпуса в «части смерти» в полном составе.¹⁰ Однако и в дальнейшем отдельные гвардейцы, подобно офицеру запасного батальона лейб-гвардии Гренадерского полка штабс-капитану И.Л. Дзевалтовскому-Гинтовту, оказывались организаторами беспорядка. Керенский, хоть и несколько преувеличивая, отмечал частые случаи высказывания частью офицеров откровенного удовлетворения неудачами, работающими против правительства."

Напрашивается вывод: действия военных монархистов если и не ставили целью, то объективно вели к открытию фронта перед противником. После падения монархии их симпатии закономерно направлялись на прежнего союзника, связанного с Романовыми близкими родственными узами кайзера Вильгельма II, соединяясь с уверенностью в его - пусть иностранной, но легитимной - помощи в реставрации. Напротив, «первый солдат революционной России» Корнилов прилагал все усилия для сохранения независимости Отечества любыми средствами, вплоть до репрессий и диктатуры, но на национальной платформе. Обвинения традиционной историографии в «измене» не голословны - они лишь ошиблись адресом.

Немалая часть выходцев из гвардии, в том числе аристократы, командовавшие армейскими войсками, вообще со сменой лишались патриотических устоев, что доказывают серьезные нравственные деформации сословия. Характерен случай, рассказанный Будбергом. Командир 1-го кавалерийского корпуса князь Долгоруков постоянно распространялся о своем желании «поскорей очутиться в Ницце подальше от здешней мерзости»,¹² цинично подчеркивая: после перевода за границу капиталов ничто в России его не удерживает. Именно заметная часть аристократии первой, еще до Октябрьской революции, устранилась от борьбы, уподобившись известным обитателям тонущего корабля. Разумеется, это встречало резкое осуждение в патриотической армейской среде, снижая внутри нее и без того слабый авторитет монархических элементов.

Наконец, третья, самая немногочисленная часть гвардейских офицеров довольно энергично приняла участие в деятельности тайных организаций под эгидой Алексева, считавшегося не идеальной, но вполне приемлимой фигурой. Генерал-адъютантство, конфликт с Временным правительством, широкие связи, трения с «революционером» Корниловым представлялись гвардейцам бесспорными доказательствами монархизма генерала. Вспомним, что и в Республиканском центре, и в петроградской Объединенной

офицерской организации, и в Москве военное руководство осуществляли офицеры гвардии.

Это создавало определенную специфику. Структура негласных обществ строилась по корпоративному полковому и нередко родственному принципу. Преображенец полковник Веденяпин возглавлял столичный центр; в Москве действовал князь Хованский 1-й, также упоминавшийся как преображенец.¹³ В одной из московских монархических организаций состояли родственники офицеры В.С. Трубецкой, А.Е. Трубецкой, М. Лопухин, Н. Лермонтов, - впоследствии участники дерзкой и неудачной попытки освобождения бывшего императора в начале 1918 г.¹⁴ С одной стороны, контакты единомышленников имели доверительный, подвижный и малорезультативный характер; с другой же, с учетом внутренней спайки и закрытости гвардейского мирка, достигалась известная слаженность.

Возникает вопрос о причинах такой, в общем-то нетипичной, активности меньшинства гвардии. Думается, объяснение касается двух направлений. Во-первых, личностные и идеологические симпатии к руководителям (Алексееву, содействовавшему отречению «слабого» императора, то есть целям монархического гвардейского заговора 1916 г., Пуришкевичу - убийце ненавистного Распутина) усиливались их определенной отрицательной позицией относительно Временного правительства и всякого рода «социалистов». Во-вторых, и это главное, крушение монархии в гвардейском сознании отражалось как неудача одного дворцового переворота, которую могла исправить новая попытка. Безусловно, подобное понимание базировалось на слабой оценке ситуации и свидетельствовало о крайне ограниченном политическом кругозоре ортодоксальных монархистов. С другой стороны, во мнении о результативности в тогдашних условиях исключительно сильной и единоличной и централизованной власти присутствовало солидное рациональное зерно. Однако соединение данной идеи с дискредитированной в широких общественных кругах династией делало ее привлекательной для единомышленников, но нежизненной.

Вопреки общему развалу армии в большинстве фронтовых гвардейских частей вплоть до конца 1917 г. сохранялась относительная дисциплина и уж во всяком случае нормальные отношения офицеров и солдат. Не случайно, будучи заинтересован в боеспособных и стойких войсках, советский главковерх Крыленко в начале 1918 г. пытался вербовать в Красную Армию именно гвардейцев (например, в лейб-гвардии Конной Артиллерии).¹⁵

Офицеры гвардии вначале деятельно участвовали и в создании Добровольческой организации на Дону. Те же Веденя-

пин, Шапрон-дю-Ларрэ, Парфенов, князь Хованский, конногвардеец полковник Пронский, лейб-улан полковник В.С. Гершельман и другие «были одними из первых, отозвавшихся на призыв генерала Алексеева... Невозможно перечислить имена всех гвардейских офицеров, занимавших тогда командные должности».¹⁶ Представителями, направлявшимися для привлечения добровольцев, также поначалу становились гвардейцы: финляндец полковник Слащов, штаб-ротмистр Гибнер, поручик барон де Бодэ и другие.¹⁷

Монархисты временно смирились с непредрежденчеством командования, хотя истинное отношение предельно четко сформулировал полковник П.В. Глазенап: «Какая там лавочка еще, Учредительное Собрание?! Мы наведем свои порядки».¹⁸

Летописцы Белого движения с осуждением констатировали значительный приток офицеров, не спешивших вступать в армию. Пройдя через Алексеевскую организацию, они прибывали в районы ее действия, но неожиданно перестали пополнять ряды добровольцев.¹⁹ Примеров тому множество. Из 30 офицеров одного из полков, состоявших в организации, в армии оказались лишь трое.²⁰ Только два офицера лейб-гвардии Конного полка из пятнадцати явившихся поступили в добровольческие части.²¹ На Кавказских Минеральных Водах скопилось несколько тысяч офицеров, в том числе большое количество гвардейских, щеголявших мундирами мирного времени и совершенно равнодушных к Добровольческой армии." Сообщая массу аналогичных фактов, эмигрантские авторы оказались неспособны объяснить их и ограничивались упреками в легкомыслии, шкурничестве и измене долгу.

Однако все становится очевидным, если обратить внимание на хронологию. Событием, оборвавшим приток гвардейцев, стало прибытие на Дон и вступление в командование Корнилова. Генерал, лично арестовавший императорскую семью, открытый заявлявший о своих республиканских симпатиях, приблизивший эсеров Ф.И. Баткина и Савинкова, конкурент Алексева и кумир разночинного офицерства считался монархистами «изменником», «революционером», «красным», чуть не «социалистом» (наиболее непримиримые одиночки в том же обвиняли и Алексева).²³ Служить под началом такого человека, притом весьма плебейского происхождения, становясь орудием достижения чуждых целей, гвардейцы не желали. Не последнюю роль здесь играли не только сословные соображения, но и давние, крайне консервативные традиции и регламентации, пронизывавшие путь каждого офицера гвардии от положения вольноопределяющегося или юнкера до отставки.

Корнилов, менее идеологизированный и потому заинтересованный в увеличении армии любой ценой, направил надежных гонцов - поручиков-корниловцев В.Н. (или Н.Н.) Гриневского и Левитова - в Минеральные Воды для привлечения оттуда пополнений. Ответом было сдержанное заявление о наличии собственной «самообороны» и нежелании иных формирований; в Киеве генерал-лейтенант Ф.А. Келлер даже отговаривал местных офицеров от Добровольческой армии, подчеркивая: «Когда наступит время провозгласить царя, тогда мы все вступим».²⁴

Вторую попытку задействовать «нейтральных» гвардейцев предприняли через посредство генерал-лейтенанта И.Г. Эрдели, имевшего у них авторитет как бывший генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и командир лейб-гвардии Драгунского полка. И вновь вербовка закончилась неудачей,²⁵ что пробуждает недоверие, развеять которое способны следующие варианты интерпретации событий. С одной стороны, гвардейцы могли просто счесть генерала отщепенцем - как пришедшего от добровольцев - и уже не имевшим влияния. Но вместе с тем нельзя забывать, что именно Эрдели «явился ближайшим сотрудником генерала Алексеева» на Дону.²⁶ В силу этого гораздо уместнее предположить разницу между официальным и реальным содержанием его кавказской командировки, приходившейся на пик корниловско-алексеевского конфликта. Вероятно и логично получение совершенно противоположного приказа - о временном воздержании от активности. Не имея пока обширного документального обоснования, наше предположение подтверждается точным фактом нежелания Алексеева усиления соперника и всплеском гвардейского притока летом-осенью 1918 г.,²⁷ после гибели Корнилова.

Однако в том, что первопоходниками оказалось мизерное число гвардейцев, заключена одна из предпосылок последующей постепенной утраты ими влияния. Тем не менее, небольшая часть их вступила в армию изначально. Заметную роль в этом сыграли преобразенец Кутепов, павловец капитан М.Н. Темников и grenадер полковник Н.Н. Дорошевич-Никшич, пришедшие на Дон с группами однополчан (до 18 офицеров) и своим примером привлечшие ряд других.²⁸ 30 декабря 1917 г. была сформирована Гвардейская рота при 1-м Конном дивизионе, в котором также служили гвардейцы-кавалеристы. В начале января 1918 г. в роте насчитывалось 20-30 человек, немного позже максимальная численность достигла 150-200 человек, а к февралю в результате непрерывного боевого применения сократилась до 80 штыков.²⁹ Первым командиром был Темников;

рота действовала на таганрогском участке, начальником которого являлся Кутепов при начальнике штаба измайловце капитане А.Н. Герцык. Когда же остатки гвардейцев вошли в Сводно-Офицерский полк в виде взвода, а затем 3-й роты, то ее вскоре принял Кутепов, успевший немного прослужить в ней рядовым.³⁰ Из-за потерь в 1-м Кубанском походе от 3-й роты остался взвод, развернутый летом в 6-ю роту; в августе 1918 г. она была выделена из Марковского полка и преобразована в Сводно-Гвардейский батальон, а затем и в полк.³¹

Гвардейцы ощущали потребность конкретизировать свой статус, для чего 10 сентября 1918 г. в Екатеринодаре собрали «Совещание старших офицеров гвардии, находящихся в Добровольческой армии», под председательством лейб-гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады полковника А.Н. Третьякова. Первый пункт его постановления декларировал нахождение в Добровольческой армии практически всех гвардейских частей, кроме Атаманского, Казачьего, Финляндского полков и Конвоя, - правда, в виде ячеек-взводов в сводных ротах (соответствующих дивизий) Сводно-Гвардейского батальона. Данное заявление поражает своей смелостью, так как в реальности от некоторых частей лейб-гвардии числительствовали лишь единичные офицеры. Гораздо ценнее признание: «...службой, достойной офицера, тем более гвардейского, в настоящее время является служба в Добровольческой армии» - существенно отличавшееся от общей позиции гвардейцев; зная это, участники совещания грозили неявившимся в армию до 1 ноября 1918 г. судом чести. «Пряником» же являлась гарантия того, что «господа офицеры занимают командные должности»³² (разрядка наша — Р.А.).

Начиная с первых дней движения, офицеры гвардии были вынуждены служить и в должности рядовых, причем офицерская рота присутствовала и в Сводно-Гвардейском полку осенью 1918 г.³³ Но как раз тогда, в боях под Армавиром, полк оказался разбит, много гвардейцев полегло,³⁴ а оставшиеся стремились под огонь намного слабее.

Но ситуация была сложнее, чем кажется на первый взгляд. Еще в августе группа гвардейцев во главе с Кутеповым высказала открытую поддержку монархическим публикациям Шульгина, заявив: «Теперь мы знаем, за что мы боремся!», - чем вызвала неудовольствие Деникина.³⁵ Впоследствии Главнокомандующий без указания даты, но явно имея в виду данный случай, вспоминал, как «Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, неудовлетворенных «лозунгами» армии, завел речь о своем уходе», но его уговорили остаться.³⁶ Последовавшее

почти сразу назначение Кутепова генерал-губернатором Новороссийской области очень напоминает почетную ссылку и одновременный запрет покидать армию. Командование знало, что его характер не позволит нарушить приказ и просто уехать. Кстати, в выступлении гвардейцев видится подоплека упомянутого разгрома Сводно-Гвардейского полка через два месяца, если вспомнить о том, как страстно соратники другого монархиста - Дроздовского, кадрового офицера лейб-гвардии Волынского полка - обвиняли «социалиста» Романовского в намеренном направлении отрядов своих недругов на самые опасные участки для их ослабления за счет крупных потерь. Конечно, увиденная связь несколько гипотетична, однако пример сводно-гвардейцев подтверждает мнение дроздовцев, а об обратном источники молчат.

Гвардейцы-добровольцы, выбивавшиеся из общей массы, требуют внимательного анализа для понимания их особенности. Прежде всего, это возможно при выяснении пути их проникновения в гвардию. Только в числе наиболее заслуженных офицеров русско-японской войны гвардейцами стали Кутепов (после исключения из гвардии охваченных волнениями батальона Преображенского полка), а также АА фон Лампе.³⁷ Личностно сформированные в совершенно иных условиях, новоиспеченные гвардейцы не вошли окончательно в полковые коллективы. Недаром Кутепов стал командиром преобразенцев лишь после Февральской революции, в апреле 1917 г. Более того, в 1919 г., возглавив 1-й армейский корпус, он вообще высказал еретическую с точки зрения монархизма «готовность защищать республику, которая освободит Россию, даже от монархистов».³⁸ Считавшийся кадровым измайловец Парфенов выслужился из вольноопределяющихся, поступив в полк на волне энтузиазма 1914 г., а полковник (затем генерал-майор) Ю.Н. Плющевский-Плющик, начав службу в лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде, затем долго служил на штабных должностях и лишь в 1917 г., и то для ценза, командовал ротой Семеновского полка.³⁹

Материалы Преображенского полка свидетельствуют не только о мужестве, но и о популярности среди солдат в качестве «отцов-командиров» как раз тех, кто потом вступил в Добровольческую армию. Так, сам Кутепов, капитаны И. Зыбин и М.Н. Моллер, штабс-капитан А. Розеншильд-Паулин и поручик ВА Валуев фигурируют в списке награжденных в 1917 г. солдатскими Георгиевскими крестами⁴⁰ - так называемыми «Георгиями с веточкой». Согласно статуту, новая награда предназначалась для отличия офицеров, а решение о ее вручении зависело исключительно от инициативы, «приговора» солдат.

Следует отметить, что участие гвардейцев в Гражданской войне на Юге России не ограничивалось Добровольческой армией. Часть монархического, наполовину кадрового офицерства вошло в прогерманские Южную и Донскую армии (донской атаман П.Н. Краснов возродил не только гвардейские казачьи части, но и Финляндский полк⁴¹) и в разнообразные «повстанческие» отряды, в частности, полковника Шкуро.⁴² Один из старших измайловцев, полковник Есимонтовский, пытался также примкнуть к Донской армии и, воссоздавая полк, подчиниться Краснову, однако подавлением офицеров был вынужден отказаться от этого и войти в состав Добровольческой армии - «бедной, но зато никем не субсидируемой».⁴³

Исходя из понимания сложности чисто механического соединения в одних частях гвардейцев и армейцев и учитывая взаимные амбиции, добровольческое командование и решило создавать подразделения чисто гвардейского офицерского состава. Данная идея настолько понравилась гвардии, что некоторые офицеры перевелись к Деникину от Краснова, - в частности, финляндец полковник Моллер.⁴⁴ Неизбежным продолжением становилось их стремление перейти к возрождению собственных полков. Например, офицеры лейб-гвардии Кирасирского его величества полка единогласно отвергли проект включения себя в состав 2-го Офицерского Конного полка «ввиду невозможности сохранить в нем свою самостоятельность и обособленность и рассчитывать на скорое выделение в самостоятельную единицу, что являлось заветной мечтой всех кирасир».⁴⁵ Симптоматичны, при всем стремлении к сохранению «старых добрых» устоев, обсуждение и оспаривание намерений командования - факт, в котором отразилось и послефевральское, и непосредственно добровольческое падение дисциплины.

В итоге во второй половине 1919 г. возникла Сводно-Гвардейская дивизия в составе сводных полков 1-й, 2-й, 3-й пехотных и Стрелковой гвардейских дивизий, Гвардейской Артиллерийской бригады и Гвардейской инженерной роты. Кроме того, имелись 1-й сводный Кирасирский, 2-й сводный Кавалерийский гвардейские полки и Отдельный дивизион гвардейской Конной Артиллерии - во 2-й кавалерийской дивизии.⁴⁶ В течении года постоянно развертываясь из батальона в полк, бригаду и дивизию, сводно-гвардейская структура отличалась большой хаотичностью, усугублявшейся в силу «крайне неудовлетворительного делопроизводства в ротах и командах» - в частности, при существовании бригады 2-й Сводно-Гвардейский полк состоял из Кексгольмского, Литовского и Петроградского батальонов, но в нем присутствовали и гвардейские стрелки.⁴⁷ Перманентное пере-

формирование резко снижало боеспособность и, при учете стремления каждой ячейки к превращению по меньшей мере в дивизион, а то и в полк, требовало значительных средств. (Абсурдность амбиций особенно ярко подчеркивается численностью сводных полков гвардии, не превышавшей после боев 100 - 150 человек,⁴⁸ - и среди них как минимум три ячейки; отдельные ячейки порой насчитывали всего трех-четырёх офицеров и двух-трех старых фельдфебелей.⁴⁹)

Погоня за добычей, о чем упоминалось в отношении регулярных частей, наиболее широко и уродливо распространилась именно в гвардейской среде. Излюбленным наказанием для показавших враждебность населения становились «контрибуции», обычно превращавшиеся в подлинный грабёж, причем офицеры всячески поощряли такое перерастание.⁵⁰ Частые самоассоциации с немцами подчеркивают восприятие окружающего как вражеского и, следовательно, максимальное отчуждение. Моральный надлом и редкое участие в боях способствовали торжеству духа обогащения и дисциплинарного развала. Важно уяснить, что, в отличие от основной добровольческой массы, гвардейские офицеры несли более ощутимые материальные потери в ходе революции, и их быстрое перевоплощение в грабителей носило скорее ритуально-мстительный характер. Откровенно бравируя грабежом, они явно самоутверждались заново. В конце 1919 г. эшелон гвардейских стрелков распродал все имущество в присутствии штабного поезда генерала А.М. Драгомирова и при попустительстве его родного брата, полковника Александра Михайловича.⁵² Генерал, реагирующий недопустимо мягко - объявил в приказе, что гвардия «покрыла позором свои славные знамена грабежами и насилиями над мирным населением», — все равно вызвал озлобление гвардейского офицерства.⁵³

Казалось бы, сословная однородность и тяготение к обособлению должны были способствовать большей духовно-нравственной устойчивости. В действительности же наблюдалось прямо противоположное — мировоззренческий и социально-психологический кризис удворян-гвардейцев нарастал наиболее явственно и стремительно. Шульгин, имевший возможность наблюдать их «изнутри» во время отступления отряда генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова в Румынию в начале 1920 г., воочию видел это явление и назвал его «апашизмом».⁵⁴ Описанная им вызывающая демонстративность поведения, нарочито-преувеличенное пренебрежение прежней системой ценностей и намеренное культивирование асоциальной субкультуры вновь доказывают повальную маргинализацию.

Предпосылки и причины данного явления состояли не только в общих социальных аномалиях Гражданской войны, в узких стремлениях любой ценой вернуть прошлое и в сословной обособленности от объективных исторических процессов (свойственной, кстати, далеко не всем), но и в качественном изменении гвардейского офицерского корпуса. Анализ списка офицеров гвардейской пехоты, погибших в рядах Добровольческой армии в 1917-1919 гг.,⁵⁵ показывает преобладание офицеров военного времени - 64,4% - Вместе с тем среди гвардейцев-первопоходников они насчитывали 40,8%, а в 1918-1920 гг. их численность колебалась от 51,0% до 57,7%, и в целом составила 51,8% (согласно собранных нами персонально-биографических данных всех использованных источников. См. приложение 2, таблица 17). Конечно, большинство олицетворялось дворянством (исключением, и не столь редким, являлись прапорщики гвардии, произведенные из нижних чинов, особенно в 1917 г.⁵⁶); представители титулованной знати насчитывали 5,9%, причем большинство принадлежало небогатым немецким баронам и кавказским князьям. Главное же то, что военная карьера для многих оказалась случайной.

Феноменальным для гвардии явлением в Добровольческой армии стало то, что, вопреки дореволюционным традициям, чужие офицеры, прикомандированные к полковым ячейкам, принимались теперь весьма приветливо. Многочисленными примерами служат списки офицеров - общие, а также убитых и раненых - опубликованные в полковых историях: исконные и пришедшие никак не разделены, хотя обычно в этом отношении гвардейцы были чрезмерно щепетильны.⁵⁷ Более того, гвардейские командиры активно искали пополнений на стороне, переманивая к себе даже армейских вольноопределяющихся и соблазняя их перспективой быстрого производства в офицеры.⁵⁸ Под влиянием малочисленности и заинтересованности в возрождении частей, кадровые офицеры гвардии шли на такие компромиссы и даже проявляли непростительное попустительство выходкам младших сослуживцев вне полкового круга. Таким образом, гвардейцы военного времени не воспринимали традиционного мировоззрения, а кадровые зачастую сознательно его утрачивали, и тем весьма походили на основную массу офицеров-добровольцев, - несмотря на указанное выше большее число кадровых по сравнению с армейцами.

Общая численность гвардейских офицеров в Добровольческой армии оставалась небольшой. Среди участников 1-го Кубанского похода они составили всего 3,6%. (См. приложение 2, таблица 17) Однако материалы С.В. Волкова позволяют отметить, что офи-

церы отдельных гвардейских полков были не одиноки и с самого начала, и в дальнейшем: Гренадерского - несколько десятков, из них 18 первопоходников, Измайловского — 52 и 13 соответственно, Литовского - все (первопоходники), и Кексгольмского - 67.⁵⁹ За 1917-1920 гг. из них погибло «более 300 человек, из коих 90 человек кавалерии».⁶⁰ Так как безвозвратные потери, согласно нашим подсчетам, достигли 31,8%, то общее количество офицеров гвардии в Добровольческой армии следует признать равным ориентировочно 950-1000 человек.

Взаимоотношения собственно добровольческих и гвардейских кругов сразу же отразили вынесенные из дореволюционных времен противоречия. В условиях тяжелых неравных боев периода Кубанских походов старый антагонизм выражался в основном в соревновании «в лихости и отваге: корниловцы-республиканцы, монархисты-гвардейцы...» - по словам одного из марковцев.⁶¹ Ввиду ничтожной численности гвардейцам приходилось волей-неволей принимать правила игры армейского офицерства, в глазах которого уважения заслуживала только доблесть, а не чин, титул, принадлежность к «старой», «варшавской», конной, пешей или артиллерийской гвардии. Отсюда и подчеркнутая бравада выправкой и строевой подготовкой в самых тяжелых условиях — например, постоянный идеальный внешний вид Кутепова, невозмутимость под огнем или ведение им своей роты в обледенелом и грязном обмундировании, но с подсчетом шага.⁶² Казалось бы, совершенно ненужные крайности помогают полнее увидеть гвардейский ценностный мир.

Как бы то ни было, вначале гвардейцы восприняли некоторые типичные «стародобровольческие» обычаи. В первую очередь это относится к складыванию особой иерархии, серьезно нарушавшей прежнюю. Так, командир батальона лейб-гвардии Московского полка полковник Г.П. Рыков, прибывший в Добровольческую армию осенью 1918 г., оказался в Сводно-Гвардейском полку на положении рядового и лишь к июлю 1919г выбился в командиры роты.⁶³ Особенно показательно то, что это произошло со старшим офицером, явившимся до «предельного срока прибытия» и официально ограничениям не подлежавшим. Здесь присутствовало полное единодушие с добровольцами-армейцами, которые разжалокали захваченных в плен служивших у противника гвардейских офицеров и пополняли ими Дроздовские части (как случилось с неким И.С. Блохой).⁶⁴

Вполне по-добровольчески офицеры гвардейской пехоты выдвигали и навязывали штабам собственных кандидатов на командные должности,⁶⁵ что имело корни и в традиционной «кап-

ризности» гвардейцев в этом плане.⁶⁶ Более того, отдельные, но не одиночные выходцы из гвардии, в основном из причисленных к Генеральному Штабу, игнорировали сводно-гвардейские части и предпочитали остаться в общедобровольческих штатах, - например, упоминавшиеся князь Хованский 1-й и фон Лампе, а также лейб-гвардии Павловского полка полковник АА. Морозов, который недолго покомандовал сводно-гвардейцами и вернулся в ряды марковцев, приняв 2-й Офицерский полк.⁶⁷ Наконец, в сентябре 1919 г. при окружении остатков сводного батальона лейб-гвардии Московского полка «командир, шесть офицеров и 31 солдат покончили жизнь самоубийством, не желая попадать в плен»,⁶⁸ - как заправские дроздовцы.

Но наряду с этим начались случаи невыполнения приказов или недопустимой самодеятельности. Уже в марте 1918 г. 1-й Конный дивизион Гершельмана самовольно оставил станцию Выселки, за что командир поплатился должностью. Вообще кавалерия, вобравшая и чинов конной гвардии - самых консервативных даже среди гвардейских частей - часто действовала малорезультативно.⁶⁹ Именно в ней «добровольческий» принцип старшинства почти не прижился, из-за чего наблюдалась поразительная чехарда комсостава, когда при появлении старшего по производству офицера младший тотчас сдавал ему командование (как произошло с кавалергардом ГГ. Раухом).⁷⁰

Многие источники содержат негативные оценки сводно-гвардейских частей, обоснованно считая невозможным восстановить старый полк в неизменном виде, так как принудительно-мобилизационный способ набора солдат принижал и качество, и имя полка.⁷¹ Бои подтвердили пессимизм добровольцев. Гвардейский отряд генерал-майора П.Э. Тилло (начштаба полковник АА Зайцов, оба семеновцы) осенью 1918 г. отличался лишь хорошим обмундированием и внешней, показной дисциплиной солдат. Превысившие штатный состав офицеры предпочитали держаться в тылу, а в ротах их было по трое-четверо; нередко происходило злоупотребление муштровкой. (Гвардейские командиры слабо вникали в бытовые мелочи и порой очень плохо знали личный состав даже в лицо.⁷²) В итоге солдаты оказались столь ненадежны, а боевой дух столь невысок, что после замены на позициях 2-го батальона Марковского полка первая же махновская атака привела к глубокому отступлению гвардейцев — при их десятикратно превосходившей марковцев численности. Положение стабилизировал тот же 2-й батальон марковцев, на следующий день контратаковавший и выбивший противника.⁷³

Неоднократно упоминались нестойкость, трусость, групповые дезертирства гвардейцев, в том числе и офицеров, на про-

тяжении всей Гражданской войны. Частые ссылки на совпадение неожиданных ударов противника с участками, занятыми именно гвардейскими частями,⁷⁴ заставляют задуматься о степени их случайности. Достаточно правдоподобно выглядит предположение о контактах с неприятелем, принимая во внимание появление коммунистических ячеек даже у наивернейших дроздовцев и дальнейшую службу ряда офицеров гвардии в РККА.⁷⁵ Во всяком случае, осведомленность разведки Красной Армии о низком моральном состоянии и потому слабой боеспособности гвардейцев очевидна, ибо следовали целенаправленные удары по неустойчивым частям.

Поэтому командование использовало сводно-гвардейцев на второстепенных направлениях - например, в составе Войск Киевской области - да и то чаще держало в резерве, из которого выводило крайне неохотно, лишь «в ситуации крайней нужды».⁷⁶ Впрочем, имелись и другие соображения. Прежде всего, гвардейцы очень болезненно воспринимали потери в своих рядах, радикально отличаясь этим от прочих добровольцев, на что последние реагировали так: «Причина всегдашней распри армии с гвардией - совершенно ненужная самореклама».⁷⁷ Деникин же, панически боявшийся раскола движения (в чем косвенно признался в мемуарах⁷⁸), старался использовать беспокойную когорту гвардейцев в «щадающем» режиме. Но в итоге росло недовольство добровольцев, отлично понимавших, что гвардию берегут. Второе соображение прямо следовало из разногласий армейцев и гвардейцев и заключалось в желании их снизить путем раздельного применения. Действительно, на киевском участке Сводно-Гвардейская дивизия официально числилась в ведении ВСЮР; несмотря на быструю сдачу города, остатки сводно-гвардейцев подчинили добровольцам только в Крыму, пополнив ими кутеповский корпус.⁷⁹ В дальнейшем отказ Врангеля от возрождения традиционных частей окончательно аннулировал надежды гвардейцев на развертывание.

Интересна оценка братоубийственной войны кадровыми гвардейцами, которая признавалась и необходимостью, и позором одновременно. Имеются сведения о протестах командира Гвардейского артиллерийского дивизиона полковника Б.Н. Шатилова против расстрелов пленных, производившихся чинами и сестрами милосердия 2-го Офицерского Конного Дроздовского полка.⁸⁰ Слащов предлагал упразднить на время ношение погон и сам никогда не появлялся не только в них, но и в уставной форме вообще. В эмиграции же, разжалованный Врангелем, он демонстративно надел мундир Финляндского полковника, заявляя, что был произведен в генералы незаконно и не протесту-

ет, но, получив полковничий чин от императора, подчинится только императорскому разжалованию.⁸¹

Сочетание идейных и бытовых противоречий с добровольцами способствовало оттоку ряда гвардейцев в другие армии. В 1919 г. группа преображенцев (Д.Д. и Ю.Д. Литовченко, Стахович, Хвошинский и др.) уехала в Сибирь, к адмиралу А.В. Колчаку; лейб-гвардии Конного полка полковник В.В. Кушелев, пришедший с отрядом Дроздовского в должности вахмистра эскадрона, позже перевелся в Донскую армию и получил там 2-й Инородческий полк.⁸² В то же время покидавшие Добровольческую армию гвардейцы руководствовались не только принципиальными, но и чисто карьерными соображениями. Так, среди мотиваций Литовченко главенствовала нехватка офицеров у Колчака, то есть наличие вакантных должностей, а осенью, уже в Сибири, он начал сожалеть об уходе - и только из-за личной непричастности к успеху добровольцев.⁸³

Вплоть до эмиграции монархисты хранили неприязнь к добровольцам, не только за знаменитое «Царь нам не кумир», но и за «разобшение» Белого движения, исходя из собственной веры в монархическое будущее: «Мы боролись за спасение России, а они за спасение революции».⁸⁴ Часть гвардейских офицеров вообще вела борьбу одновременно и с большевиками, и с Добровольческой армией (как один из главарей «зеленых», лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка полковник Н.В. Воронович⁸⁵), или, подобно кадровому гвардейцу Омеляновичу-Павленко, возглавляла «партизанские» отряды, сотрудничавшие с белыми, но в армию не входила.⁸⁶ Вопрос неприсоединения к добровольцам для этой группы стоял бескомпромиссно.

Таким образом, гвардейские офицеры-добровольцы в целом, претендуя на корпоративную обособленность и движимые узкосословными понятиями и мелкими кастовыми интересами в сочетании с усвоением новых квазиценностей, приобретали маргинальное мировоззрение в наиболее ярком и неустойчивом виде.

Подводя итоги, отметим, что офицеры военного времени, преобладавшие в Добровольческой армии, были весьма далеки от кадровых устоев русского офицерского корпуса. Отсутствие сословной монолитности, случайное для многих проникновение в военную касту вело к крайней неуверенности и жажде самоутверждения, а сплочение в уникальную в своем роде офицерскую армию превращало их в суррогатную социальную субгруппу. Ориентации на поверхностное восприятие традиций, серьезные идейно-нравственные и социально-психологические деформации в сочетании с юношеским максимализмом и авантюризмом

ным романтизмом вызывало лихорадочное формирование особого, во многом нового мировоззренческого облика. Для мировоззрения офицеров-добровольцев характерны стремление к переоценке ценностей, амбициозно-мессианское самовосприятие при ощущении враждебно-безразличного превосходства над «чужаками», зачастую бессмысленная ритуальность, экстремистский радикализм и агрессивность, порождавшие жесткую корпоративность со сложной неформальной иерархией. Исходя из этого, неизбежен вывод о том, что добровольческое офицерство представляло собой специфическое маргинальное общество. Чрезвычайная нестабильность данного внешне устойчивого конгломерата, выражавшаяся в идеологических, социальных-ЛСЛхешоигических, политических, культурных и сословно-бытовых противоречиях и постоянных трениях лидеров и группировок, продолжила многократные и разномасштабные расколы офицерского корпуса и стала одной из основных внутренних причин поражения добровольчества.

- ¹ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 85; Минаков СТ. Советская военная элита 20-х годов. С. 107-108.
- ² Геруа Б.В. Указ. соч. С. 88-89, 104-107.
- ³ Александр Иванович Гучков... С. 18-20.
- ⁴ См. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. - М.: Мысль, 1987. С. 243.
- ⁵ Александр Иванович Гучков... С. 18.
- ⁶ Ломоносов ЮД Указ. соч. С. 223.
- ⁷ См.: Ильин ИА О грядущей России: Избр. ст./Под ред. Н.П. Полторацкого. - М.: Воениздат, 1993- С. 96-97.
- ⁸ РГВИА Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 87. Несмотря на изменение после Февральской революции именованния «лейб-гвардии» на «гвардии» во всех источниках употребляется старая форма.
- ⁹ Деникин АИ. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. С. 266.
- ¹⁰ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 352. Л. 137.
- ¹¹ Керенский АФ. Указ. соч. С. 199.
- ¹² Будберг АП. Указ. соч. С. 220.
- ¹³ Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 35; Ларионов ВА Указ. соч. С. 32.
- ¹⁴ Трубецкой АЕ. История одной попытки//Князья Трубецкие. Россия восприняет!/Сост. А.В. Трубецкой. - М.: Воениздат, 1996. С. 521-524.
- ¹⁵ Гершельман АС. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии: Вооруженная борьба с Ш Интернационалом, 1919 год. В 2 ч. Ч. 1. - М.: Военно-историческая библиотека «Военной были», 1997. С. 10, 21.
- ¹⁶ Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 35; Гуль Р.Б. Конь рыжий. С. 304, 348; Половцов Л.В. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁷ Денежные документы генерала Алексева. С. 355-357; Половцов Л.В. Указ. соч. С. 203; Слашов-Крымский ЯА Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. - М.: Наука, 1990. С. 36; Шкуро АГ. Записки белого партизана//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 129-

- ¹⁸ Цит. по Шкуро АГ. Указ. соч. С. 164.
- ¹⁹ Клементьев В.Ф. Указ. соч. С. 12, 15.
- ²⁰ В память 1-го Кубанского похода: Сб./Под ред Б.И. Казановича и др. - Белград, 1926. С. 82.
- ²¹ История лейб-гвардии Конного полка. В 3 т. Т. 3. - Париж, 1964. С. 266.
- ²² Там же; Половцов Л.В. Указ. соч. С. 202.
- " Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера. С. 63, 65; Голубинцев [АВ.] Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920 гг. - Мюнхен, 1959. (Репринт: Орел, 1995) С. 206.
- ²⁴ Цит. по: Материалы для истории Корниловского... С. 227.
- ²⁵ Половцов Л.В. Указ. соч. С. 206.
- ²⁶ Денисов СВ. Указ. соч. С. 82.
- ²⁷ Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 36; Добровольец - 1936 - № 1 - С. 5; История лейб-гвардии Конного полка. В 3 т. Т. 3. С. 267.
- ²⁸ Генерал Кутепов. С. 45.
- ²⁹ Там же. С. 49; В память 1-го Кубанского похода. С. 37; Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 35.
- ³⁰ Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 70.
- ³¹ Там же. С. 56, 70, 114, 313.
- ³² РГВА Ф. 39720. Оп. 1. Д. 39. Лл. 1-1 об.
- ³³ Емельянов Е.Ф. Указ. соч. С. 91.
- ³⁴ Ларионов ВА Указ. соч. С. 120.
- ³⁵ Шульгин В.В. Деникин и Врангель/Публ. Н. Лисового//Военная быль - 1994-№5(134)-С. 32.
- ³⁶ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 233.
- ³⁷ РГВИА Ф. 409. ПС 2740. Л. 3 об.; ПС 2482. Л. 3.
- ³⁸ Цит. по: Генерал Кутепов. С. 363.
- ³⁹ Семеновский бюллетень - 1950 - № 20 - С. 43.
- ⁴⁰ РГВИА Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1298. Л. 5 об.
- ⁴¹ Ходнев ДИ. Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914-1920 гг.). - Белград, 1932. С. 39, 48.
- ⁴² Шкуро АГ. Указ. соч. С. 121.
- ⁴³ Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 212; Кирасиры Его Величества: Участие в Гражданской войне. Жизнь за рубежом/Сост. ВА Розеншильд-Паулин. - Париж, 1944. С. 133-134.
- ⁴⁴ Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 36; Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914-1920. В 4 ч. Ч. 4. - Париж, 1966. С. 78.
- ⁴⁵ Кирасиры Его Величества... С. 134.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Боевые расписания Белых армий. С. 77.
- ⁴⁷ РГВА Ф. 39914. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-3.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Д. 1. Л. 182.
- ⁴⁹ Мейснер Д.И. Указ. соч. С. 97.
- ⁵⁰ Шульгин В.В. 1920. С. 294-298.
- ⁵¹ Там же. С. 291-292.
- ⁵² ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 172.
- ⁵³ Шульгин В.В. 1920. С. 286.
- ⁵⁴ Там же. С. 291-292

- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 1. Л. 31. Документ опубликован нами: «Павшие гвардейцы»: Матриолог офицеров гвардейской пехоты, павших в рядах Добровольческой армии В1917-1919 гг./Публ. Р.М. Абинякина//Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург) - 1998 - № 5 - С. 56-58.
- ⁵⁶ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 2. С. 199.
- ⁵⁷ См., например: Уланы Его Величества. С. 52.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д 3. Л. 159.
- ⁵⁹ Волков СВ. Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справочника). - М.: Изд-во не указ., 2000. С. 223, 225-226, 229.
- ⁶⁰ Вестник Гвардейского Объединения - 1957 - № 2 - С. 38.
- ⁶¹ Ларионов ВА. Указ. соч. С. 65.
- ⁶² Генерал Кутепов. С. 59-
- ⁶³ Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 209-
- ⁶⁴ Кравченко Вл. Указ. соч. Т. 2. Прилож. 11 (С. не указ.)
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1.Д 1.Л. 182.
- ⁶⁶ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 2. С. 96.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-5853-Оп. 1Д. 1Л. 182; Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 273; Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 201.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 1. Л. 58.
- ⁶⁹ Материалы для истории Корниловского... С. 136.
- ⁷⁰ Первопоходник - 1971 - № 2 - С. 32.
- ⁷¹ Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 132.
- ⁷² Мамонтов СИ. Указ. соч. С. 161.
- ⁷³ Кравченко Вл. Указ. соч. Т. 1. С 209.
- ⁷⁴ Там же. С. 208-210; Мамонтов СИ. Указ. Соч. С. 148.
- ⁷⁵ Веркеенко ГЛ., Минаков СТ. Указ. соч. С. 25-28.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 1. Л. 100.
- ⁷⁷ Там же. Л. 31.
- ⁷⁸ Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 225-226, 233-234.
- ⁷⁹ Боевые расписания Белых армий. С. 87; Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 97.
- ⁸⁰ Мейснер Д.И. Указ. соч. С. 89.
- ⁸¹ Очерк о генерале Слащове... С. 88-89.
- ⁸² Дневник капитана лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко. С. 3,8; История лейб-гвардии Конного полка. В 3 т. Т. 3-С. 266.
- ⁸³ Дневник капитана лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко. С 3, 7.
- ⁸⁴ Голубинцев [А.В.] Указ. соч. С. 206.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д 2. Л. 64.
- ⁸⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 167.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо подвести итоги и сделать некоторые выводы. Для поклонников и идеализаторов Белого движения они будут неутешительны, а его противников, вероятно, разочаруют. И тем, и другим можно посоветовать иметь мужество взглянуть в лицо исторической правде.

Предпосылками и условиями зарождения и идейного становления офицерского корпуса Добровольческой армии были резкие изменения социального состава русского офицерства в ходе Первой Мировой войны и развал армии в февральско-октябрьский период 1917 г. Приток офицеров военного времени и широкое сословное расслоение сделали их, пробившихся на более высокую общественную ступень благодаря личным способностям и заслугам, самыми ревностными сторонниками «сильной власти» и «порядка». Возглавленные честолюбивыми, патриотически и достаточно прогрессивно настроенными генералами Корниловым, Алексеевым и Крымовым, они уже летом 1917 г. сделали попытки противостоять росту анархии, который они связывали и с активностью левых радикалов, и с политическим бессилием Временного правительства. Добровольческое движение в армии охватывало наиболее энергичных и деятельных офицеров, причем сначала преследовало цель укрепления боеспособности и лишь в связи с этим стало рассматриваться как внутривойсковое средство. Многочисленные легальные и негласные офицерские группы и организации патриотического толка осуществили первичное объединение того социального материала, который был готов к борьбе. Однако в силу политической неопытности, разобщенности и соперничества лидеры не смогли не только сыграть решающую роль, но даже устроить сколько-нибудь заметное выступление. Вместе с тем именно они подготовили и произвели первичное формирование Добровольческой армии и превращение ее в армию офицерскую.

Подробный и разнонаправленный статистический анализ систематизированных персонально-биографических данных 7209 офицеров, произведенный впервые, характеризует социальный состав добровольческого офицерства в совершенно новом, неожиданном свете. Медленная эволюция принципа комплектования офицерского корпуса армии от добровольческой импровизации к импровизированным мобилизациям не изменило ее социальную сущность, и доля офицеров в ней была и оставалась преобладающей, начиная с 70,1% и колеблясь в 1918-1920 гг. от 37,8% до 65,0%. Одновременно происходило все большее увеличение числа офицеров военного времени, которые к 1919-1920 гг. составили подавляющее большинство - 94,1%. Небольшое количество добровольцев (по

сравнению с мобилизованными) среди офицеров пополнений 01919 г. - 14,8% - максимально объективно указывает, для какой части старого русского офицерства Белое движение было по-настоящему привлекательно. Высокий уровень безвозвратных потерь (21,8%) указывает на непримиримость и устойчивость.

Сословная палитра добровольческого офицерства отличалась крайней пестротой и состояла в основном из разночинцев, многие из которых являлись выходцами из «бывшего податного населения». Представители дворянско-служилой, чиновно-офицерской среды сохраняли довольно заметное место - 35,9% - но окончательно утратили приоритет и значение. Это продолжало и усиливало демократизацию офицерства, необратимость которой ярко подчеркивалась претенциозностью и несостоятельностью гвардейской дворянско-монархической среды. Национально-конфессиональный состав офицеров-добровольцев определен несколько условно, но в то же время с предельно возможной точностью; его особенность заключается в наличии немалой доли инородцев (18,4%), что и еще более усиливало их неоднородность, и свидетельствует об отсутствии внутренней этнической розни.

Мировоззрение офицерского корпуса Добровольческой армии, то есть молодых офицеров военного времени, было лишено преемственности со староофицерским, ибо ускоренные подготовка и чинопроизводство не позволяли воспринять традиции должным образом, а сословная разнородность ориентировала на внешнее, «знаковое» подражание либо на демонстративное игнорирование. Поэтому неизбежными становились ценностные искажения и идейно-нравственные деформации, усиливавшиеся за счет порожденного экстремальными условиями Гражданской войны нервно-психического напряжения.

Сильные державно-патриотические пристрастия, ориентация на бескомпромиссно-силовое разрешение противоречий и резкая непримиримость к врагу превращали добровольческое офицерство в сторонников национально-военной надпартийной диктатуры авторитарного толка и неопределенного конкретного содержания, для которых постепенно утратили привлекательность и западные идеалы демократической республики, и романовская монархия. Симпатии к союзникам быстро сменились подспудным ощущением этнической ущербности и всплеском воинственного национализма.

Ценностный мир офицеров Добровольческой армии сочетал жесткую корпоративность, амбициозно-мессианское самовосприятие, деформированно-религиозный фатализм, экстремистскую агрессивность, безрассудно-романтический авантюризм

и демонстративную переоценку и смену прежних идеалов. Это оборачивалось обесцениванием жизни и морали, всплеском бессмысленного, казалось бы, мстительно-истерического насилия и грабежа, которые в действительности были прежде всего проявлением психологической компенсации и самоутверждения заново, то есть своеобразного социального ритуала. Высшей ценностью утверждалась неопределенно-хаотическая категория «добровольчества», способная вобрать любое привлекательное явление и по сути олицетворявшая абсолютизацию личного произвола и безнаказанности.

Вторым симптомом глубокого социокультурного кризиса стало разрушение прежней армейской иерархии и судорожное складывание новой, в основу чего легло старшинство не по чинам, а по добровольческому стажу. Данная военно-социальная пирамида структурировалась по нескольким направлениям, ключевыми признаками которых признавались первопоходничество, принадлежность к именным частям, добровольность поступления и личные качества. Образовавшаяся таким образом неформальная элита обладала высокой устойчивостью и напористостью, последовательно добившись официального утверждения и всеобщего признания.

Перечисленные социально-мировоззренческие особенности офицерского корпуса Добровольческой армии позволяют признать его уникальным маргинальным сообществом, специфика которого состояла в отсутствии перспективы его дальнейшего развития. Действительно, весьма заметной была внутренняя межиерархическая конфликтность, так как добровольческая офицерская корпорация являлась сложным конгломератом стремившихся к обособлению более мелких группировок: регулярной кавалерии, гвардии, казачества и т. д. Именно неспособность слиться в единую и сплоченную военно-политическую силу стала одной из центральных внутренних причин поражения добровольческого офицерства.

В последнее десятилетие имели место неоднократные попытки лихорадочно мятущихся идеологов утвердить преемственность современного общества и государственности с «Россией, которую мы потеряли» или с «Белой Россией». Избранный ими путь основан либо на абстрактно-идеализированном «притягивании за уши» в силу невежества, либо на полной пропагандистской беспомощности. Во-первых, такой подход искусственно выбрасывает из истории период глубочайших социальных, политических, экономических, культурных и особенно психологических и мировоззренческих изменений, происшедших в годы большевистского правления - изменений необратимых, нравит-

ся это кому или нет. Во-вторых, упускается из виду, что Белое движение было также порождением революционной эпохи - пусть не леворадикального, а неопределенно-авторитарного характера. Но в этом случае невозможно говорить о пресловутом «классическом» авторитаризме, учитывая глубокие мировоззренческие и психологические деформации добровольчества. Инстинктивно склоняясь к «чрезвычайным» насильственным действиям, действовать адекватно белым не удалось. Выступить в роли альтернативы большевикам офицеры-добровольцы смогли, но доиграть ее до победы не хватило ни сил, ни таланта.

Использовать исторические коллизии Белого добровольчества в качестве примера для подражания и руководства к действию чревато громким провалом. В то же время критическое, позитивное переосмысление позволит обогатить и — при желании - использовать отрицательный опыт преодоления российской смуты XX века.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Документ 1

Присяга революционера-волонтера

Перед сим красно-черным знаменем - символом революции и борьбы за свободу даю честное слово революционера-гражданина, что добровольно, бескорыстно, исключительно побуждаемый любовью к России и с целью защиты ее чести, свободы, равенства и братства и возвращения утерянных нами земель вступаю в ряды ударных революционных батальонов и принимаю на себя обязанности революционного солдата.

Обещаю:

1) Исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою приказания поставленных надо мною начальников.

2) Защищать каждого товарища, если ему угрожает опасность или он попросит помощи.

3) Наступать впереди всех, обгоняя передних.

4) Обороняться до получения ран, которые только одни могут заставить меня покинуть товарищей по оружию в бою или походе.

5) Не сдаваться в плен врагу живым.

6) Не пить ничего спиртного.

7) Хранить вверенные мне тайны и не иметь никаких братаний с врагом.

8) Быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию.

9) Никогда не падать духом, верить, что моя смерть за Родину и за свободу России есть счастье и оправдание моей присяги.

10) За неисполнение сей присяги объявляюсь врагом народа с изгнанием из рядов революционной армии.

Подпись

РГВИАФ. 2003-Он. 2. Д. 347-Л. 3. Публикуется впервые.

Документ 2

Наставление для формирования и обучения
ударных частей

Назначение ударных частей:

Прорыв неприятельской укрепленной позиции на важнейших участках и направлениях подготовленными для этого частями.

Задачи ударных частей:

- 1) Штурм особо важной части неприятельской позиции.
- 2) Поддержка уже ворвавшихся воинских частей, задержанных противником.
- 3) Контратака неприятеля, ворвавшегося на нашу позицию.
- 4) Поиск для разрушения оборонительных линий противника, особенно вредящих нашей обороне или задуманному наступлению.

Организация:

Выбираются храбрые, показавшие уже [себя] в боях, здоровые, выносливые, преимущественно желающие. Офицеры — наиболее выдающиеся в тех же отношениях. От одного батальона — один взвод, от одного полка — одна рота (три взвода), от одной дивизии — один батальон.

Обучение: дневные и ночные разведки, проделывание проходов, умение ориентироваться в системе окопов, владение холодным, огнестрельным оружием и пулеметами (нашими и иностранными), траншейными орудиями; оборудование окопов.

Воспитание: крепчайшая спайка части, развитое чувство взаимной выручки до крайних пределов, твердость характера и выносливость (физическая и моральная), глубокая активная личная инициатива общей задачи, выполнение с великой энергией и из всех сил.

Там же. Д. 348. Л. 27- Публикуется впервые.

Документ 3

Воззвание к офицерам и солдатам Румынского фронта

Офицеры и солдаты!

Учредительное Собрание разогнано. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают русскую землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего Отечества вызвало необходимость создания добровольческих войск. Приказом по Румынскому фронту за № 1334 объявлено о формировании 1-й Отдельной Бригады Русских Добровольцев.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины. [...]

Офицеры и солдаты! Вы спешите домой, но там вам не будет ни отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов — братоубийственная война, внутри них — голод и слезы. Если вам дороги ваши родные

очаги, ваши дети, матери, жены, сестры, если мысль о них сжимает ваше сердце, - ваше место под знаменем добровольческих войск. Хотите их защищать и спасти - идите к нам в 1-ю Отдельную Бригаду Русских Добровольцев.

Условия службы в 1-й Бригаде Русских Добровольцев.

1. В частях бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.

2. От поступающих требуется подписка о беспрекословном подчинении начальникам.

3- Содержание офицерам назначается с 200 р. в месяц при полном пищевом и вещевом довольствии, солдатам от 25 до 100 р. в месяц, в зависимости от времени службы, поведения и звания.

4. Производства в чины, награды, ранения, пенсии зачитываются на общих основаниях.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Музелер, № 24. На станции Унгени - специальный агент для пропуска прибывающих из России.

Кравченко Вл. Указ. соч. Т. I. С. 20-21.

Документ 4

Подписка при вступлении в Бригаду [полковника
М.Г.Дроздовского]

Я, _____, поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Русской Армии, причем за все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательств.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи, или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства в расквартировании, как то: теснота, грязь, холод и прочее.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени.

Там же. С. 21-22.

Документ 5

Я - ДОБРОВОЛЕЦ

1) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, потому что отдал свою молодость и проливаю свою кровь за могущество и величие Единой Неделимой России.

2) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, стою за созыв Народного Собрания, выбранного всем народом, так как верю, что оно даст счастье, мир и свободу всем: и левым, и правым, и казаку, и крестьянину, и рабочему.

3) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, даю землю всем крестьянам — настоящим труженикам, и так, что каждый крестьянин будет полным и вечным хозяином своего куска и потому с большей любовью будет его обрабатывать.

4) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, стою за восстановление фабрик и заводов, за то, чтобы рабочие сговорились со своими хозяевами и наладили труд, за то, чтобы никакой хозяин не мог обидеть рабочего, чтобы рабочий мог иметь свои союзы для защиты своих интересов. И кто враг рабочему и будет делать ему зло, чем будет мешать восстановлению промышленности, тот враг и мне, добровольцу. Там, где я, - мясо свежее, и хлеб стоит 1 - 2 р. фунт.

5) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, предоставляю каждому верить в своего Бога и молиться, как ему хочется, а всего больше, как русский, люблю свою веру православную.

6) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, люблю даже тех, с кем я сейчас воюю, - я, по приказу своего вождя, генерала Деникина, не расстреливаю, а беру в плен и предаю правосудию, которое страшно только для врагов народа - комиссаров, коммунистов.

7) Я - ДОБРОВОЛЕЦ, и поэтому говорю:

Да восстановится мир в поруганной и истерзанной России!
Никакого господства одного класса над другим!

Свободная и спокойная работа всем!

Никаких насилий над мирными гражданами, никаких
убийств, никаких казней без суда!

Долой хищников, угнетающих Россию! Долой коммуны!

Да здравствует Великая Единая Неделимая Россия!

ГАРФ. Ф. Р-5853-Оп. 1, Д. 1. Л. 236. Публикуется впервые.

Приложение 2

Таблица 1

Динамика записи в «части смерти» в 1917 г.

Даты	17 июля	5 августа	3 сентября	21 октября	13 ноября
Части					
Корпуса	4	-	-	-	-
Дивизии	5	-	-	-	-
Бригады	11	6	2	-	-
Полки	21	14	6	4	1
Батальоны	15	27	3	10	-
Эскадроны	-	1	1	1	-
Дивизионы	25	21	3	8	1
Батареи	43	40	20	27	-
Роты	21	22	12	25	3
Команды	19	19	13	11	1
Отряды	4	2	-	3	-
Единицы флота	1	1	-	1	-

Сост. по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д 347. Лл. 303-305; Д 352. Лл. 2-3, 65-68, 88, 139-140.

Таблица 2

Штатный состав ударных частей

Часть Должность	Ударный батальон	Ударный полк	
		Трехбатальонный	Четырехбатальонный
Офицеры	26	72	89
Военные чиновники	5	8	10
Священники	-	1	1
Солдаты-ударники	1284	3427	4483
Всего солдат	1370	3665	4748
ВСЕГО	1401	3746	4848

Сост. по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д 347. Лл. 331-332, 364-365.

Таблица 3

Сословный состав юнкеров ряда военных училищ в 1915-1917 гг.

Дворяне	123	7,6%
Дети офицеров и чиновников	185	11,5%
Почетные граждане	100	6,2%
Духовенство	126	7,8%
Купцы	40	2,5%
Мещане	398	24,7%
Крестьяне	611	38,0%
Прочие	27	1,7%
Итого	1610	100%

Сост. по: Волков СВ. Русский офицерский корпус. С. 353.

Таблица 4

Соотношение кадровых и офицеров военного времени
и их безвозвратных потерь в добровольческих частях 1917 г.

Офицеры-ударники	Кадровые	Военного времени	Всего	В том числе погибшие
Командиры	27	27	54	14
Прочие	2	30	32	4
Итого	29	57	86	18

Сост. на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 5
Размеры месячного содержания в Добровольческой армии от 4 января 1918 г.

Должность	Характер выплат	Жалованье	Суточные надбавки
Командир полка		400 р.	4 р.
Помощник командира полка		350"	3"50
Командир батальона		300"	3" -
Командир роты		225"	2"50
Помощник командира роты		175"	2" -
Рядовой офицер		150"	1"50
Фельдфебель		50"	1" -
Взводный командир		40"	1" -
Отделенный		35"	1" -
Рядовой солдат		30"	1" -
Старший врач		300"	3" -
Казначей		225"	2"50
Делопроизводитель		225"	2"50
Младший врач		225"	2"50
Священник		225"	2"50
Квартирмейстер		150"	1"50
Заведующий оружием		150"	1"50

РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д 37. Л. 20.

Таблица 6
Таблица окладов содержания для офицеров [отряда Дроздовского] от 29 апреля 1918 г.

Должности	Категории	Холостые	Женатые
Командир полка		600	700
Помощник командира полка и командир батальона		450	500
Командир роты		400	450
Фельдфебель		350	400
Командир взвода, адъютант и начальник команды		300	350
Отделенный командир		250	300
Не занимающий командные должности		200	250

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д 417. Л. 201.

Таблица 7
Социально-профессиональный состав участников 1-го Кубанского похода

Генералы	Офицеры		Прочие чины армии	Всего военных чинов
	Кадровые	Военного времени		
36	457	1857	1057	3407
1.1%	13.4%	54.5% (79.0%)	31.0%	100%

Сост. по: Личный состав Добровольческой армии//Кубанец. 1993. №4. С. 7.

Таблица 8

Численность офицеров отдельных частей Добровольческой армии -
участников 1-го Кубанского похода и чинов отряда Дроздовского

Части	Офицеры	Кадровые	Военного времени	В том числе прапорщики	Всего	Безвозвратные потери	
						Всего	Самоубийства
Корниловский ударный полк		49	139	46	188	47	4
Сводно- Офицерский полк		72	277	177	349	93	4
Партизанский пеший полк		20	52	31	72	8	-
Кавалерия		18	77	13	95	>2	?
Чехословацкий батальон		8	45	16	53	22	-
Прочие части		63	89	24	152	12	-
Отряд Дроздовского		61	619	272	686	164	9
Итого		297	1298	579	1595	>348	17

Сост. на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 9

Соотношение кадровых и офицеров военного времени
в Корниловских частях и подразделениях

Периоды	Офицеры	Кадровые	Военного времени	Всего
1919 г.		24	102	126
1920 г.		11	212	223
Галлиполи		21	176	197
Итого		56	490	546

Сост. по РГВА. Ф. 39687. Оп. 1. Д. 17, 21; Критский МА Указ. соч.; Материалы для истории Корниловского ударного полка; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 10

Соотношение кадровых и офицеров военного времени
в Марковских частях и подразделениях

Периоды	Офицеры	Кадровые	Военного времени	Всего
Вторая половина 1918 г.		33	749	782
Пополнения за июль-сентябрь 1918 г.		37	329	366
1919 г.		13	327	340
Пополнения за июль-август 1919 г.		3	293	296
1920 г.		15	269	284
Галлиполи		36	504	540
Итого		137	2491	2628

Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 562; Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 83-84; РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 7, 11-12; Марковцы в боях и походах...; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках

Таблица 11

Соотношение кадровых и офицеров военного времени
в Алексеевских частях и подразделениях

Периоды	Офицеры	Кадровые	Военного времени	Всего
Вторая половина 1918 г.		42	320	362
Пополнения за август-декабрь 1918 г.		19	159	178
Галдиполи		37	208	245
Итого		100	675	785

Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-9123. Оп. 1. Д 2; РГВА Ф. 39725. Оп. 1. Д 8, 24; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 12

Соотношение кадровых и офицеров военного времени
в Дроздовских частях и подразделениях

Периоды	Офицеры	Кадровые	Военного времени	Всего
Вторая половина 1918 г.		3	236	239
Пополнения за август-сентябрь 1918 г.		31	471	502
1920 г.		28	796	824
Итого		62	1503	1565

Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д 417-418, 421; Р-5895. Оп. 1. Д 49; Ф. Р-6050. Оа 1. Д 2; РГВА Ф. 39725. Оп. 1. Д 5, 11; Кравченко Вл. Указ. соч.; Туркул А.В. Указ. соч.; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 13

Соотношение кадровых и офицеров военного времени и их безвозвратных потерь в
возрождавшихся в Добровольческой армии традиционных частях
(на примере регулярной кавалерии и гренадер)

Части	Офицеры	Кадровые	Военного времени	Всего	Безвозвратные потери	
					Боевые	Небоевые
1-й гусарский Сумской полк		4	22	26	8	?
5-й гусарский Александрийский полк		10	4	14	1	?
11-й гусарский Изюмский полк		10	36	46	4	1
17-й гусарский Черниговский полк		5	2	7	2	1
16-й драгунский Тверской полк		1	И	12	?	?
17-й драгунский Нижегородский полк		4	25	29	3	1
18-й драгунский Северский полк		3	3	6	?	?
9-й уланский Бугский полк		4	4	8	1	?
12-й уланский Белгородский полк		14	18	32	8	7
Прочие кавалерийские полки		14	9	23	?	?
Сводные гренадеры		15	26	41	12	1
Итого		83	160	243	37	11

Сост. на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 14

Словно-служебные данные командиров Корниловских полков, их батальонов и некоторых рот и команд в 1917-1920 гг.

Ф. И. О, годы жизни	Сословие	Время вступления	Продвижение в чинах	Дальнейшая судьба
1	2	3	4	5
Будлобаш Евгений Григорьевич (1873-1967)	Издворян	Первопоходник	Полковник/генерал-майор	В эмиграции
Васильев Анатолий Александрович (1898-1963)	Из крестьян	Тоже	Унтер-офицер/капитан	Тоже
Возовик Дмитрий Александрович (1894-1965)	Из казаков	Тоже	Поручик/капитан	Тоже
Головава Георгий Адамович (1892-1966)	Из мещан	Тоже	Вольноопределяющийся/поручик	Тоже
Гордиенко Карп Павлович (7-1967)	Из крестьян	Осень 1918г.	Полковник	Тоже
Дашкевич Михаил Никитич	Духовное	Первопоходник	Поручик/подполковник	В эмиграции
Ерогин Лев Михайлович (?-1939(1943?))	Изофицерской семьи	Первопоходник	Полковник/генерал-майор	Тоже
Зозулевский Сергей Илларионович	Издворян	Тоже	Подполковник/полковник	Тоже
Иванов Константин Васильевич (1894-1977)	Из дворян	?	Гвардии капитан/полковник	Тоже
Индейкин Владимир Иванович (?-1918)	Из крестьян	Первопоходник	Полковник	Убит
Каппин Константин Николаевич	Изофицерской семьи	Тоже	Ген. Штаба капитан/полковник	В эмиграции
Кисель Никифор Лукич Кленовой (Песчаник-Кленовой) Трофим Васильевич (?-1967)	Из мещан	Первопоходник	Сотник/есаул	?
Кондратьев Иван Михайлович (1889-1945)	Из мещан	Тоже	Подпоручик/капитан	В эмиграции
Краснянский Тихон Петрович (1876-1918)	Из казаков	Тоже	Капитан/полковник	Тоже
Леонтьев Константин Иванович (1874)	Издворян	Тоже	Полковник	Убит
Левитов Михаил Николаевич (1892-1982)	Духовное	Тоже	Тоже	В эмиграции
Милеев Николай Васильевич Р-1920)	Из казаков	Тоже	Поручик/полковник	Тоже
Неженцев Митрофан Осипович (1887-1918)	Из казаков	Тоже	Есаул	Покончил собой
Пашкевич Яков Антонович (?-1920)	Издворян	Тоже	Ген. Штаба капитан/полковник	Убит
Пашкевич Яков Антонович (?-1920)	Из крестьян	Тоже	Капитан/полковник	Тоже
Пешня Михаил Александрович (?-1937)	Из мещан	Осень 1918г.	Полковник/генерал-майор	В эмиграции
Пух Роман Филиппович (?-1958)	Из мещан	Первопоходник	Штабс-капитан/подполковник	Тоже
Скоблин Николай Владимирович (1893-1938?)	Из дворян	Тоже	Штабс-капитан/генерал-майор	Тоже
Ткаченко Николай Григорьевич (1890-1975)	Из дворян	Тоже	Прапорщик гвардии/капитан	Тоже

Продолжение таблицы 14

1	2	3	4	5
Токаревич Георгий Александрович (1896-1972)	Из мещан	Тоже	Подпоручик/капитан	Тоже
Томашевский Георгий Викторович (1895-1919)	Изофицерской семьи	Тоже	Штабс-капитан	Убит
Трембовельский Александр Дмитриевич (0898-1985)	Из почетных граждан	Тоже	Прапорщик/капитан	В эмиграции
Трошин Григорий Захарович (1891-1971)	Из крестьян	Тоже	Штабс-капитан/подполковник	Тоже
Ухтомский Николай Павлович, князь (1886-?)	Издворян	Тоже	Поручик/капитан, ротмистр	Тоже
Шкуратов Николай Николаевич (1872-1918)	Из казаков	Тоже	Полковник	Убит
Щеглов Василий Павлович (1883-1930)	Из мещан	Тоже	Капитан/полковник	В эмиграции

Сост. по: РГВИА. Ф. 409. ПС 118-167, 251-787, 293-226, 305-998; Критский МА. Указ. соч.; Материалы для истории Корниловского ударного полка; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 15

Сословная принадлежность командного состава именных частей Добровольческой армии

Сословия	Дворяне	Шести офицеры и чиновников	Духовенство	Мещане	Крестьяне	Прочие	Казаки	Всего
Офицеры								
Корниловцы	8	3	2	7	5	1	5	31
Марковцы		5	-		15		-	20
Дроздовцы		7	-	4	2	-	-	13
Итого	23		2		34		5	64

Сост. на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 16

Национально-этнические корни офицерского корпуса Добровольческой армии

Части	Русские, малороссы, белорусы	Прочие славяне	Этнические немцы	Кавказско-азиатские народности	Евреи	Прочие	Всего
Корниловская дивизия	641	40	24	12	8	9	734
Марковская дивизия	1890	187	135	41	69	33	2355
Дроздовская дивизия	1902	113	82	44	31	30	2202
Алексеевская бригада	741	34	28	25	16	13	857
Регулярная кавалерия	192	34	37	21	-	12	296
Сводные гренадеры	30	4	5	2	-	-	41
Сводные гвардейцы	317	54	62	10	-	32	475
Прочие офицеры	166	58	11	5	6	3	249
Итого	5879	524	384	160	130	132	7709

Сост. на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

Таблица 17

Соотношение кадровых и офицеров военного времени и их безвозвратных потерь в ездоно-гвардейских частях Добровольческой армии

Офицеры	Кадровые	Военного времени	Безвозвратные потери	Всего (в том числе титулованных)
Периоды				
1-й Кубанский поход	42	29	22	71(6)
1918 г.	69	94	96	163(9)
1919-1920 гг.	118	123	33	240(13)
Итого	229	246	151	475 (28)

Сост. по: РГВИА. Ф. 39914. Оп. 1. Д 1-2; а также на основе систематизированных персонально-биографических данных офицеров, выявленных во всех использованных источниках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Фонд Р-5827 - АИ. Деникин.
2. Фонд Р-5853 - АА фон Лампе.
3. Фонд Р-5881 - Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.
4. Фонд Р-5895 - В.Г. Харжевский.
5. Фонд Р-6050 - Штаб Дроздовского стрелкового полка.
6. Фонд Р-6562 - АВ. Бинецкий.
7. Фонд Р-9123 - Штаб Алексеевского пехотного полка.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

8. Фонд 69 - АМ. Зайончковский.
9. Фонд 409 - Послужные списки.
10. Фонд 2003 - Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).
11. Фонд 2583 - Лейб-гвардии Преображенский полк
12. Фонд 2740 - 126-й пехотный Рыльский полк.

Российский государственный военный архив (РГВА)

13. Фонд 39687 - Штаб 2-го генерала Корнилова ударного полка.
14. Фонд 39688 - Штаб Офицерской генерала Маркова дивизии.
15. Фонд 39689 - Штаб 1-го пехотного генерала Маркова офицерского полка.
16. Фонд 39720 - Управление Добровольческой армии. Штаб Кавказской добровольческой армии. Штаб Добровольческой армии. Штаб отдельного Добровольческого корпуса.
17. Фонд 39725 - Управление полевого контролера Добровольческой армии.
18. Фонд 39914 - Штаб 2-го Сводно-Гвардейского полка.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

- 19- Фонд П-2 - Орловская губернская Контрольная Комиссия РКП(б).

Опубликованные документы

20. Белый угол (документ из россыпи)/Публ, коммент. АС. Кручинина// Военная быль (Москва) - 1994 - № 5 (134) - С. 16-17.
21. Боевой состав Вооруженных Сил Юга России на 5 октября 1919

- года/ Публ. Р.Г. Гагкуева//Белая Гвардия: Альманах (Москва) - 1998 - № 2 - С. 69-96.
22. Боевые расписания Белых армий/Публ. В.Ж. Цветкова//Белая Гвардия - 1997 - № 1 - С. 72-94.
23. Денежные документы генерала Алексеева//Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. - Берлин, 1922. С. 345-357.
24. Дневники, записи, письма генерала Алексеева и воспоминания об отце В.М. Алексеевой-Борель/Публ. Н. Рутыча//Грани - 1982 - № 125 - С. 107-306.
25. Из блокнота генерала М.В. Алексеева//Белый архив: Сборник материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п./Под ред. Я.М. Лисового. Вып. I. - Париж, 1926. С. 156-157.
26. Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г./Предисл., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое: Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург) - 1991 - Кн. 1 - С. 150-172.
27. Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. В 3 т. Т. 2. - М.: Советская Россия, 1961. - 895 с.
- 28: К истории ВЧК письмо АИ. Эрзмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому/ Ввод, ст., подгот. текста и коммент. АИ. Колпакиди//Русское прошлое - 1996 - Кн. 6 - С. 181-209.
29. К истории осведомительной организации «Азбука» (из коллекции П.Н. Врангеля Архива Гуверовского института)/Ввод, ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1993 - Кн. 4 - С. 160-193.
30. «Марш дроздовцев» (от Ростова до Новороссийска): Дневник поручика 1-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка [ИА] Долакова о боевых действиях полка с декабря 1919 по март 1920 гг./Публ. В.Ж. Цветкова//Белая Гвардия - 1997 - № 1 - С. 36-42; 1998 - № 2 - С. 26-33.
31. Махров П.С. Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России/Публ. Н.Г. Росса//Грани - 1982 - № 124 - С. 190-243.
32. «Мой батальон не осрамит России...»: Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой/Публ. не указ./Родина - 1993 - № 8/9 - С. 78-81.
- 33- Письмо генерала-от-инфантерии М.В. Алексева к генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу от 8.11.1917 г./Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 12 кн. Ч. 1 кн. 2. - Б/м, 1937. С. 51-57.
34. Рапорт начальнику 7-й пехотной дивизии о необходимости воссоздания кадров 42-й и 78-й пехотных дивизий//Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга

России, Русской армии). Кн. 1. — М.: Посев, 2000. С. 52-54.

35. Реорганизация Вооруженных Сил Юга России. Состав Русской Армии, апрель-май 1920 г./Дам же. С. 82-91.

36. Русская военная эмиграция 20-40-х годов: Документы и материалы/ Отв. сост. И.И. Басик Т. 1. Кн. 2. - М: 1ея, 1998. - 752 с.

37. Российская императорская гвардия на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа/Публ. В.Г. Бортневского и Е.З. Кузьмук//Русское прошлое - 1993 - Кн. 4 - С. 343-349.

38. Российские военные моряки и военные летчики на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа/Публ. В.Г. Бортневского и Е.З. Кузьмук//Русское прошлое -1994 - Кн. 5 - С. 357-364.

39- Список кавалеров ордена Святителя Николая Чудотворца//Лампе АА Пути верных: Сборник - Париж, 1960. С. 135-139-

40. Список (второй) кавалеров ордена Святителя Николая Чудотворца// Лампе АА Пути верных: Сборник — Париж, 1960. С. 143-150.

41. Список похороненных на Братском военном кладбище 13 ноября 1917 г./ Сост., публ. А. Кондратьевой//Военная быль - 1993 - №1(130) -С. 21-22.

Мемуары

42. Александр Иванович Гучков рассказывает...-. Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. - М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. - 144 с.

43. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях: Былое и думы бывшего эмигранта. - М: Мысль, 1969. — 374 с.

44. Байдак АА Участие Белгородских улан в Гражданской войне. 1917-1920. - Белград, 1931. - 46 с.

45. Белый Свет России. 1917-1995: Сборник. - М.: Новая Святая Русь, 1996.- 288 с.

46. Богаевский АП. 1918 год//Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Ледяной поход/Сост., науч. ред. и коммент. СВ. Карпенко. - М.: Голос, 1993. С. 5-112.

47. Бонч-Бруевич МД Вся власть Советам: Воспоминания/Лит, запись И. Кремлева. - М.: Воениздат, 1958. - 360 с.

48. Бочкарева М. Яшка: Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная/ Лит. запись И. фон Левина. Вступл., публ. С. Дрокова. С англ. Сокр. пер. И. Дорониной//Дружба народов - 1993 - № 6 - С. 5-47.

49. Будберг АП. Дневник//Архив русской революции. В 22 т. Т. 12.- Берлин, 1922. С. 197-290.

50. Бугаков МА Грядущие перспективы//Булгаков МА Из лучших

- произведений/Предисл., коммент. В.И.Лосева. - М., 1993. С. 54-56.
51. Бутков Н. Самурский полк//Белая гвардия - 1997 - № 1 - С. 50-52.
52. В память 1-го Кубанского похода: Сборник/Под ред. Б.И. Казановича и др. - Белград, 1926. - 149 с.
53. Ваврик ВР. Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. - Львов, 1923. - 43 с.
54. Валентинов АА. Крымская эпопея (По дневникам участника и по документам)//Архив русской революции. Т. 5. - Берлин, 1922. С. 5-100.
55. Венус ГД. Война и люди: Семнадцать месяцев с дроздовцами//Я ставлю крест...: А. Туркул. Дроздовцы в огне; Г. Венус. Война и люди. - М: Воениздат, 1995. С. 183-363.
56. Верховский АИ. На трудном перевале. - М: Воениздат, 1959. - 448 с.
57. Витковский В.К. В боях за Россию: Воспоминания. - Сан-Франциско, 1963. - 80 с.
58. Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений/Под, ред. Ю. Фельштинского. - М. ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. - 320 с.
59. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. - ноябрь 1920 г.). В 2 кн. - М: Менеджер, Космос, Каталог, 1991. - 294, 236 с.
60. Генерал Кутепов: Сборник статей. - Париж, 1934. - 378 с.
61. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. - Париж, 1969, 1970. - 276, 218 с.
62. Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии: Вооруженная борьба с Ш Интернационалом, 1919 год. В 2 ч. - М: Военно-историческая библиотека «Военной были», 1997, 1998. - 84, 92 с.
63. Гиацингов Э.Н. Записки белого офицера/Вступит, ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского. - СПб.: «Интерполиграфцентр» СПбФК, 1992. - 267 с.
64. Гиацингов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году/Предисл., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1991 - Кн. 1.-С. 73-113.
65. Голубинцев [АВ.] Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920 гг. - Мюнхен, 1959- (Репринт: Орел, 1995) - 212 с.
66. Гуль Р.Б. Конь рыжий: Автобиография//Гуль Р.Б. Красные маршалы: Исторические романы и очерки. - М: Терра, 1995. С. 221-429.
67. Гуль Р.Б. Ледяной поход//Белое дело. Ледяной поход. - М: Голос, 1993. С. 217-312.
68. Деникин АИ. Белое движение и борьба Добровольческой армии (Очерки Русской Смуты)//Белое дело. Дон и Добровольческая армия. - М: Голос, 1992. С. 210-328.
69. Деникин АИ. Борьба генерала Корнилова//Белое дело. Генерал Корнилов. - М: Голос, 1993. С. 9-211.

70. Деникин А.И. Вооруженные Силы Юга России (Очерки Русской Смуты)//Белое дело. Дон и Добровольческая армия. С. 329-393 (Ч. 1); Белое дело. Поход на Москву. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 5-297 (4.2).
71. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. Репринт. - М.: Наука, 1991. - 520 с.
72. Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. - Нью-Йорк, 1937. - 128 с.
73. Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники/Сост. Л.И. Петрушева. Под ред. С.Г. Блинова и М.Д. Филина. - М.: Терра, 1997. - 496 с.
74. Дневник капитана лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко/Публ. Т.Д. Литовченко-Вышеславцевой//Звезда - 1995 - № 2 - С. 3-18.
75. Дроздовский М.Г. Дневник//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 5-74.
76. Евгений Эдуардович Месснер: Судьба русского офицера. - СПб.: СПбГУ, 1997. - 52 с.
77. Емельянов Е.Ф. Воспоминания добровольца//Белое дело: Летопись Белой борьбы/Под ред. А.А. фон Лампе. Вып. IV. - Берлин, 1926. С. 82-92.
78. Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй Мировой войне. - М.: Терра, 1991. - 239 с.
79. Залесский П.И. Главные причины неудач Белого движения на Юге России//Белый архив. Вып. И-Ш. - Париж, 1928. С. 151-172.
80. За Родину: Сборник очерков и рассказов из жизни и быта Добровольческой армии. Вып. 1. - Одесса: ОСВАГ, 1919- - 36 с.
81. Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914-1920. В 4 ч. Ч. 4. - Париж, 1966. - 206 с.
82. Изюмцы в боях за Россию: Воспоминания офицеров 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка/Сост. В.И. Алявдин. - М.: АИРО-XX, 1997. - 256 с.
83. Иконников Н.Ф. Пятьсот дней: Секретная служба в тылу большевиков 1918-1919 гг./Ввод. ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Бортневского//Русское прошлое - 1996 - Кн. 7 - С. 43-105.
84. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи/Под ред. Н.П. Полторацкого. - М.: Воениздат, 1993- - 368 с.
85. История лейб-гвардии Конного полка. В 3 т. Т. 3. - Париж, 1964. - 237 с.
86. Капустянский А.П. Поход дроздовцев. - М.: Русский путь, 1993. - 31 с.
87. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. Пер. с англ. - М.: Республика, 1993- - 384 с.
88. Кирасиры Его Величества: Участие в Гражданской войне. Жизнь за рубежом/Сост. В.А. Розеншильд-Паулин. - Париж, 1944. - 290 с.

89. Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918-1920). - М.: Русский путь, 1998. - 448 с.
90. Колтышев П.В. На страже русской чести (Париж, 1940-1941 гг.)// Русское прошлое - 1992 - Кн. 3 - С. 167-224.
91. Кравченко Вл. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи: Сборник В 2 т. - Мюнхен, 1974, 1975. - 384, 365 с.
92. Кремлев ИЛ. Былое: Из воспоминаний. - М.: Молодая гвардия, 1959. - 254 с.
- 93- Кривошеев А. Песни корниловца. - Ростов-на-Дону, 1919. - 12 с.
94. Критский МА Корниловский ударный полк. — Париж, 1936. - 229 с.
95. Лампе АА Пути верных: Сборник - Париж, 1960. - 258 с.
96. Ларионов ВА Последние юнкера. - Франкфурт-на-Майне, 1984. - 243 с.
97. Лейб-гвардии 2-я Артиллерийская бригада/Сост. А.Ф. Аккерман. - Белград, 1931. - ПО с.
98. Лембич М. Великий печальник - Омск, 1919- - 63 с.
- 99- Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года//В.Б. Станкевич. Воспоминания 1914-1919 гг. Ю.В. Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции 1917 года/Сост., вступ. ст., примеч. АС. Сенина. - М.: РГТУ, 1994. С. 217-285.
100. Лукомский АС. Из воспоминаний//Архив русской революции. В 22 т. - Берлин, 1922. Т. 2. С. 14-44. Т. 5. 101-190.
101. Макаров П.В. Партизаны Таврии. - М.: Воениздат, 1960. - 383 с.
102. Мамонтов СИ. Походы и кони: Воспоминания о Гражданской войне//Подъем - 1992 - № 5/6 - 256 с.
103. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 гг./Сост. В.Е. Павлов. В 2 кн. - Париж, 1962, 1964. - 369, 393 с.
104. Материалы для истории Корниловского ударного полка/Сост. М.Н. Левитов. - Париж, 1974. - 667 с.
105. Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. - СПб.: Логос, 1994. - 290 с.
106. Махров П.С. В штабе генерала Деникина//Русское прошлое - 1993-№ 3-С. 140-166.
107. Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. - М., АПН, 1966. - 300 с.
108. Нестерович-Берг МА В борьбе с большевиками: Воспоминания. - Париж, 1931- - 227 с.
109. Октябрь на фронте: Воспоминания/Коллектив авторов. — М.: Воениздат, 1967. - 296 с.
110. Оприц И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917-1920. - Париж, 1939. - 365 с.
111. Очерк об участии 1-го Офицерского генерала Маркова полка

во Втором Кубанском походе (автор неуказ.)//Предисл., публ. и коммент. Р.Г. Гагкуева//Белая Гвардия -1999/2000 - № 3 - С. 23-42.

112. Очерк о генерале Слащове, составленный в 1929 г. генералом П.И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В.Ф. Фролова и капитана АА фон Дрейера/Публ. Л. Петрушевой//Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3- - М.: Историческое наследие, 1993- С. 85-107.

113. Памятные дни: Из воспоминаний гвардейских стрелков. В 3 кн. Кн. 3. - Таллинн, 1939. - 136 с.

114. Пауль СМ. С Корниловым//Белое дело. Ледяной поход. - М.: Голос, 1993. С. 182-216.

115. Песни Белой России/Публ. А. Гайрабетова//Белая Гвардия - 1998- № 2-С.97-103.

116. Половцов Л.В. Рыцари тернового венца: Воспоминания члена Государственной думы. - Прага, б/д. - 218 с.

117. Половцов ПАДни Затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала ПА Половцова в 1917 году)/Предисл., указ., примеч. АС. Сенина. - М.: ГПИБ, 1999. - 273 с.

118. Попов КС. Воспоминания кавказского гренадера 1914-1920 гг. - Белград, 1925. - 282 с.

119. Против Деникина: Сборник воспоминаний/Сост. и науч. ред. А.П. Алексашенко. - М.: Воениздат, 1969. — 408 с.

120. Пушкарев С.Г. На бронепоезде «Офицер» в белой Таврии. 1920 год/ Публ. и коммент. В. Цветкова и Л. Хворых//Белая Гвардия - 1999/2000 - № 3 - С. 43-55.

121. Пылин Б. Первые четырнадцать лет: 1906-1920. - Калифорния, 1972. - 213 с.

122. Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция/ /Архив русской революции. В 22 т. Т. 6. - Берлин, 1922. С. 5-80.

123. Родзянко М.В. Крушение империи. - Харьков, 1990. - 296 с.

124. Русские в Галлиполи: Сборник статей, посвященных пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. - Берлин, 1923. - 490 с.

125. Савич Н.В. Закат Белого движения/Публ. Н. Рутыча//Москва - 1991 - № И - С. 13-68 - № 12 - С. 104-146.

126. Семенов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). - М.: АСТ, Гей, 1999-- 320 с.

127. Слащов-Крымский ЯА Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. - М. Наука, 1990. - 272 с.

128. Станкевич В.Б. Воспоминания 1914-1919 гг.//В.Б. Станкевич. Воспоминания 1914-1919 гг. Ю.В. Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции 1917 года/Сост., вступ. ст., примеч. АС. Сенина. - М.: РПУ, 1994. С. 10-216.

129- Столыпин АА Записки драгунского офицера (1917-1920 гг.)// Русское прошлое - 1993 - Кн. 3 - С. 6-104.

130. Суворин А. Поход Корнилова. - 2-е изд. - Ростов-на-Дону, 1919. - 192 с.
131. Сумские гусары 1651-1951. - Буэнос-Айрес, 1954. - 322 с.
132. Трубецкой А.Е. История одной попытки//Князя Трубецкие. Россия воспрянет!/Сост. А.В. Трубецкой. - М.: Воениздат, 1996. С. 519-526.
133. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд//Там же. С. 45-122.
134. Туркул А.В. Дроздовцы в огне: Картины Гражданской войны 1918-1920 гг. (в лит. обработке И. Лукаша)//Я ставлю крест... А Туркул. Дроздовцы в огне; Г. Венус. Война и люди. - М.: Воениздат, 1995. С. 5-182.
135. Уланы Его Величества: 1876-1926. - Белград, 1926. - 62 с.
136. Федоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона (Воспоминания). - Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1994. - 176 с.
137. Хаджиев Р.Б. Великий Бояр. - Белград, 1929. - 397 с.
138. Ходнев Д.И. Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914-1920 гг.). - Белград, 1932. - 42 с.
139. Шагал [П.В.] Женский батальон//Военная Быль (Париж) - 1969 - №95.С.
140. Шапрон-дю-Ларрэ А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г.//Русское прошлое - 1993 - Кн. 3 - С 150-159.
141. Ширвинт Лейб-драгуны дома и на войне. Вып. 4. - Париж, 1931. - 144 с.
142. Шкуро А.Г. Записки белого партизана//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 75-246.
- 143- Штейфон Б.А. Кризис добровольчества//Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: Голос, Сполохи, 1996. С. 247-350.
144. Шульгин В.В. Деникин и Врангель/Публ. Н. Лисового//Военная быль - 1994 - № 5 (134) - С. 31-35 - 1995 - № 6 (135) - С. 38-41.
145. Шульгин В.В. 1920//Шульгин В.В. Дни. 1920/Сост. и вступ. ст. Д.А. Жукова; коммент. Ю.В. Мухачева. - М.: Современник, 1990. С. 283-530.
146. Эфрон С.Я. Записки добровольца/Сост. и предисл. Е. Коркиной. Подгот. текстов и примеч. Н. Морс. - М.: Возвращение, 1998. - 240 с.

Периодические издания

147. Вестник Гвардейского Объединения. 1957.
148. Вестник Галлиполийцев. 1937-1940.
- 149- Вестник Общества Галлиполийцев. 1933-1937.
150. Вестник первопоходника: Издание калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода. 1961-1970.

151. Доброволец: Издание Союза Добровольцев. 1936-1938.
152. Корниловец: Лагерь Горно-Паничерово. 1922.
153. Кубанец - Донской атаманский вестник- Журнал истории казачества (Ростов-на-Дону). 1993, 1996.
154. Первопоходник: Летопись Белой борьбы. 1971-1976.
155. Переключка. 1961.
156. Семеновский бюллетень. 1950.
157. Финляндец. 1929-1935.
158. Часовой. 1929-1939, 1970-1987.

Литература

159. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. - М: РОССПЭН, 1997. - 376 с.
160. Бушин А. Орден Святого Георгия штабс-капитана Туркула// Военная быль - 1997 - № 9 (138) - С. 12-14.
161. Веркеенко ГЛ., Минаков СТ. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. - М: МГОПИ, 1993.- 283 с.
162. Волков СВ. Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справочника). - М: Изд-во не указ., 2000. - 368 с.
163. Волков СВ. Первые добровольцы на Юге России. - М: НП «Посев», 2001.- 368 с.
164. Волков СВ. Русский офицерский корпус. - М: Воениздат, 1993. - 368 с.
165. Воронов А.В. Ольгины гусары. 3-й гусарский Елизаветградский Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полк 1764-1964: Страницы полковой истории. - М: Рейтар, 1999.-96 с.
166. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 12 кн. - Б/м, 1937.
167. Грунт АЛ, Старцев ВЛ. Петроград - Москва. Июль-ноябрь 1917. — М: Политиздат, 1984. - 280 с.
168. Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917-1922: Белые армии. - М, АСТ, 1998. - 48 с.
169. Дерябин А.И. Регулярная кавалерия Вооруженных Сил на Юге России//Белая Гвардия - 1997 - № 1 - С. 12-20.
170. Зимина ВД. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны: Автореф. дис.... докт. ист. наук - М, 1998.
171. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. - М: Наука, 1995. - 238 с.
172. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2 т. - 2-е изд., уточн. -

М: Политиздат, 1990. - 272,431 с.

173. Капустин М.И. Заговор генералов (Из истории корниловщины и ее разгрома). - М.: Мысль, 1968. - 261 с.

174. Кондратьева А. Они верили в Россию... (Бои юнкеров в Москве в октябре-ноябре 1917 г.)//Военная быль - 1993 - № 1(130) - С. 21-22.

175. Кручинин АС. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии: История неудачных попыток. - М.: Военно-историческая библиотека «Военной были», 1999. — 94 с.

176. Кулешов СВ. Размышления о революции//Отечественная история - 1996 - № 6 - С. 110-128.

177. Маслаков А. Предшественники Добровольческой армии//Белая Гвардия - 1998 - № 2 - С. 59-68.

178. Минаков СТ. За отворотом маршальской шинели. — Орел, 1999. - 360 с.

179- Минаков СТ. Советская военная элита 20-х годов (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). - Орел, 2000. - 560 с.

180. Ненароков АЛ. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. - М.: Политиздат, 1977. - 239.

181. Поликарпов ВД Пролог Гражданской войны в России (октябрь 1917-февраль 1918). - М.: Наука, 1976. - 416 с.

182. Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 г./Сост. СТ. Минаков. - Орел, 1989. - 96 с.

183. Росс Н.Г Врангель в Крыму. — Франкфурт-на-Майне, 1982. - 376 с.

184. Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). - М.: Российский архив, 1997. - 296 с.

185. Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году//Вопросы истории - 1987 - № 10 - С. 178.

186. Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917-1920 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. - Ярославль, 1995.

187. Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. - М.: Посев, 2000. - 167 с.

188. Цветков В.Ж. Добровольческая армия в Центрально-Черноземном районе (сентябрь-октябрь 1919 г.)//Война в истории России: Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). - Курск РОСИ, 1997. С. 82-84.

Абинякин Роман Михайлович

**ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ:
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ.
1917-1920 гг.**

Издатель Александр Воробьев

Лицензия № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 31.01.2005 г.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура GaramondC.
Тираж 1000 экз. Заказ № 059.